

СЕВЕРНЫЙ (АРКТИЧЕСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Звягин Сергей Александрович

**МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОМОРЬЯ
ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – «Социальная философия»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор Терехихин Н.М.

Архангельск 2019 г.

Содержание работы

	Введение.....	3
Глава 1	Теоретико-методологические основы анализа морского наследия и социокультурного пространства Поморья.....	21
1.1	Концептуально-методологические основы исследования морского наследия.	21
1.2	Подходы к исследованию социокультурного пространства Поморья.....	35
1.3	Геополитические детерминанты, среда и традиции в смысловом поле морского наследия Поморья.....	50
Глава 2	Генезис и факторы формирования морского наследия Поморья.....	64
2.1	Историческая преемственность и истоки формирования морского наследия Поморья.....	64
2.2	Маринистика как компонент морского наследия	85
2.3	Опыт сохранения морского наследия в контексте новой социальной реальности	90
2.4	Морское наследие как инновационный ресурс развития социокультурного пространства Поморья	104
	Заключение.....	119
	Список литературы.....	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Морская деятельность и порожденные ею морская культура и морское наследие занимают ключевое положение в генезисе и развитии геоэкономического и социокультурного пространства Поморья.

В условиях социокультурной трансформации российского общества социально-философское исследование морского наследия определяется не классическими моделями образовательной и просветительской деятельности, традиционно управлявшими процессами трансляции историко-культурного наследия, а условиями модернизации, при которых постигаемые человеком смыслы нуждаются в обобщениях междисциплинарного характера и требуют новых исследовательских подходов в определении социальных смыслов, ценностей и норм.

Актуальность темы обусловлена отсутствием теоретических исследований, связанных с социально-философским осмыслением феномена морского наследия. Отсюда возникает необходимость исследования и изучения семиотического и функционального статуса морского наследия в современном социокультурном пространстве России.

В прикладном значении социально-философский анализ морского наследия выявляет стратегию и конфигурацию социокультурных практик, направленных как на формирование программ духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи, так и на сферы социально-экономического развития.

Исследование соотношения морского наследия и социокультурного пространства Поморья актуально не только в сфере теоретического гуманитарного поиска, но и в сфере социальной деятельности человека и общества, в переосмыслении отношения к морскому наследию от «охранительной» концепции к концепции социального развития. Данный аспект определяет поиск тех качественных особенностей морского наследия, которые делают его социально значимым и непохожим на все другие инициативы и виды

практики, выделяет его атрибутивные, имманентные и системообразующие качества.

Изучение феномена морского наследия, смысл и значение которого заданы историческим и социокультурным фоном, изначально проникающим в его сущность, направлено к новым социокультурным обстоятельствам. При этом смысловое поле исследуемого феномена морского наследия обращено к будущему, а его связь с предшествующими концепциями определяется автором как социокультурная смысловая данность, ушедшая в историю незначительно. Отсюда возникают задачи рассмотрения ценностей, которые заложены в морском наследии потенциально и раскрываются в контексте новой социокультурной и пространственно-временной заданности.

Феномен «морское наследие» имеет важное эвристическое значение не только в познании духовного содержания человеческой деятельности, но и в том, что он может широко использоваться в исследовании социальных, политических и экономических реалий России, в жизни человека и общества.

Степень научной разработанности темы

Степень разработанности темы определена широким диапазоном источников, требующих философского осмысления ценностно-смыслового содержания морского наследия. Анализ разработанности темы, прежде всего, потребовал обращения к понятийно-терминологическому инструментарию исследования. Термин «морское наследие» официально был применен в 1998 г. в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы №1168 «Вызовы будущего в развитии морской науки и технологий в Европе»¹. В России он был зафиксирован в «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года»² и отмечен в Морской Доктрине России³, однако в законодательных документах содержание термина не раскрывается.

¹ Цит. по: Мозговой С.А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. Т. 1998, № 9. С. 31–40.

² Собрание законодательства РФ. 2010. № 51. Ст. 6954.

³ <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqiftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (Дата обращения.17.01.2018).

Понятийное содержание термина «морское наследие» было рассмотрено С.А. Мозговым⁴ и П.А. Филиным⁵. Ориентируясь на официальные отечественные и зарубежные законодательные источники, авторы дают классификацию объектов морского наследия и справедливо указывают, что термин «морское наследие» не получил еще широкого применения в научной практике. Термин интерпретируется в основном в контексте понятий «культурное и природное наследие», «морская деятельность».

Наиболее эффективно термин зарекомендовал себя в теории и истории культуры, исторических и географических исследованиях, однако в научной публицистике широко используется термин «морская культура». Это потребовало обращения к большому объему научных исследований, позволяющих всесторонне, на междисциплинарном уровне рассмотреть содержание термина. В их числе труды по морской культуре современных исследователей: Е.Ю. Терещенко⁶, С.А. Мозгового, П.А. Филина, Г.К. Войтоловского⁷, как предмета философского анализа морской культуры труды Н.М. Терехихина⁸. Теоретико-методологическое влияние на разработку темы оказали геополитические идеи и исследования *зарубежных* философов: Т. Карлейля⁹, А. Мэхэна¹⁰, К. Шмитта¹¹, Ф. Ратцеля¹², Д. Паксмана¹³, О. Шпенглера¹⁴,

⁴ Мозговой С.А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. № 9. С. 31-40. URL: <http://blackseafleet-21.com/newsid/9755> (Дата обращения.17.01.2018).

⁵ Филин П.А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: материалы Первой науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С.112.

⁶ Терещенко Е.Ю. Морфология современной морской культуры Кольского Севера // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 208–219.

⁷ Теория и практика морской деятельности. Вып. 8: Факторы развития: внутренние и внешние / сост.: Батурова Г.В., Войтоловский Г.К. [и др.]. М.: СОПС, 2006. 224 с. (Серия научных публикаций / под ред. проф. Войтоловского Г.К.).

⁸ Терехихин Н.М. Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2004. 272 с.

⁹ Карлейль Т. Этика жизни. СПб.: Знамение, 1999. 411 с. : ил.

¹⁰ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.

¹¹ Шмитт К. Земля и море: созерцание всемирной истории / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. Лейпциг, 1942. 27 с.; Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum* / пер. с нем. К. Лоцевского и Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008. 672 с.

¹² Ратцель Ф. Политическая география (в излож. Л. Синицкого) // Геополитика : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 15–36.

¹³ Паксман Д. Англия: портрет народа / [пер. с англ.: И.А. Егоров]. СПб.: Амфора, 2009.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.

Ф. Гребнера¹⁵, В. Шмидта¹⁶, А. Тойнби¹⁷, Л. Фробениуса¹⁸, Т. Хейердала¹⁹, *отечественных*: Н.Я. Данилевского²⁰, П.А. Флоренского²¹, П.Н. Савицкого²², Л.Н. Гумилёва²³, А.Г. Дугина²⁴.

Система понятий определила постановку ключевой проблемы диссертации в определении морского наследия как предмета социально-философского анализа, что потребовало обращения к широкому спектру научных трудов и исследований междисциплинарного характера *русских* философов: Г.П. Федотова²⁵, И.А. Ильина²⁶, Ф.А. Степуна²⁷, М.М. Бахтина²⁸, классиков *зарубежной* социальной философии и социологии XIX–XX вв. М. Вебера²⁹, Г. Спенсера³⁰, П. Бурдьё³¹, М. Хальбвакса³², Г. Зиммеля³³, Э. Дюркгейма³⁴, М. Мосса³⁵, Н. Элиаса³⁶, А. Рэдклиффа-Брауна³⁷, *российских*: П.А. Сорокина³⁸, С.Л. Франка³⁹, Л.И. Мечникова⁴⁰, А.Б. Гофмана⁴¹, *современных* социологических исследований:

¹⁵ Цит. по: Марков Г.Е. Немецкая этнология. М.: Академ. Проект : Гаудеамус, 2004.

¹⁶ Цит. по: Марков Г.Е. Немецкая этнология. М.: Академ. Проект : Гаудеамус, 2004.

¹⁷ Тойнби А.Д. Постигание истории: сб. / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

¹⁸ Фробениус Л. Детство человечества : первобытная культура аборигенов Африки и Америки / пер. с нем. С.Д. Чулока. Изд. 2-е. М.: URSS Либроком, 2012.

¹⁹ Хейердал Т. Древний человек и океан : [пер. с англ.]. М.: Мысль, 1982.

²⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002.

²¹ Флоренский, П.А. Иконостас; Имена. М.: АСТ, 2009.

²² Савицкий, П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

²³ Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: АСТ, 2008.

²⁴ Дугин, А.Г. Основы геополитики. М.: Артогея, 1997.

²⁵ Федотов, Г.П. Новый град : сб. ст. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. - 377, [1] с.;

²⁶ Ильин, И.А. Путь к очевидности. М. : ЭКСМО-пресс, 1998.

²⁷ Степун, Ф.А. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд., доп. СПб. : Алетейя, 2000. 644, [2] с.

²⁸ Бахтин, М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / сост. Г.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 328–334.

²⁹ Вебер, М. Избранное. Образ общества : [Пер. с нем.]. М. : Юрист, 1994. 702 с.

³⁰ Спенсер, Г. Основания социологии : пер. с англ. Изд. 3-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 432 с.

³¹ Бурдьё, П. Практический смысл / пер. с фр., отв. ред., послесл. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

³² Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин]. М. : Новое изд-во, 2007

³³ Зиммель, Г. Как возможно общество? // Социол. журнал. 1994. № 2. С. 102–114.

³⁴ Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с

³⁵ Мосс, М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А.Б. Гофмана. М. : Книжный дом - Университет (КДУ), 2011. 413, [2] с. : ил.

³⁶ Элиас, Н. О процессе цивилизации : социогенет. и психогенет. исслед. Т. 1-2 / Акад. исслед. культуры. М. ; СПб. : Унив. кн., 2001.

³⁷ Рэдклифф-Браун, А.Р. О социальной структуре / пер. с исход. журн. варианта: В.Г. Николаев // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 21–37.

³⁸ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

³⁹ Франк, С.Л. Духовные основы общества: [сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев]. М.: Республика, 1992.

⁴⁰ Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995. 461 с.

⁴¹ Гофман, А.Б. Социальное, социокультурное, культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник – 2010. М., 2010. С. 128–136.

Н.И. Лапина⁴², Л.В. Басовой⁴³, Е.А. Тюгашева⁴⁴, Ю.В. Попкова⁴⁵, Е.А. Манчур⁴⁶,
 М.Н. Ремизовой⁴⁷, В.А. Любичанковского⁴⁸, О.В. Овчинникова⁴⁹, Ю.Ф. Лукина⁵⁰,
 А.А. Дрегалю⁵¹, В.И. Ульяновского⁵², Т.В. Артемьевой⁵³, Ю.В. Карлсон⁵⁴,
исторических исследований, связанных с темой Поморья и Русского Севера:
 В.Н. Булатова⁵⁵, А.А. Куратова⁵⁶, В.В. Брызгалова⁵⁷, Р.А. Давыдова⁵⁸,
 В.А. Пальмина⁵⁹, Т.С. Буториной⁶⁰, В.П. Кузнецова⁶¹, В.В. Мавродина⁶²,

⁴² Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 3. С. 3–47.

⁴³ Басова, Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество. 2012. Вып. №1(65). С. 109–118

⁴⁴ Тюгашев, Е.А. Поморская философия и континентальный ландшафт. 6 марта 2012 г. : [электронный ресурс]. URL: <http://eugen-tugashev.livejournal.com/25672.html> (Дата обращения: 03.07.2017)

⁴⁵ Попков Ю.В. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ / отв. ред. В. И. Бойко; [АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии]. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990. 200.[1] с.

⁴⁶ Манчур Е.А. Социокультурный контекст науки. М.: ИФ РАН, 1998. 221 с.

⁴⁷ Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10, ч. 1. С. 158–162.

⁴⁸ Любичанковский, В.А., Любичанковский, А.В. Проблема влияния социокультурных факторов на геоэкологическое состояние природно-антропогенных ландшафтов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2006. № 7. С. 128–133.

⁴⁹ Овчинников О.В., Попаренко Я.В., Сметанин А.В. Северо-Западный федеральный округ : рождение макрорегиона : [учеб. пособие]. Архангельск, 2005. 309 с., [4] л. цв. ил.

⁵⁰ Лукин Ю. Ф. Многомерность пространства Арктики : монография. Архангельск ; Лондон : Издательский дом им. В. Н. Булатова САФУ [б. и.], 2017. - 249 с. : ил.

⁵¹ Дрегалю, А.А., Ульяновский, В.И. «Nordman»: пролегомены к социально-культурной типологии северного человека // Арктика и Север: электрон. науч. журнал. 2011. № 1. С. 14–35.

⁵² Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера : монография. Архангельск: САФУ, 2017. 251 с. : ил.

⁵³ Артемьева, Т.В., Бажанов, В.А., Микешин, М.И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. = The reception of the british social and philosophical thought in Russia in 18–19 centuries : учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей высшей школы. СПб. : С.-Петербург. центр истории идей, 2006. 138 с.

⁵⁴ Карлсон, Ю.В. Структуры повседневности: социально-философский анализ: [монография]. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 110 с.

⁵⁵ Булатов, В.Н. Русский Север : [в 5 кн.]. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. 350, [1] с., 1 л. портр.

⁵⁶ Куратов А.А. История и историки Архангельского Севера : Вопр. источниковедения и историографии. Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999. 271 с.

⁵⁷ Брызгалов В.В., Таптыгин М.Ю. Морфологические процессы и историческая география дельты реки Северной Двины // Поморье в Баренц-Регионе: Экология, экономика, социальные проблемы, культура : Тез. III Междунар. конф. Архангельск, 1997. С. 215.

⁵⁸ Давыдов, Р.А. Н.Я. Данилевский и его деятельность по изучению, стимулированию российских морских и зверобойных промыслов в евроарктическом регионе в конце 1850-х – 1860-х гг. // Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова: материалы междунар. конф., 6–7 июня 2011 г. Архангельск: Арханг. науч. центр, 2011. С. 74–79.

⁵⁹ Пальмин, В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск : Помор. ун-т, 2008. 188, [1] с.

⁶⁰ Буторина, Т.С., Щекина, С.С. Образ жизни поморской семьи 18-19 веков. URL: <http://www.hnh.ru/culture/2011-04-02-3>

⁶¹ Кузнецов, В.П. Речные деревянные суда. Л. : Речной транспорт. Ленингр. отд-ние, 1956. 232 с. : ил.

⁶² Мавродин, В.В. Начало мореходства на Руси. Л.: ЛГУ, 1949. 148 с.

Ф.Ф.Веселаго⁶³, В.Ю. Визе⁶⁴, М.И. Белова⁶⁵, Н.П. Загоскина⁶⁶, Н.Н. Гуриной⁶⁷, В.М. Пасецкого⁶⁸, Н.П. Боголюбова⁶⁹, П.В. Федорова⁷⁰, А.В. Огорокова⁷¹, В.Ф. Старкова⁷², А.К. Толмачева⁷³, Т.М. Матвеевой,⁷⁴ *этнографических исследований*: К.П. Гемп⁷⁵, Т.А. Бернштам⁷⁶, А.Н. Давыдова⁷⁷, С.В. Максимова⁷⁸, трудов по *теории и истории культуры* Б. Малиновского⁷⁹, Ю.М. Лотмана⁸⁰, М.С. Кагана⁸¹, Э.В. Соколова⁸², В.А. Щученко⁸³, Е.Ю. Терещенко⁸⁴,

⁶³ Веселаго, Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб.: Тип. Демакова, 1875. 701 с.

⁶⁴ Визе, В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII–XIX вв. : биограф. словарь. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 72 с.; Визе, В.Ю. Моря Советской Арктики: очерки по истории исследования. Л.: Главсевморпуть, 1948. 296 с.

⁶⁵ Белов, М.И. По следам полярных экспедиций. Л.: Гидрометеиздат, 1997. 144 с.; Белов, М.И., Пинхенсон, Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. М.: Морской транспорт, 1956–1962 гг. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 767 с.; Т. 3. 511 с.; Т. 4. 616 с.

⁶⁶ Загоскин, Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань: Лито-тип. И.Н. Харитоновна, 1910. 505 с.

⁶⁷ Гурина, Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. 1948. № 10. С. 125–142.

⁶⁸ Пасецкий, В.М. Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974. 230 с. Пасецкий, В.М. Первооткрыватели Новой Земли. М.: Наука, 1980. 195 с.

⁶⁹ Боголюбов, Н.П. Общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен // История корабля: в 2 т. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1879. Т. 1. 354 с.

⁷⁰ Федоров, П.В. Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.: монография. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.

⁷¹ Огороков, А.В. Древнейшие средства передвижения по воде. М.: Рос. ин-т культурологии, 1994. 217 с.

⁷² Старков, В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2: Россия и Северовосточный проход. М.: Научный мир, 2001. 116 с.

⁷³ Толмачев, А.К. Исторические суда – памятники национального культурного наследия // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.). Калининград: Терра Балтика. 2010. С. 315

⁷⁴ Матвеева, Т.М. Убранство русских кораблей. Л.: Судостроение, 1979. 230 с.

⁷⁵ Гемп, К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия: [книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищем]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. 78, [2] с.; Гемп, К.П. Сказ о Беломорье; Словарь поморских речений / [науч. ред. В.Н. Булатов ; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2-е изд., доп.]. М.: Наука ; Архангельск : Поморский ун-т, 2004. 637 с., [13] л. ил.

⁷⁶ Бернштам, Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.; Бернштам, Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 233 с.

⁷⁷ Давыдов, А.Н., Терехин Н.М. Порт и корабль: семантика северорусской морской культуры // Механизмы культуры : сб. науч. трудов / под ред. Б.А.Успенского. М.: Наука, 1990. 268 с.; Давыдов, А.Н. «Старая Соломбала»: семантика урбоскансена морской культуры в структуре портового города // Семиотика культуры : тез. докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры, 18–28 сентября 1989 г. Архангельск : ПГУ, 1989. С. 87–90.

⁷⁸ Максимов, С.В. Год на Севере. СПб.: Тип. А.Траншеля, 1871. 690 с.

⁷⁹ Малиновский, Б. Научная теория культуры / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед., Центр типологии и семиотики фольклора. М.: О.Г.И., 2005. 183 с. (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).

⁸⁰ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : Человек – текст – семиосфера – история / Тартус. ун-т. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. XIV, 447 с. (Язык. Семиотика. Культура).

⁸¹ Каган, М.С. Философия культуры / Акад. гуманит. наук и др. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с. : схем

⁸² Соколов, Э.В. Введение в психоанализ. Социокультурный аспект. СПб : Лань, 1999. 320 с. (Мир культуры, истории и философии).

⁸³ Щученко, В.А. Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа. СПб., 2011. С. 1

⁸⁴ Терещенко, Е.Ю. Морфология современной морской культуры Кольского Севера // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 208–219.

А.Б. Пермиловской⁸⁵, по теме *социальных отношений и культурной географии* исследования: В.Н. Калуцкова⁸⁶, Ю.А. Веденина⁸⁷, М.Е. Кулешовой⁸⁸, Ю.Л. Мазурова⁸⁹; И.П. Чалой⁹⁰, Н.Ю. Замятиной⁹¹, Т.Н. Кучинской⁹², *культурного наследия*: Д.С. Лихачева⁹³, П.М. Шульгина⁹⁴. Одной из фундаментальных проблем социальной философии, рассматриваемой в диссертации, является концепция социокультурного пространства, что определило обращение к трудам П. Бурдьё⁹⁵, М. Вебера⁹⁶, Э. Дюркгейма⁹⁷, Г.Е. Зборовского⁹⁸, Г. Зиммеля⁹⁹, Т. Парсонса¹⁰⁰, В.К. Потемкина¹⁰¹, П.А. Сорокина¹⁰², А.Ф. Филиппова¹⁰³, Н.И. Лапина¹⁰⁴. В науке сформировалось несколько подходов к определению социокультурного пространства. Среди них концепции Ю.В. Бромлей¹⁰⁵, В.Л. Каганского¹⁰⁶, В.Н. Калуцкова¹⁰⁷, Н.А. Ивановой¹⁰⁸. Социокультурное

⁸⁵ Пермиловская, А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.

⁸⁶ Калуцков, В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т.1, № 1. С. 27–36; Калуцков, В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

⁸⁷ Веденин, Ю.А., Кулешова, М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Мазуров, Ю.Л. Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. М.: РАН, НИИ культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, 2004.

⁹⁰ Чалая, И.П. Историко-культурные и природные территории Архангельской области Ненецкого автономного округа. М.: РАН РНИИ культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева. М., 2003. 117 с.

⁹¹ Замятина, Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С.151–163.

⁹² Кучинская, Т.Н. Региональный брендинг Забайкальского края // Известия Иркут. гос. ун-та. 2010. № 1(4). С. 24–33. URL: <http://isu.ru/izvestia>

⁹³ Лихачев, Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. 667с.

⁹⁴ Шульгин, П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. Социология. Этнология. 2004. № 2. С 115–133.

⁹⁵ Бурдьё, П. Социология социального пространства. М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с

⁹⁶ Вебер, М. Избранное. Образ общества : [Пер. с нем.]. М. : Юрист, 1994. 702 с.

⁹⁷ Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках).

⁹⁸ Зборовский, Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974. 221 с.

⁹⁹ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

¹⁰⁰ Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.

¹⁰¹ Потемкин, В.К., Михайлов С.Г. Управление персоналом: социокультурные трансформации, социальный мониторинг. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2015. 426 с. : ил.

¹⁰² Сорокин, П.А. Система социологии: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. 688 с.

¹⁰³ Филиппов, А.Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 103–115.

¹⁰⁴ Лапин, Н.И. Общая социология: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., доп. М.: Высшая школа, 2009. 452 с.

¹⁰⁵ Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987. 334 с.

¹⁰⁶ Каганский, В.П. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Ст. 1: Евразийство как позиция // Общественные науки и современность. 2003. № 4.; То же. Ст. 2: Правда евразийства? // Общественные науки и современность. 2003. № 5.

пространство как систему локальных и универсальных механизмов коммуникации исследовали В.Н. Матонин¹⁰⁹, В.И. Коротаев¹¹⁰. Многообразие форм социального пространства посвящены работы М.Н. Ремизовой¹¹¹, О.С. Чернявской¹¹², Г. Е. Зборовского¹¹³, Н. А. Ивановой¹¹⁴, А.Ф. Филиппова¹¹⁵. Авторы современного социологического дискурса Н.И. Лапин¹¹⁶, А.А. Дрегало¹¹⁷, В.И. Ульяновский¹¹⁸, Л.М. Семашко¹¹⁹ резюмируют, что социальное пространство и время не просто условия связанности, непрерывности, организованности социального процесса, это формы движения человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов жизненных процессов¹²⁰. Археомодерн как *инструмент социологического исследования* изучает в своих трудах А.Г. Дугин. Системному единству социокультурного пространства с элементами однородности и

¹⁰⁷ Калуцков, В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

¹⁰⁸ Иванова, Н.А. Социальные практики: условие возможности, сущность и многообразие форм // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: «Философия. Социология. Культурология». Вып. 33. 2014. № 17(346). С. 76–82.

¹⁰⁹ Матонин, В.Н. Механизмы конструирования социокультурного пространства Помезенья // Вестник САФУ. Культурология, искусствоведение. 2013. №3. С. 120–123.

¹¹⁰ Коротаев, В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998. 189 с.

¹¹¹ Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «Социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10, Ч. 1. С. 158–162.

¹¹² Чернявская, О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С.329–335.

¹¹³ Зборовский, Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1974. 184 с.

¹¹⁴ Иванова, Н.А. Социальные практики: условие возможности, сущность и многообразие форм // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 17 (346): Философия. Социология. Культурология. Вып. 33. С. 76–82.

¹¹⁵ Филиппов, А.Ф. Прикладная социология пространств // Социологическое обозрение. 2009. Т.8, №3. С. 3–15.

¹¹⁶ Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 3. С. 3–47.

¹¹⁷ Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера : монография. Архангельск: САФУ, 2017. 251 с. : ил.

¹¹⁸ Ульяновский, В.И. Социальное пространство региона Европейского Севера .Социологический анализ, диагностика, гуманизация : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-prostranstvo-regiona-evropeiskogo-severa-sotsiologicheskii-analiz-diagnostika-gum#ixzz5dT94NT4e> (Дата обращения 12.07.2017).

¹¹⁹ Семашко, Л.М. Тетрасоциология: ответы на вызовы : переход плюрализма от теории к технологии, от расизма к сопротивлению, от постмодернизма к постплюрализму. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2002. 207 с. : ил., табл. URL: <http://av.disus.ru/programma/1838708-1-lmseashko-tetrasociologiya-otveti-vizovi-perehod-plyuralizma-teorii-tehnologii-gazizma-soprotivleniyu-postmodernizma-postplyuralizmu-eta.php/> (Дата обращения: 1.06.2017).

¹²⁰ Пространство и время социальных изменений / В.Н. Ярская, О.Н. Ежов, В.В. Печенкин, Л.С. Яковлев. Саратов . Изд-во Сарат. ун-та, 2004. 280 с.

одновременно многомерности посвящены работы И.М. Гуткиной¹²¹, Л.В. Силкиной¹²².

Важным компонентом диссертационного исследования является проблема «традиции» и тех традиционных ценностей, которые «традиция» приобретает на современном этапе развития социокультурного пространства Поморья.

В отечественной социально-философской мысли «апогей» в исследовании методологических проблем традиционности пришелся на 80-е годы XX в., когда перед философской наукой встала проблема изучения механизмов культуры и ее наследия. Данная проблематика рассматривается в исследованиях В.М. Межуева¹²³; Е.А. Баллера¹²⁴; М.Н. Громова¹²⁵, И.К. Кучмаева¹²⁶.

Морская тема, в какой бы области она не рассматривалась, связана с понятием пространства. Осмысление пространства имеет разные уровни представлений: от физического, ассоциативного, до сакрального. В результате сложились устойчивые представления о географических объектах или устойчивых культурно-значимых символах, имеющих разную степень пространственных коннотаций.

Географический ареал исследования: Процесс освоения пространства именуемого «Русский Север» достаточно подробно исследован в отечественных гуманитарных науках. Так, например, В.Н. Калуцков¹²⁷, определяя *Русский Север* как геоконцепт, соотносит его с территорией (местом) определенного сообщества, обладающего устойчивым образом. В структурном качестве геоконцепт «стягивает» и удерживает как целое образ места, топоним и определенную территорию (место). Подобной структуре соответствует концепт «Поморье»,

¹²¹ Гуткина, И.М. К вариативности связи понятий «пространство» и «культура» // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI в. Саратов, 1999. С. 64–66.

¹²² Ремизова, М.Н. Интерпритация понятия «Социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2012. № 1, Ч. 1. С. 158–162.

¹²³ Межуев, В.М. Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. №1; Культура и история. М.: Политиздат, 1977; Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Университ. книга, 2012. 406 с.

¹²⁴ Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969. 294 с.; Баллер, Э.А. Социалистический прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1969. 270 с.

¹²⁵ Громов, М.Н. Культурное наследие как основа национальной идентичности. М.: Гносис, 2005.

¹²⁶ Кучмаева, И.К. Культурное наследие: современные проблемы. М.: Наука, 1987.

¹²⁷ Калуцков, В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т.1, № 1. С. 27–36.

признанный еще в XIX в. и широко используемый сегодня. Тема образов географического пространства в философии исследована в трудах Д.Н. Замятина и Н.Ю. Замятиной¹²⁸.

Общность значений социально-философского характера формируется, в том числе, и под влиянием созерцания и чувственных впечатлений, отраженных в маринистике и в символике бренда Поморья, что потребовало обращения к исследованиям этой темы: М.В. Тарасовой¹²⁹, Н.Я. Веретенникова.¹³⁰ И.В. Грошева¹³¹.

Обзор научно-исследовательской литературы свидетельствует об отсутствии специальных монографий и диссертационных работ, в которых морское наследие выступало бы в качестве предмета социально-философского анализа. Вместе с тем, современные культурологические концепты, уходящие в глубокие исторические пласты культуры Русского Севера и Поморья в частности, отражены в исследованиях философского и культурологического дискурса, связанного с морской проблематикой.

Анализ степени изученности темы показывает, что морское наследие в контексте социальной философии до настоящего времени не стало предметом широкого научного исследования.

Социальные аспекты морского наследия, его аутентичность и репрезентативность в обществе, а также правомочность этой репрезентативности являются новыми проблемами, до настоящего времени практически не затронутыми исследователями. Фактически, только в процессе исторического и культурологического изучения была обозначена проблема его легитимности, однако его статус и место в современном обществе не изучен.

¹²⁸ Замятин, Д.Н. Культура и пространство : моделирование географических образов / Рос. НИИ культ. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Знак, 2006. 485 с.: ил.; Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506, [1] с.; Замятина, Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования. 2011. № 2 (32). С. 24–35

¹²⁹ Тарасова, М.В. Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики. 2011. URL: [www./http cheloveknauka.com/novorossiyskaya istorii-mirovoy](http://www.cheloveknauka.com/novorossiyskaya-istorii-mirovoy). (Дата обращения: 3.05.2018).

¹³⁰ Веретенников, Н.Я. Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа // Известия Саратовского ун-та. 2012. Вып.3. С.6–10.

¹³¹ Грошев, И.В. Аналитика современных дефиниций и подходов // Вестник РУДН. Серия Экономика, 2013. № 4 С.94–104.

Объект исследования

Объектом исследования является социокультурное пространство Поморья.

Предмет исследования

Предметом исследования является феномен морского наследия Поморья.

Цель диссертационного исследования

В условиях социальной трансформации, которую стабильно переживает общество, в условиях непрекращающихся реформ и модернизации «сверху», морское наследие предлагает органичное развитие на собственной основе как социальной «подсистемы», направленной на прогрессивные социальные и культурные изменения в Поморье. Целью исследования является обоснование феномена морского наследия как ценностного фактора развития социокультурного пространства Поморья. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

Задачи работы

Исходя из поставленной цели, в диссертации формулируются следующие задачи:

- систематизация концептуально-методологических основ и особенностей исследования морского наследия Поморья, выявление его сущности, функций и смыслового поля;
- интерпретация понятия «социокультурное пространство» и подходов к исследованию социокультурного пространства Поморья;
- комплексное описание исторической преемственности и истоков формирования морского наследия в Поморье, выявление его геополитических детерминант, характера среды и традиций в смысловом содержании морского наследия;
- характеристика маринистики как компонента морского наследия;

– выявление статуса морского наследия как инновационного ресурса развития социокультурного пространства Поморья, раскрытие бренда «Поморье» в сфере туристско-рекреационных активов региона.

Научная новизна темы

– Впервые морское наследие Поморья рассматривается как предмет социально-философского исследования, предложено авторское представление пространственно-средового актива морского наследия в контексте формирования социокультурного пространства Поморья.

– Доказана неотъемлемая (имманентная) связь модернизации и традиционализма морского наследия, рефлексии которого на социокультурную действительность определяют и выражают его как важный инновационный ресурс социального развития.

– Морское наследие Поморья определено как структурный уровень локального геокультурного пространства как на фоне социальной и историко-политической реальности, так и на уровне сознания личности.

– Доказано, что морское наследие Поморья как феномен исторического и социального характера, являясь источником и механизмом социокультурного изменения, проявляет значимость и конструирует социальную реальность вокруг себя, превращаясь в социальный конструкт, содержащий в себе креативный смысл и инновационную сущность.

– Доказан универсальный характер морского наследия, влияющий также на сферу психоэмоционального состояния личности, опирающейся не только на знание и истину, но и на этические и эстетические параметры воздействия на сознание человека.

– Раскрыто понятие «традиция» в мореведческой интерпретации. В данном аспекте она обретает философское понятие и освобождается от всяких хронологических ограничений; из средства и функции традиция превращается в сущность социокультурного характера.

– Определен феномен туристско-рекреационных возможностей морского наследия как инноваций, включающих научно-технический и экономический блок, что дает основание рассчитывать на перспективу развития круизного, морского, речного и экспедиционного туризма на севере России. Примером могут служить новые для Поморья формы развития марин (стоянок для маломерных судов), где наряду с сохранением и развитием учебно-воспитательного процесса в клубных учреждениях и парусных центрах создается материальная база и условия для организации социально-экономической инфраструктуры водно-моторного и яхтенного туризма.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Морское наследие и его ценностный потенциал рассмотрены автором как составная часть стратегии социокультурного развития Поморья, в силу чего многие институты, которые участвуют в реализации социокультурных проектов и программ, могут быть ориентированы на разрешение проблем, связанных с осмыслением путей интеграции морского наследия в современный социальный контекст. Таким образом, осознание необходимости пересмотра отношения к морскому наследию, переход от «охранительной» концепции к концепции устойчивого социально-экономического развития, в рамках которой морское наследие рассматривается как ценностный фактор, является важным шагом на пути становления новой парадигмы – интеграции морского наследия в современный социальный контекст Поморья.

В диссертационной работе морское наследие рассматривается с точки зрения возможностей его интеграции в современное социокультурное пространство и среду. Это в свою очередь предполагает экспертный и компаративный анализ инновационных проектов и программ, рассматриваемых в качестве оптимальных и эффективных форм включения объектов морского наследия в современный социокультурный контекст, например для разработки концепции по развитию инфраструктуры для маломерного флота и развития сети марин на севере России.

Научно обоснованные принципы и механизмы развития и сохранения морского наследия как феномена региональной социокультурной политики могут быть использованы и уже применялись автором в качестве теоретико-методологической базы для решения конкретных практических задач, связанных с проблемой сохранения морского наследия. В качестве практического материала исследования автором была разработана концепция проекта «Поморская гавань»

Результаты диссертационного исследования позволяют:

– разработать социокультурную модель освоения и использования морского наследия, представленную как набор целевых ценностных ориентаций в рамках региональной социокультурной политики;

– быть теоретической основой для проектирования сети морских историко-культурных центров с целью профессиональной ориентации молодежи, для разработки образовательных и методических рекомендаций в преподавании морских дисциплин в школах и ВУЗах.

В диссертации разработаны практические предложения и обоснованы механизмы развития внутреннего туризма как социально-экономической формы сохранения и использования морского наследия в современных условиях. Определены объективные обстоятельства, формирующие бренд Поморья как социокультурного концепта, который учитывает следующие факторы:

фактор уникальности определяется историко-культурным и природным наследием, культурный ценз которого имеет мировое значение, например, Соловецкие острова, петроглифы, флора и фауна Белого и Баренцева морей, деревянная архитектура, поморское судостроение. Это подтверждает возможности использования морского наследия для развития водного, яхтенного, экспедиционного, арктического и круизного туризма, что предполагает, в свою очередь, развитие социальной инфраструктуры и создание новых рабочих мест.

фактор интеграции заключается в сотрудничестве соседних регионов - Архангельской, Мурманской областей и Карелии, объединённых морскими и речными артериями и общностью интересов местного населения в сфере

расширения транспортных коммуникаций, развития науки и образования. Этот фактор, кроме научно-технологического и экономического блока, предусматривает развитие международного сотрудничества и сохранение Арктики в качестве зоны мира.

Гипотеза исследования

В формировании социокультурного пространства Поморья проявляются две противоположные тенденции, диалектическое единство которых образует феномен морского наследия:

1. стремление к модернизации,
2. сознательное стремление к традиционализму.

Первая тенденция обусловлена военно-экономическими мотивами государства, вторая – потребностями россиян в национальном самоутверждении. Непрерывное взаимодействие данных противоположных тенденций, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступает источником развития морского наследия как феномена исторического и социокультурного характера, создавая условия для обретения им статуса социального института, функционирующего в социокультурном пространстве Поморья.

Методологическая основа исследования

В диссертационном исследовании использованы принципы диалектико-материалистического подхода к анализу феномена морского наследия Поморья: объективности, взаимозависимости явлений, единства и борьбы противоположностей как источника развития; общенаучные методы: анализ, синтез, классификация, аналогия, обобщение.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют комплексный анализ и системный подход к изучению источников и научной литературы преимущественно социально-философского и культурологического направлений. Используются научные теории *структурно-функционального и аксиологического подходов*, изложенные в работах Э.В. Соколова, М.С. Кагана,

Б. Малиновского, и *структурно-семиотический анализ* в работах Ю.М. Лотмана, Н.М. Терехина, позволяющие рассмотреть морское наследие как целостный феномен, имеющий системный характер и дающий возможность представить предмет исследования как единое целое в ракурсе социально-философского анализа.

Эмпирическую основу исследования составляют: результаты наблюдений, проведенных автором во время международных морских экспедиций, участие автора в отечественных и зарубежных конференциях, семинарах и «круглых столах» посвящённых изучению отечественных и зарубежных практик в сфере морского наследия, создания рекреационных зон, которые дают возможность проследить динамику использования морского наследия в развитии морского, водного и арктического туризма в России.

Положения и выводы, выносимые на защиту

1. Рефлексии морского наследия в ракурсе социально-философского исследования определяют и выражают его как значимый источник для формирования идеологии социокультурного развития Поморья.

2. Морское наследие, являясь феноменом исторического и социокультурного характера, достигнув уровня содержательно-ценностного характера становится «социальной правдой» и «сознательным выбором», определяет значимость и конструирует социальную реальность вокруг себя, превращаясь в институт социальный.

3. Структурно-функциональное содержание морского наследия определяет и доказывает актуальность гипотезы о том, что вместе с технической модернизацией и развитием сферы социокультурного пространства традиции остаются необходимым условием для дальнейшей общественно-коллективной и социальной резидентности.

4. Исключительная роль феномена морского наследия определена в концептах современного социокультурного и инфраструктурного обустройства рекреационных зон прибрежных территорий России.

Апробация и внедрение результатов исследования

Апробация исследования проводилась в ходе докладов, выступлений: на Всероссийской конференции с международным участием «Северные территории России: проблемы и перспективы развития» (г. Архангельск, 2008), Международном семинаре, посвященном 20-летию установления отношений между Архангельском и Вардё в качестве городов-побратимов (г. Вардё, Норвегия, 2009), Международной научной конференции «Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова» (г. Архангельск, 2011), на Круглом столе «Арктика Территория Открытий» (г. Москва, 2012), Научной конференции с международным участием «История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему» (г. Архангельск, 2012), IV Межрегиональном форуме «Во славу флота и отечества» (г. Архангельск, 2012), Международном семинаре «Поморские дни в Вардё» (г. Вардё, Норвегия, 2012), Международном научном семинаре «Морское наследие России» (г. Мадрид, Испания, 2013), семинаре «Морское наследие России. Русское присутствие в Арктике» (НИС «Профессор Молчанов», 2013), Научной конференции «Итоги работы Архангельского центра Русского географического общества в 2013 году» (г. Архангельск, 2013), на заседаниях отдела экологии Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск, 2012–2014), научной конференции «Михайловские чтения» (г. Архангельск, 2014). XIII Поморские чтения по семиотике культуры (г. Архангельск, 2017).

Результаты исследования нашли отражение в реализации Международного культурного проекта «Фолдал» (руководитель Чель Сорбо) совместно с коммуной Лебесбю (отдел Культуры, руководитель. Пер Кристенсен), Норвегия, (г. Челльефьорд, 2007–2011). Предложения по проекту «Поморская гавань» как морской историко-культурный центр» были представлены на заседании Правительства Архангельской области (06.03.2012) и в муниципалитете г. Варде (Норвегия) (29.07.2012). Материалы по развитию туризма на основе социальных

рефлексий и авторского многолетнего опыта морских экспедиций, в том числе в Арктику, направлены в Правительство Архангельской области (02.09.2015) и Администрацию Архангельской области (20.01.2016). Концепция проекта «Поморская гавань» включена в итоговую общественную резолюцию по вопросам социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на VII международном форуме «Арктика – настоящее и будущее» в 2017 г. и в разделе «Перспективные направления арктического туризма» рассмотрено научно-экспертным советом Государственной комиссии по вопросам развития Арктики.

По теме диссертационного исследования опубликованы 23 работы, в том числе 5 в журналах из перечня ВАК:

Глава 1

Теоретико-методологические основы анализа морского наследия и социокультурного пространства Поморья

В первой главе рассматриваются концептуально-методологические подходы и основания в исследовании морского наследия, дано авторское определение феномена «морское наследие», определены его функции. Исследованы теоретико-методологические подходы к определению социокультурного пространства Поморья. Рассмотрена эволюция понятия «социокультурное пространство», понятие «социальной реальности», геополитические компоненты в формировании социокультурного пространства Поморья. Дается определение термина «Поморье».

1.1 Концептуально-методологические основы исследования морского наследия

Интуитивные смыслы морской проблематики и связанной с ней социальной действительности требуют универсализации и междисциплинарного подхода к пониманию и исследованию смыслового поля феномена «морское наследие».

Маринистская специфика консервативна, потому что во многом она опирается на традиционные духовные и сакральные ценности, проверенные временем. Морское наследие охватывает пространство нескольких эпох - от эпохи зарождения в Средиземноморье до проникновения ее на Север, от эпохи викингов до начала XX в., и основывается на диалоге морских культур. Репрезентативное влияние этих эпох на морское наследие заметно и в современном социокультурном пространстве, в сегодняшних реалиях жизни общества.

Мы говорим о морском наследии как о прошлом и его присутствии в настоящем, о том, что необходимо сохранять в современном обществе и передавать последующим поколениям. Оба аспекта важны, но классификация объектов морского наследия в каждом аспекте будет иметь свои характеристики. При классификации морского наследия как объекта нематериальной культуры практические, символические и художественно-образные формы соотносимы с

его внутренним смыслом, когда они содержат или направлены на сохранение традиций морской культуры.

Морское наследие является частью общей ценностно-деятельной концепции культуры и соотносимо с понятием «культурное наследие». Однако понятие «культурное наследие» имеет различные варианты его толкования. Многие исследователи ссылаются на многомерность этого понятия, его широту и многообразие. Так, Р. Темпель и К. Дегль считают, что существует многовариантность форм культурного наследия, которые изменяются в зависимости от новой актуальной перспективы^{132, 133}.

Для анализа культурной составляющей в определении социокультурного пространства Поморья мы рассмотрим общее понятие «культурное наследие» и его актуальность в контексте нашего исследования.

В общей научно-теоретической разработке культурное наследие подразделяется на материальное и нематериальное наследие, а материальное в свою очередь включает в себя движимые и недвижимые объекты. На практике граница между этими группами зачастую бывает размыта. Кроме того, в понятие «морское наследие» входит и природное наследие – морские и прибрежные объекты. Историко-культурное наследие в широком смысле – то, что подлежит сохранению в настоящем ради возможности потребления в будущем. Слово «наследие» означает «унаследованное и принятое от предыдущих поколений содержимое» (духовное, материальное, бытовое), поэтому словосочетание «историко-культурное наследие» совершенно оправдано.

Существуют различные подходы к определению историко-культурного наследия. Например, в сфере охраны памятников природы и культуры сформулировано следующее определение: «Культурное наследие – это совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и природы, осознаваемых социумом как ценности, подлежащие

¹³² Цит. по: Романова А.П., Топчиев М.С. Культурное наследие полиэтничного региона // Культурная память и культурное наследие. С.229. [www/http: kasp.asu.edu.ru](http://kasp.asu.edu.ru) (Дата обращения 2.06.2017).

¹³³ Цит. по: Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество. 2012. Вып. №1(65). С. 109–118.

сохранению и актуализации»¹³⁴. Согласно экономической теории культурного капитала, «культурное» мыслится как экономическая ценность и является общественным благом, включающим эстетические, исторические, социальные, духовные и образовательные ценности¹³⁵.

Ю.А. Веденин в концепции теории «культурного и природного наследия» анализирует понятие культурного наследия с точки зрения современных проблем его сохранения и относит сюда «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями, и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли для её дальнейшего развития»¹³⁶.

Очевидно, что понятие «культурное наследие» многоаспектно и с трудом умещается в рамки термина, а возникновение новых подходов способствует расширению его толкования. Например, А.Н. Панфилов, ссылаясь на необходимость совершенствования законодательной базы, формулирует предложения по пересмотру терминов и понятий «культурное наследие» и предлагает ввести понятие и термин «культурные ценности»¹³⁷.

Морское наследие является междисциплинарным объектом исследования, и это неизбежно накладывает определенный отпечаток на возможные варианты его классификации. Характеристика морского наследия с точки зрения исторического и правового статуса разработана С.А. Мозговым¹³⁸. Структурное содержание и подходы к формированию термина «морское наследие» изучены П.А. Филиным¹³⁹. По мнению этих авторов, термин «морское наследие» является производным от термина «всемирное наследие», а также рассматривается как

¹³⁴ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?85> (дата обращения : 12.05.2011).

¹³⁵ Матецкая, М.В. Основные направления влияния культурного капитала на экономический рост // X Международная научная конференция ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2010. С. 137–144.

¹³⁶ Веденин, Ю.А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике: Тез. докл. республ. науч.-практ. конф. Ставрополь, 1997. С. 4–9.

¹³⁷ Панфилов, А.Н.. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий. (Ч.1) // Право и политика. 2011. № 2. С. 293–305.

¹³⁸ Мозговой, С.А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник. 2013. №9. С. 31–41. URL: <http://blackseafleet-21.com/newsid/9755> (Дата обращения: 20.7.2017).

¹³⁹ Филин, П.А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: материалы Первой науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С.107–117.

«культурное и природное наследие». Авторы справедливо отмечают, что морское наследие – это сложное комплексное образование не только в связи с его внутренним системным устройством, но и почти всегда – в связи с управлением, поскольку в его границах существуют и взаимодействуют различные субъекты права – пользователи, владельцы, собственники сооружений, природных ресурсов, зданий и других материальных и нематериальных объектов. Поэтому сохранение морского наследия, в частности Поморья, непосредственно связано с урегулированием взаимоотношений между всеми этими субъектами и вовлечением населения в работу по поддержанию функций всего социокультурного пространства поморского края.

Этот термин имеет широкое распространение в международной практике и применяется в зарубежном и Российском законодательствах. Термин был зафиксирован в основополагающем документе «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года», где сказано: «Поэтапное разрешение проблем развития морской деятельности должно способствовать позитивным изменениям социально-экономической ситуации в стране, сохранению российских морских традиций и *морского наследия*»¹⁴⁰.

Давая понятию «морское наследие» вполне определенное смысловое наполнение (в отличие от многомерности понятия «культурное наследие»), мы, тем самым, избегаем неопределенности в его понимании. Мы вкладываем в это понятие типичные и уникальные образцы морской культуры, относящиеся к определенному пространству и времени не только в материальной, но и в духовной жизни общества. В этом смысле морское наследие рассматривается нами как компонент социального пространства в его исторической динамике и многообразии. Это позволяет нам утверждать, что определение морского наследия является также условно-географическим, и мы соотносим его с образно-условным понятием пространства Поморья. В данном случае, Поморье выступает

¹⁴⁰ О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р : [электронный документ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=107955&fld=134&dst=100001.0&rnd=0.8904824679854373#0> (Дата обращения 21.12.2017).

как целостная деятельная социокультурная метасистема, как особый элемент среды обитания в ареале мысленного пространства.

В определении социокультурного пространства Поморья мы исходим из общей морфологии, представляя его как логически мыслимую макроструктуру, служащую средой, в которой осуществляются другие социальные и культурные формы, наполнения и конструкции.

В рамках структурно-функционального подхода морское наследие – это социокультурная система ценностей, сохраняющая опыт на основе коллективной памяти, таким образом, морское наследие Поморья выступает архивом морской культуры, ее геномом.

С этих позиций мы даем следующее определение морскому наследию: *Морское наследие – это совокупность социально значимых объектов и явлений морской культуры, при взаимодействии которых духовный и материальный опыт морской деятельности человека сохраняется и передается следующим поколениям.*

Представление о морском наследии Поморья в современном обществе основывается на нескольких объективных и субъективных нарративах. К ним можно отнести представления о поморах как искусных и отважных мореходах, умелых судостроителях, успешных промысловиках и хозяйственниках. Современное представление о морском наследии включает недавнюю историю покорения Арктики, историю и активную деятельность Северного и Мурманского морских пароходств, Архангельского и Мурманского тралового флота, военно-морскую историю Севера, деятельности морских учебных заведений и общественных клубов, кружков, культивирующих морские знания и навыки морского дела. Общую внешнюю картину дополняет и морская форма курсантов, моряков, а также корабли, стоящие на рейде и у причалов, маринистика как художественно-творческая форма выражения морского наследия. Содержание этих представлений может быть выражено по следующим признакам:

1. Синтез, интеграция морского наследия и социальности в единое и неделимое социокультурное пространство Поморья.

2. Отношение общества к морской деятельности в России и способам сохранения и развития морского наследия.

3. Доминирование морской деятельности в социокультурном пространстве Поморья.

4. Образ жизни и хозяйствования населения, соответствующие многообразию морской культуры и ее наследию.

5. Морские традиции, активность и мотивы морского содержания (материальные и нематериальные) как характеристика социокультурного пространства Поморья.

Структурно-деятельный и аксиологический подходы к анализу морского наследия как системы взаимно соотнесенных символических программ мышления, чувствования и поведения людей может приблизить нас к пониманию того, каким образом должна быть выстроена саморазвивающаяся система, объединяющая гуманитарную и социально-экономическую парадигмы. Система ценностей морского наследия включает экспертные знания и располагает когнитивным свойством, определяющим социальную и культурную идентичность как личности, так и группы людей и общества в целом.

Выстраиваемый концепт социокультурной идентичности посредством изучения и понимания морского наследия направлен на создание эффективной системы обустройства социальной инфраструктуры, создания условий функционирования общественного производства и жизнедеятельности населения, формирования физически и интеллектуально развитой, общественно-активной личности. Сложность состоит в том, что нематериальное морское наследие существует не только в рамках профессиональной морской культуры, имеющей свои институты и способы ее сохранения, но и в повседневности, вне профессиональных институтов. Актуализация морского наследия может быть более эффективной, если в обществе сохраняется интерес к своим корням и традициям, которые воспринимаются как источник сокровенных смыслов, значимых для современного образованного человека.

Сегодня вопрос сохранения морского наследия Поморья требует решения, по какой схеме нужно его сохранять. В настоящее время эта проблема перестала быть прерогативой только специалистов, определяющих историческую или духовную и эстетическую ценность объекта. Она выходит за рамки узкопрофессионального взгляда, потому что морское наследие Поморья является достоянием общества и государства в целом, и представляет не только символическую, но и социально-политическую, и экономическую ценность для его развития.

В структуре социокультурного пространства Поморья заложена совокупность социальных и историко-культурных ценностей, имеющих интегрирующие свойства. Эта структура имеет особое значение в условиях кризиса современного российского общества, которое старается обрести социокультурную идентичность, и стремится создать эффективную современную систему социальной организации.

Обратимся к структурно-функциональному анализу, который ориентирован прагматически и предназначен, прежде всего, для «социальной инженерии», то есть организационной, управленческой и политической деятельности. Этот анализ призван подчеркнуть значение гуманистической, духовной основы морского наследия как действующей системы в социальной инфраструктуре.

Определим, какие именно функции выполняет морское наследие как социокультурный феномен Поморья, при каких условиях его деятельность способствует стабильности, развитию, нравственному оздоровлению, а при каких - вызывает напрасную трату сил, напряженность, конфликты и в чем же состоит «каркас», составляющий феномен морского наследия, его смысловое и функциональное поле.

Базовой составляющей морского наследия, его фундаментом является морская культура, поэтому рассмотрим, что она представляет собой и что можно называть морской культурой.

Существует множество определений культуры как целостного объекта исследования, близких в понятийном плане. Многообразие трактовок объясняется

тем, что культура отображает глубину и несоизмеримость человеческого бытия. Каждый исследователь, как правило, обращает внимание на одну из ее составляющих. Часто можно слышать рассуждения о морской культуре как о некой элитной субкультуре с оттенком романтизма и определенного пафоса. Отчасти, это верно: море как природная стихия всегда привлекало искателей приключений, авантюристов и романтиков. Но каков ее «корень», составляющий феномен морской культуры.

Исходя из определений термина «культура», данных философами, историками, антропологами, культурологами, можно рассматривать культуру как позитивный опыт и знания человека или группы людей, ассимилированный в одной из сфер жизненного бытия. Отсюда выстраивается определение термина *Морская культура – это позитивный опыт и знания, выработанные и преобразованные человеком в процессе освоения морского пространства и морской деятельности.* Процессы преобразования и ассимиляции напрямую связаны с вопросами социального обустройства людей. Большое значение в формировании морской культуры имеют традиции освоения морского побережья, развитие кораблестроения, «морепользование», морская практика и ее языковое оформление, получившее отражение в терминологии, особенности мировосприятия, сакрализации морской деятельности.

Привлекательной является точка зрения известного антрополога Б. Малиновского, который фокусируется на природе культуры, где главным является не только совокупность составляющих ее конструкций, а функциональная система, отвечающая на вопросы «зачем? почему? для чего существует?», «какова функция?» того или иного явления культуры¹⁴¹. Б. Малиновский считал, что важно не только правильно описать предмет, скажем, лодку, но также знать, кто ее строил, кто на ней плавал, кому она принадлежит. Б. Малиновский дает следующее определение: «Очевидно, что культура – это

¹⁴¹ Малиновский, Б. Научная теория культуры / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Центр типологии и семиотики фольклора. М.: ОГИ, 2005. 183 с. (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).

единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, правил взаимодействия между людьми, идей и ремесел, верований и обычаев»¹⁴².

Особенности сочетания различных природных факторов и влияния этих особенностей на образ жизни выделял Ф. Бродель: «Как много определяет соотношение климата, почвы и рельефа – от него зависят такие важные вещи как характер земледелия, тип жилища, еда, образ жизни, средства передвижения, источники энергии»¹⁴³.

Морское наследие не может быть вне общего социологического контекста культуры. Очевидно, что это часть единого целого *социальной культуры*, где человек создает себе вторичную, искусственную среду для решения проблем, связанных с его биологическими и духовными потребностями. Эта среда, собственно, и есть культура, которая, по мнению Б. Малиновского, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться. В результате образуется новое качество жизни, зависящее от культурного уровня общества, окружающей среды и производительности группы, поэтому в любой культуре обязаны существовать методы и механизмы обучения и *наследия*, поддерживаться порядок и законность, так как в основе любого социокультурного достижения лежит совместная деятельность¹⁴⁴.

Культура играет особую роль и во взаимоотношениях человека с природой. Социальная организация, по мнению Б. Малиновского, может быть похожей или даже одинаковой у различных народов, но никогда не будут одинаковы их обычаи, художественные вкусы, традиции и их наследие. Пространство, в котором неразрывны человек и окружающая его природа, где природа оказывала и оказывает влияние на социальную психологию этноса, формирует национальный характер, менталитет и определяет направленность его

¹⁴² Малиновский, Б. Там же. Гл.4.Что такое культура. М.: ОГИ, 2005. С.41.

¹⁴³ Бродель, Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история / пер. с фр. В. Мильчиной, С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С.43.

¹⁴⁴ Малиновский, Б. Научная теория культуры / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед., Центр типологии и семиотики фольклора. М.: ОГИ, 2005. 183 с. (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).

практической деятельности, определяет доминирующий тип культуры. Это характерно для всех «морских государств».

Морская культура – это особая сфера: суверенное целостное образование, отличающееся собственной системой ценностей, обычаями, нормами и традициями, но при этом ее основная функция – сохранять и передавать другим поколениям знания, опыт и традиции. «Культура исторична в самом точном значении этого слова и наследие – важнейшая предпосылка самого исторического существования культуры»¹⁴⁵.

Исходя из вышеуказанных смыслов и определений морской культуры и морского наследия, основываясь на структурно-функциональных подходах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Б. Малиновского¹⁴⁶, Рэдклифф-Брауна¹⁴⁷ обозначим функции морского наследия:

Адаптационная функция обеспечивает приспособление человека к окружающей среде. В морском наследии формы хозяйствования, включая судостроение, обычаи, социальные институты и т.д., различаются в зависимости от того, чего требует природа в каждом конкретном регионе. Примером может служить множество типов прибрежных судов и различие их парусных вооружений, развитие прибрежных хозяйственно-бытовых структур, имеющих свои особенности и традиции. Очевидно, что судно как *изобретение* приходит туда, где оно необходимо, и изменяет свою форму и функцию в соответствии с потребностями и природными условиями.

Адаптивно-нормативная функция осуществляет адаптацию индивидуума к социуму и его культуре, приобретение способности к самоконтролю и саморегуляции поведения. Пример тому - традиции воспитания в поморских семьях, где микросреда способствовала как стихийному, так и целенаправленному формированию личности помора¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Щученко, В.А. Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа. СПб., 2011. С.1.

¹⁴⁶ Малиновский, Б. Научная теория культуры. Гл.3: Понятия и методы антропологии. М.: ОГИ, 2005. С.24–26.

¹⁴⁷ Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. О социальной структуре / пер. с исход. журн. варианта В.Г. Николаев // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 21–37.

¹⁴⁸ Буторина, Т.С., Шекина, С.С. Образ жизни поморской семьи 18-19 веков [Электронный ресурс].URL: <http://www.hnh.ru/culture/2011-04-02-3> (Дата обращения 15.11.2017).

Коммуникативная функция морского наследия формирует условия и средства человеческого общения. В результате совместной деятельности людей возникают средства общения – знаковые системы и языки. Феномен международной морской терминологии заключается в том, что ею пользуются во многих странах мира. Основные термины в судостроении и в морской практике на разных языках звучат примерно одинаково, и моряки, рыбаки или яхтсмены разных национальностей без особого труда понимают друг друга. Морская культура является механизмом, создающим специальные тексты в виде морских уставов и правил, устных преданий, поговорок и т.д. Например, в морской практике Поморья в XIX – начале XX вв. для общения между поморами и норвежцами возник особый смешанный язык (пиджин) – руссенорск¹⁴⁹. Руссенорск свидетельствует, что русские и норвежцы были социально равноправными партнерами: во многих пиджинах один из языков играл доминирующую роль, а в руссенорске количество русских и норвежских слов примерно одинаково.

Интегративная функция обеспечивает социальную интеграцию людей, формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей, связанных с морем. Интегрирующий признак в морском наследии – способность творить и создавать индивидуально-ценностные миры. Как пример: образование поселений поморов на тонях, развитие удобных гаваней и акваторий, портового хозяйства. Сегодня это проявляется в развитии и строительстве марин и малых портовых сооружений для развития водного туризма, спасательных центров, центров обучения морскому делу.

Интегративно-коммуникативная функция обеспечивает диалог культур, взаимовлияние локальных (не только морских) сообществ, раскрытие достижений национальных и региональных морских центров, клубов, ассоциаций, союзов,

¹⁴⁹ Серк-Хансен К. Руссенорск / пер. с норвеж.: Анастасия Гортер, 2003 г. <http://www.kolamap.ru/library/russenorsk.htm>. (Дата обращения: 20.12.2017).

формирование культуры деловых и неформальных отношений. Например, сегодня в России широко известно объединение «Движение поддержки флота», деятельность Ассоциации «Морское наследие: исследуем и сохраним», деятельность Ассоциации художников-маринистов России, федераций и союзов, культивирующих морское дело, парусный спорт и яхтинг.

Функция социализации раскрывает коллективный характер жизнедеятельности людей, а также определяет и корректирует почти все формы индивидуальной активности человека в его совместной деятельности на море и на берегу. Как наиболее универсальная форма, она обеспечивает социальную интеграцию людей: формирует основу их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей, позволяет личности стать полноценным членом морского сообщества, занять в нем определенную позицию и жить так, как требуют обычаи и традиции. На это указывает доминирование темы защищенности в морском социуме, включающей в себя категорию надежности в различных аспектах - от надежности конструкции судна до надежности экипажа.

Образовательно-развивающая или познавательная функция включает освоение профессиональных навыков и опыта в различных видах морской деятельности, последовательный процесс инкультурации и индивидуализации личности при получении опыта и знаний предшествующих поколений. Морская культура Поморья имела разные уровни передачи знаний: письменные источники (лоции), рифмованные тексты, поговорки, традиционные устные рассказы, предания и описание береговых ориентиров, например, «От Холмогор до Колы тридцать три Николы».

Границы включенного в хозяйственную, морскую и промысловую деятельность пространства простирались не только до пределов уже «освоенных» ориентиров. Одна из функций морского наследия Поморья состоит в *структурировании окружающего мира*. Эта структура нашла выражение в ономастиконе поморской розы ветров, где просматривается глубокий хронотопический смысл (связь времени и направления в пространстве). Это

имело значение не только для географической ориентации, но и для обозначения устойчивых атмосферных явлений. Например «обедник» – юго-восточный ветер на Кольском полуострове – слабый ветер с моря, бриз при солнечной погоде. Поморы говорили про него: «Днем колышет, к вечеру отишит». В современной форме образовательно-познавательная функция морского наследия выражена в деятельности специализированных школ, клубов, в морской практике кадетов и курсантов.

Преобразовательно-созидательная функция выражается в том, что личность вовлекается в процесс создания ценностей морского наследия в различных формах технического, художественного, социального творчества. Здесь примером может служить создание государственных, частных или общественных морских музеев, собрание раритетов и коллекций по морской тематике.

Эколого-охранительная функция формирует экологическую культуру социума, способствует сохранению морского наследия и природной среды. Вот, например, как объясняли поморы обычай во время нереста рыбы оборачивать тряпичной уключины у лодки: «... чтобы рыбу не пугать. Это ведь как женщина, когда рождает, нельзя беспокоить»¹⁵⁰.

Информационно-просветительная функция состоит в накоплении, хранении и распространении знаний о морском наследии, в культурно-просветительной деятельности.

Рекреативно-игровая функция связана с празднично-обрядовой культурой, демонстрацией и использованием морских ритуалов, трансляцией зрелищных мероприятий морского и историко-этнографического характера. Пример тому популярные празднования Дня военно-морского флота, Дня рыбака, дня Нептуна, торжественный спуск корабля на воду.

¹⁵⁰ Ляпаева, О., Зайцева, И. Калинина, Л. Терские поморы = Tersky pomors / [англ. пер. Н. Ивановой, М. Смолиной. СПб.; Апатиты : Кол. центр охраны дикой природы, 2007. 78 с.: ил. (Серия: Традиционное экологическое знание).

Структурно-семиотический подход позволяет определить морское наследие как знаковую систему. Все многообразие «морского языка и символов» составляет *семиотическое поле* морского наследия. В состав этого поля входят:

– *естественные знаки – (признаки)*. Система естественных знаков в морском наследии является результатом длительной практики и развития науки о мореплавании. Например, знаковая система в навигации основана на установлении систематической связи между наблюдаемым расположением ориентиров как на земле, так и на море, и координатами наблюдателя. Знаковая система в лоции включает описание и обозначение информации о морях, океанах, их прибрежной полосе, приметных местах, установленных знаках.

– *функциональные знаки – (признаки)*, Эти знаки несут информацию о технической и функциональной системе, элементом которой они являются, например, судно или корабль, предметы морского быта, морская форма, специфический «язык тела» – «морская походка».

– *конвенциональные (условные) знаки* существуют для того, чтобы выполнять конкретную функцию. К таким знакам относятся: *сигналы* как знаки извещения или предупреждения, например, флажковая сигнализация на флоте, навигационные сигналы – их значение становится понятным только в результате обучения; *индексы* – условные обозначения, например, показания приборов, картографические знаки, условные обозначения в схемах, эмблемы и знаки различия в униформе; *символы* – знаки, которые в образной форме передают абстрактные понятия, например: эмблемы, гербы, ордена, знамена.

Рассмотренные нами характеристики и свойства морского наследия, которые формируют его социальный, историко-культурный статус как функциональную систему, обретают форму социокультурного конструкта и выявляют его смысл и содержание. Социальный конструкт в этом значении представляет собой синтез субъективных и объективных, функциональных элементов морского наследия.

1.2. Подходы к исследованию социокультурного пространства Поморья

Основателями «позитивной» социологии считаются Г. Спенсер О. Конт, позднее Э. Дюркгейм. Г. Спенсер стал первым применять в социальной науке такие понятия, как функция, система, элемент, агрегат, механизм, структура¹⁵¹. Э. Дюркгейм определил концепцию коллективного состояния общества, отмечая следующие объективные свойства коллективных представлений нематериального характера: *во-первых*, общие идеи и чувства – язык, литература, политические, религиозные идеи; *во-вторых*, моральные максимы и верования; *в-третьих*, правосознание и право; *в-четвертых*, экономические феномены, такие как деньги, налоги, доходы, стоимость, цены, экономические интересы.¹⁵²

Феноменология перечисленных культурных свойств и явлений объективна и состоит в установлении соответствия между отдельными группами, институтами и обществом как единой системы. Социальные цели общества, по Дюркгейму, – это моральное здоровье, гармония, порядок. Чтобы реализовать эти цели, индивиды должны быть солидарны друг с другом, адаптированы к обществу, способны выполнять свои роли в социальной системе¹⁵³.

Первые шаги в определении социального и социокультурного пространства социологи сделали в конце XIX в.. Изначально представления о социальном пространстве развивались по двум направлениям, авторами которых стали П. Бурдьё, Г. Зиммель и Э. Дюркгейм¹⁵⁴.

Э. Дюркгейм определял социальное пространство как некую надындивидуальную объективно существующую реальность, которая связана с осознанием индивидуального пространства и времени индивидом и его взаимодействиями, где важно личностное осознание действия в рамках

¹⁵¹ Спенсер, Г. Социология как предмет изучения = The study of sociology : Пер. с англ. изд. СПб.: тип. А. Якобсона насл., 1896. XII, 327 с.

¹⁵² Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках).

¹⁵³ Дюркгейм Э. Указ. соч.

¹⁵⁴ Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10, ч. 1. С. 158–162.

социального на фоне физического пространства¹⁵⁵. Другую трактовку социальному пространству дал Г. Зиммель, который определял его, как целую систему взаимодействий и взаимосвязей активных социальных практик¹⁵⁶.

Термин «социальное пространство», введенный в XX в. П. Бурдьё в работе «Физическое и социальное пространство», обозначает распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг. В качестве основных параметров П. Бурдьё выделяет экономический, культурный, социальный, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п. На этой основе П. Бурдьё выстраивает целостный подход к исследованию социальной действительности¹⁵⁷.

Большой вклад в теорию социального пространства внес американский социолог российского происхождения П.А. Сорокин¹⁵⁸. Он отличал его от геометрического пространства и сводил понятие о нем к народонаселению Земли, к системе социальных отношений индивидов, групп, популяций. П.А. Сорокин выделял в социологии четыре раздела: учение об обществе, социальную механику (определение статистических законов общества), социальную генетику (происхождение и развитие общества), социальную политику. Многомерность социального пространства, по П.А. Сорокину, включает четыре поля практик: экономической, социальной, культурной, политической. Борьба за социальное пространство, за власть над ним сосредотачивается вокруг соответствующих четырех ресурсов – «капиталов»: экономического, социального, культурного, политического или «символического». П.А. Сорокин часто использует словосочетания: «социокультурная система», «социокультурное время», «социокультурные процессы», «социокультурное пространство».

¹⁵⁵ Дюркгейм Э. Указ. соч.

¹⁵⁶ Зиммель, Г. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 102–114.

¹⁵⁷ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 333, [2] с.: ил.

¹⁵⁸ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Существует также специфическая концепция М. Кастельса. В ней общество, отождествляемое с социальной структурой, сводится к трем самым общим компонентам: пространству, времени, технологии¹⁵⁹.

Интересный взгляд на проблематику социального пространства-времени предоставил уже в XXI в. российский социолог Л.М. Семашко. По Семашко, «социальное пространство-время» – это не просто физическое место и не просто физическая последовательность событий во времени – это фундаментальные социальные факты, параметры общества в целом, дополняющие физическое пространство-время, включающие его и включенные в него¹⁶⁰.

По мнению А.Г. Дугина, в классической социологии пространство делится на две части: социальную морфологию и исследование социальной интерпретации пространства¹⁶¹. В целом интерпретация понятия «социокультурное пространство» невозможна без чёткого представления понятия «социальное пространство».

В результате, социальное пространство воспринимается не в качестве предмета и объекта, который можно представить каким-либо графиком, схемой или таблицей. Оно есть нечто особое, что появляется исключительно в практических действиях со стороны человека.

Формирование понятия «социокультурное пространство» заставляет задумываться о моделях осознания бытия на основе гармонизации отношений *природа-человек, природа-культура, человек-культура-общество*, где время, процессы, пространство сопряжены в едином поле общественного бытия.

С нашей точки зрения «социокультурное пространство» – это некое освоенное человеком пространство социальных отношений с конкретным ареалом культуры на определенном историческом отрезке времени. Отсюда мы

¹⁵⁹ Кастельс, М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 296–308.

¹⁶⁰ Семашко, Л.М. Тетрасоциология: ответы на вызовы : переход плюрализма от теории к технологии, от расизма к сопротивлению, от постмодернизма к постплюрализму. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2002. 207 с. : ил., табл. URL: <http://av.disus.ru/programma/1838708-1-lmsemashko-tetrasociologiya-otveti-vizovi-perehod-plyuralizma-teorii-tehnologii-rasizma-soprotivleniyu-postmodernizmu-postplyuralizmu-eta.php/> (Дата обращения: 1.06.2017).

¹⁶¹ Дугин, А.Г. Социум как пространственное явление: структурная социология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konservatizm.org/konservatizm/sociology/190309071522.xhtml> (Дата обращения: 25.07.2012).

даем определение что *«Социокультурное пространство Поморья это пространство взаимодействия исторических, культурных и социальных практик, обусловленных морской деятельностью человека на прибрежных и островных территориях северо-западной части России».*

Это соответствует концепции П. Сорокина, который считал, что структура социокультурного взаимодействия включает три неотделимые друг от друга составляющие: *личность, общество и культура*¹⁶².

В современном мире ввиду развития новых технологий и телекоммуникаций сформировался новый тип информационного общества, новый тип социальной системы. В различных областях и сферах человеческой жизнедеятельности активно используются понятия «социальные сети», «виртуальное пространство», «виртуальное сообщество», смысл которых еще требует своего философского анализа и осмысления. Мы можем говорить о новой социальной реальности, возникшей в результате личностных убеждений, смыслополаганий и конструкций, где информационные процессы, безусловно, повышают уровень качества и эффективности принимаемых решений, однако в области креативных и инновационных решений человеческий ресурс остается по-прежнему незаменимым.

Изменение образа жизни социального субъекта (личности или социальной группы), появление новых информационных коммуникаций, а с их развитием и усиление роли виртуальных пространств в жизни человека становятся важной предпосылкой рассмотрения социальной реальности и ее характеристик в условиях современного общества. Для их определения используем структурно-функциональный (деятельный) подход.

Под «социальной реальностью» мы понимаем действительность социального мира и существующие социальные объекты, явления и процессы, данность которых воспроизводятся социокультурными смыслами, а с другой стороны, социальная реальность представляет собой мир конкретного

¹⁶² Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

социального субъекта. Социальная реальность создается в процессе взаимодействий социальных субъектов и является результатом их деятельности в определенном пространственно-временном поле. Морское наследие, по нашему мнению, является составной частью деятельного культурного процесса социального характера.

Определим признаки социальной реальности морского наследия:

1. Важным показателем социальной реальности в контексте нашего исследования является морская культура как система социальных норм жизни, ценностей, традиций, языка, характера коммуникаций, ментальности и образцов поведения, а также предметы и объекты материальной и нематериальной культуры.

2. Социальная реальность в контексте морского наследия выступает как надприродный, искусственно созданный и воспроизводимый процесс благодаря субъекту – личности или общественной группы.

3. Благодаря феноменальному свойству *Культуры* всесторонне отображать действительность передаются важные параметры повседневной жизни и «ментальные программы», в которых заложены образцы смыслополаганий, мыслей, чувств, потенциальных действий. Важным аспектом в контексте морского наследия становится понятие *габитус*¹⁶³ (*habituse*) как ментально-когнитивная структура, которое широко использовали в своих работах М. Мосс, Н. Элиас, П. Бурдьё. Габитус является продуктом наследия и «...производит практики, как индивидуальные, так и коллективные (...) он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества, и постоянства практик во времени»¹⁶⁴.

¹⁶³ Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60–70.

¹⁶⁴ Бурдьё, П. Практический смысл / пер. с фр., отв. ред., послесл. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

4. С появлением новых типов коммуникаций в современном обществе появился и новый тип социальной реальности. Нет никакого сомнения в том, что социальная реальность информационного общества является искусственно созданной. Относительно понятия «виртуальность» мы можем утверждать, что оно возникает там, где есть необходимость осмысления соотношения потенциального и актуального.

Виртуальная реальность является реальностью социальной, но виртуализация всегда будет являться замещением привычной реальности, действительности, ее образом, симуляцией. Двойственность виртуального весьма содержательно отражена в его латинском термине *virtus*, который имеет несколько семантических оттенков – от «потенциального, возможного», «мнимого, воображаемого» до понятия «доблесть», «энергия», «сила»¹⁶⁵. Виртуальное пространство априори иллюзорно и фрагментарно.

Рассматривая морское наследие как отражение реального в пространстве, сопряженном со временем, уместно использовать принцип хронотопа для понимания социокультурного пространства Поморья.

Ключевой фактор, влияющий на пространство, по мнению исследователя К.Э. Бурнашева, это время, которое и придает социальному пространству реальное содержание¹⁶⁶. В данном случае время выступает как характеристика социального пространства, без которой невозможно его понимание.

Единство социального пространства и социального времени имеет особое свойство, которое актуализирует и дает возможность воспроизвести ранее существовавшие формы социального пространства и практики в современных условиях. Категории «социальное пространство» и «социальное время» являются основополагающими категориями социального бытия, социальной реальности и являются исходными схемами построения обыденного поведения людей, их

¹⁶⁵ Новейший философский словарь / сост. и ред. А.А. Грицанов. Минск: Книж. Дом, 2003. 1280 с.

¹⁶⁶ Бурнашев, К.Э. Хронотоп – ключ к познанию социального пространства // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 2(7). С. 15–19.

повседневных взаимодействий¹⁶⁷. Исходная схема выстраивания быта людей формируется из этих основополагающих категорий. Понятие «социальное время» не может рассматриваться без таких составляющих как смена поколений, традиция, наследие, а «социальное пространство» без таких реалий как территориальные, производственно-хозяйственные и управленческие факторы, историко-культурная и интеллектуальная среда.

Применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом связанного с ним понятия «месторазвитие» в определении социокультурного пространства Поморья является важным в методологическом отношении нашего исследования. Рассматривая морское наследие в социокультурном пространстве сквозь призму социального хронотопа, мы конкретизируем и локализуем социально-психологическую сущность отношения человека к Поморью. Подтверждение этому мы находим в работах В.И. Ульяновского: «Региональный социум в силу географического, исторического, культурного, экономического развития не может не иметь своего «лица». В социальном пространстве региона своеобразно протекают и коренные преобразования, которые переживает общество в целом: взаимодействие личности, общности, общества могут взаимообогащать или обеднять друг друга, соответственно создавая предпосылки для их социального развития или социальной деградации»¹⁶⁸.

Для современной социальной ситуации Поморья характерна смена коммуникационной парадигмы: отход от опыта и практики взаимодействующих субъектов, таких как «организаторы» или «управленцы» социальной деятельности, к формированию индивидуально-интерпретируемых смыслов в духовной и практической деятельности. В этих условиях «переформатированию» подвергаются не только структуры общества, его системы, но и личностные положения, включая социальные практики, образцы поведения людей, ментальность; теряется историческая память и опыт, разрушается

¹⁶⁷Иванов, В.Н., Патрушев, В.И. Социальные технологии : курс лекций / Моск. гос. соц. ун-т, Ин-т социологии, Каф. соц. инженерии. М. : Союз, 1999. 431 с.

¹⁶⁸ Ульяновский, В.И. Социальное пространство региона Европейского Севера .Социологический анализ, диагностика, гуманизация : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-prostranstvo-regiona-evropeiskogo-severa-sotsiologicheskii-analiz-diagnostika-gum#ixzz5dT94NT4e> (Дата обращения 12.07.2017).

преемственность национально-культурной традиции, утрачиваются функции социального миропорядка и формирования поведенческих стереотипов.

Обращаясь к принципу хронотопа, рассмотрим понятие социального времени. Физическое время объективно, но шкалы, с помощью которых оно измеряется – субъективные конструкции. «Измеренное» – означает раздробленное и разделенное в среде пространства. Пространство можно измерить. Время как категория изменяемости и есть само бытие. Социальное время структурируется с использованием социальных объектов, их деятельности и состояния, например, с помощью общественной практики. Социальное время есть чередование, смена или изменение состояний социальных воззрений, последовательность действий и практик людей, групп, сообществ, институтов. Оно измеряется практикой, которая протекает с разной интенсивностью. Единицей социального времени можно назвать некий интервал, совпадающий с практикой какой-либо социальной деятельности. Например, микроинтервал – сезон морских промыслов и перерывы между ними, а макроинтервал – смена государственного строя. Ритм социальной жизни лежит в основе категории бытия и времени. Ориентиром общественной практики было и есть повторение уже накопленного опыта, воспроизводство действий и поступков прошлого – отсюда особая ценность прошлого времени в жизнедеятельности традиционного общества, к которому можно отнести и население Поморья.

Структура социального времени – это социальная конструкция, которая определяется социальной практикой, воспринимаемой через определенную систему ценностей. В каждый исторический период, границы которого очерчены социальным временем и социальным пространством, существовали свои поколения. При смене поколений прошлое – это удержанное настоящее, а будущее есть грядущее настоящее – в этом и заключается сущность наследия как социального механизма. Поэтому сегодня к приоритетным задачам относится не только сохранение общего культурного наследия Поморья, состоящее традиционно в поддержке образования, науки, искусства, музейных комплексов, но и деятельность, связанная с определением стратегической доминанты

социального развития Поморья, перспектив и направления движения, с формулированием ясных целей.

Возможности философской рефлексии на социальную действительность позволяют определить морское наследие Поморья как потенциал общественного развития, запечатленный не только в материальных объектах, исторических памятниках, но и в духовных проявлениях людей, нормах морали и этики, необходимых обществу.

Морское наследие России представляет собой целостный феномен, стратиграфия которого объединяет исторические, социокультурные и природно-географические факторы. Мы находим актуальным и сегодня замечание А.Б. Гофмана о том, что понятие культуры и понятие общества еще в XIX – нач. XX вв. пересекаются между собой: «место культуры в это время оказывается подчинённым по отношению к обществу». А.Б. Гофман утверждает, что эти понятия начинают конкурировать между собой, «наблюдается переход от парадигмы «общества» и «социального» к комбинированной парадигме «общества культуры» и «социокультурного»¹⁶⁹.

М. Хальбвакс рассматривал пространство как некую социальную конструкцию, связывая ее с хронотопической работой общества по формированию коллективной памяти¹⁷⁰. Об уникальности социокультурного пространства, как пространства освоенного человеком пишет Г. Зиммель, считая, что «если люди не взаимодействуют, то пространство практически «ничто»¹⁷¹.

Историческая ретроспектива морского наследия также дает возможность выхода на эволюционные процессы и векторы развития, на социокультурную динамику, ставшую актуальной в настоящее время. Прошлая деятельность обретает объективированный характер в качестве материальных и нематериальных объектов морского наследия. Опыт и практика зависят от

¹⁶⁹ Гофман, А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник – 2010 / ИНИОН РАН; Каф. общей социологии ГУ Высшей школы экономики. М., 2010. С. 4.

¹⁷⁰ Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин]. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.

¹⁷¹ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.

контекста инноваций и смыслов, так как определяются взаимодействием материально-предметной, интеллектуально-духовной и социокультурной среды.

Рассматривая наследие как социальный концепт, мы обратимся к понятию «археомодерна» как к структурной модели в философской концепции А.Г. Дугина и исследованиям И.Н. Лапина. А.Г. Дугин рассматривает археомодерн в России не только как философский концепт в отношении модерна и архаики, а как *инструмент социологического исследования* и объясняет этот термин от обратного, утверждая, что западноевропейское общество никогда не являлось обществом археомодерна. Фундаментальная социологическая топика западного общества, по Дугину, представляет собой однонаправленное движение от архаики к модерну. Его развитие идет последовательно и логично, и в каждом последующем *шаге все меньше архаики и все больше модерна*¹⁷². Сущностью модерна являются техника и технократия, которые проникли в суть социального обустройства западноевропейского бытия – это фундаментальная парадигма и судьба западного общества, духовный и социально-философский абсолют.

Морская культура и ее наследие в своем историческом развитии составляют область человеческого опыта, который рефлексивируется и закрепляется в традиции. Традиция обеспечивает устойчивость, авторитет культуры и культурные нормы, но в тоже время нельзя представить развитие культуры без обновления культурного опыта, без инноваций. Если рассматривать морское наследие как своеобразный актив социально-философского выбора для развития общества и государства, то, благодаря действию определенных социокультурных институтов и механизмов преемственности, которые транслируют каждому поколению морское наследие предшествующих эпох, происходит развитие общества и государства, укрепляется авторитет не только морской культуры, но и *культуры* как общего целого.

¹⁷² Дугин, А.Г. Археомодерн: в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы : [электронный ресурс]. URL: <http://www.arcto.ru/article/1472>; <http://www.arcto.ru/article/1473>; <http://www.arcto.ru/article/1474> (Дата обращения 21.08.2017).

А.Г. Дугин отмечает, что изучая явление псевдоморфоза, которое является синонимом того, что он называет «археомодерном» в социуме, мы предполагаем логически последовательное развитие модели общества, но видим в какой-то момент, что из-за вмешательства постороннего фактора происходит сбой параметров, искривление траектории, нарушение разворачивания циклов. При этом нам не известно, что и как произошло, мы просто фиксируем факт искажения социальных систем и прекращения их нормального функционирования. «Археомодерн описывает тот же процесс, тот же сбой, но в его глубинном измерении, с повышенным вниманием и к «архаической» составляющей, и к «модернистической»¹⁷³.

Мы рассматриваем понятие «археомодерн» А.Г. Дугина как структурно-инструментальный прием интерпретации социальной реальности. Остановимся на «оценке» этого явления, данной А.Г. Дугиным. Автор говорит, что в последние триста лет археомодерн в России утверждается, и в оценке этого явления, скорее всего, правы те, кто относится к этому негативно. «Скорее всего» означает «возможно», «не уверен», то есть однозначного ответа А. Дугин не дает. С нашей точки зрения, археомодерн означает ситуацию, когда естественное развитие общества нарушается внезапным вторжением чужеродных элементов технократии, искажающих его внутреннюю структуру, процессы становления, развития естественных циклов. В этой связи исследования социокультурных трансформаций И.Н. Лапина созвучны с понятиями «археомодерна» в том, что «...переживаемое российским обществом состояние как бы включает в себе порок заколдованного круга. На фоне нормального саморазрешения большинства общественных кризисов российский выступает как патологический. Общество, которое оказалось в состоянии патологического социокультурного кризиса, представляет собой кризисный социум»¹⁷⁴.

¹⁷³ Дугин, А.Г. Археомодерн: в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы : [электронный ресурс]. URL: <http://www.arcto.ru/article/1472>; <http://www.arcto.ru/article/1473>; <http://www.arcto.ru/article/1474> (Дата обращения 21.08.2017).

¹⁷⁴ Там же.

Процесс социокультурной трансформации – это текущий процесс, он отмечен на всех этапах существования России как государства. Положительно или отрицательно относится к «археомодерну» – это бессмысленный, с нашей точки зрения вопрос, сродни таким как «где бы вы хотели родиться?» или «каких бы вы хотели иметь родителей?».

Каков же *социальный* путь развития человека? Примерная последовательность такова: рождение, семья, воспитание, образование, а затем «свободное плавание» в выборе «берега», т.е. человек должен определиться, куда он направит свои знания, свой «корабль жизни». На этом пути встречается «среда», «условия» и «препятствия», преодоление их и есть главный вопрос, определяющий ваши знания, умения. Доведет или нет человек свой «корабль» до берега по «бурному морю жизни» зависит от объективной и честной оценки обстоятельств и использования всех возможностей. Следовательно, социальная система, которую мы создаем, часто спонтанно и до конца неосознанно, которая исподволь «рулит» обществом, должна быть также *честной* в оценке обстоятельств и собственных возможностей. В этом, с нашей точки зрения, главный принцип социального развития. *Вера* как необходимость, *Цель* и *Правда* – как критерии, как оценка социальной реальности, но не как аргумент технической и технократической силы.

В этом контексте изучение морского наследия как одного из механизмов социального и культурного взаимодействия может определить особый подход к разработке социальных программ и прогнозов социокультурного развития общества.

Морское наследие достигает уровня концепта и становится «социальной правдой» и «сознательным выбором» когда мы отмечаем его как целостный социальный механизм. «Архаика» в контексте морского наследия понимается нами как *нечто прошлое* морской культуры (материальное и нематериальное), чего не следует разрушать. Морское наследие существует как достояние и ценность человеческого бытия, которое потребовало определенно длительного времени. С этой точки зрения необходимая связь имманентного и

трансцендентного осуществляется посредством маринисткой специфики, способствующей выявлению в социально-историческом бытии и в нашем сознании места, которое в них занимает морское наследие.

Используя социальную интерпретацию пространства как пространство общества и пространство событий в определенном времени, отметим, что результат развития какого-либо общественного института предопределяют следующие условия для его конструктивной социальной активности:

первое – наличие большой Идеи – топоса, цели общества (рожденной имманентно); идея может быть выражена социальным маркером-брендом.

второе – личность или группы людей, способные возглавить данную «идею-цель» и принимать решения, но не в виде фиктивно-демонстративных постулатов, а как партнерские отношения в принимаемых решениях.

третье – наличие ресурса (общественного, духовного, политического, экономического, финансового, административного), с помощью которого будет достигаться «идея-цель».

Как же должен выглядеть онтологически этот ресурс и каковы правила принятия решений для достижения результата? С особой выразительностью эту идею – назовем это «идеей практики» – высказал еще XIX в. английский мыслитель Т. Карлейль, который глубоко чувствовал внутренние, религиозно-определенные основы жизни. «Чтобы преуспевать в этом мире – в узком ли Магеллановом проливе, или в неисследимом море времени, чтобы достигнуть счастья, победы и успехов – идет ли речь об отдельном человеке или о народе – нужно всегда одно: человек или народ должен уметь разобрать, каковы истинные правила Вселенной, касающиеся его и его начинаний, и должен уметь точно и твердо согласовать с ними»¹⁷⁵. Использование маринистской тематики характерно для Т. Карлейля: Англия XIX в. – преуспевающая морская держава. Его понимание согласованности «правил», как бы консервативно и архаично они не звучали – это философия оптимизации и актива, порыва человека к изменению,

¹⁷⁵ Карлейль, Т. Этика жизни. Трудиться и не унывать! / пер. Е. Синерукой. СПб., 1906. URL: http://www.marsexx.ru/lit/karlel-etika_zhizni.html

улучшению жизни и сохранению традиций в стремлении стать внутренним человеком, знать суть вещей, истину, стремиться преобразовать мир к лучшему эволюционными средствами¹⁷⁶.

Переходя к «согласованности правил» и логике социокультурного развития Поморья отметим, что его развитие и активность общества сопряжена с его «месторазвитием».

Поморье находится на стыке «континентального» и «морского» мировоззрения. В этом контексте такие качества морской культуры и ее наследия как пассионарность, коммуникативность, толерантность и широкий взгляд на мир являются несомненной ценностью и определяют ее значение в геополитических процессах. В конце XX – начале XXI вв. преобразования в России существенно изменили динамику и направление развития общества в целом, и Русский Север как геокультурный и философский концепт, по В.Н. Калуцкому, все более привлекает внимание исследователей. Объяснение этому мы находим в тезисе Д.С. Лихачева: «В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории – русской! – самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской)»¹⁷⁷.

Однако в современной публицистике можно встретить рассуждения о «потерянном Севере», которые переходят уже и в научные дискуссии. В работах Ю.П. Шабаева, В.А. Тишкова, А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского Русский Север все чаще воспринимается как культурная периферия, как зона социального неблагополучия¹⁷⁸. Необратимые изменения происходят в социальной сфере прибрежных и труднодоступных территорий. Практически прекращено судоходство на реках и приморских акваториях. Это привело к тому, что

¹⁷⁶ Артемьева, Т.В., Бажанов, В.А., Микешин, М.И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. = The reception of the british social and philosophical thought in Russia in 18–19 centuries : учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей высшей школы / РГПУ им. А.И. Герцена, Ин-т междунар. связей, С.-Петерб. центр истории идей. СПб. : С.-Петерб. центр истории идей, 2006. 138 с.

¹⁷⁷ Лихачев, Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С. 571.

¹⁷⁸ Шабаев, Ю.П. Культурное пространство «Русского Севера»: [электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/kuleturnoe-prostranstvo-russkogo-severa> (Дата обращения: 20.7.2017); Тишков, В.А. Кризис понимания России: [электронный ресурс] // Этнографическое обозрение Online. 2005. Март. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2005/EOO2005_2b.pdf (Дата обращения: 20.7.2017); Дрегалю, А.А., Ульяновский, В.И. Стратегии кадрового менеджмента: оптимизация выбора // Вестник Сев. (Аркт.) ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 41–46.

обезлюдил или вовсе исчезли старинные поморские поселения, особенно в тех местах, где нет сухопутных дорог. Изменяется жизненный уклад, забываются традиции, исчезают предметы быта, уходит в прошлое традиционные ремесла и промыслы, поморский фольклор.

Приходится констатировать, что современный образ Европейского Севера России как культурной и социальной периферии может изменить представление о Севере как особом сакральном пространстве, о котором пишет Н.М. Терехин¹⁷⁹.

В настоящее время тенденции развития и формирования среды самовыражения, самоутверждения, самопознания нуждаются в особом, нетривиальном подходе, в основе которого лежит культура, и с этих позиций мы рассматриваем морское наследие Поморья, его внутреннее содержание и возможности его влияния на развитие общества. О значении исторического наследия в настоящем как некоего резерва и духовной опоры современного обустройства общества пишет Ю.М. Лотман: «Если функции истории все в той же попытке представить прошлое, как оно было на самом деле, то память – инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое. И иначе: содержание памяти составляет прошлое, но без нее невозможно мышление «теперь» и «здесь», это глубинная основа актуального процесса сознания. И если история есть память культуры, то это означает, что она не только след прошлого, но и активный механизм настоящего»¹⁸⁰.

Концепт пространства Поморья в контексте морского наследия означает, что данная тема касается прежде всего того социокультурного пространства и той региональной политики государства, где морское наследие выявляет преобладающие жизненные ценности, духовно-нравственные установки, традиции. Они в определенной степени влияют на результат деятельности человека и общества. Люди, как правило, готовы использовать тот опыт, который соответствуют их этническим, социальным и культурным ценностям и приоритетам.

¹⁷⁹Терехин, Н.М. Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2004. 272 с.

¹⁸⁰Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : Человек – текст – семиосфера – история / Тартус. ун-т. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. С.385.

1.3. Геополитические детерминанты, среда и традиции в смысловом поле морского наследия Поморья

Зависимость человека от пространства – основной тезис геополитики. Пространство проявляет себя в больших и малых величинах, поэтому геополитика определяется также для социальных групп, вбирающих обобщенные реальности – страна, народ, регион, что в данном случае указывает на сопряженность социального и культурного в геополитике. В этом смысле дефиниция П.Н. Савицкого о «месторазвитии»¹⁸¹, где «месторазвитие» выражает концептуальный синтез, слияние и единство объективного (географического, территориального) и субъективного (духовно-созидательного) определяют сущность понятия «Поморье». Мы даем следующее определение термину Поморье: *это историческое название обширной территории на севере европейской части России, территориальное формирование которого связано с заселением прибрежных и островных территорий Белого и Баренцева морей. Оно не имеет административно выраженных границ и представляет собой геоконцепт и ареал мыслимого пространства обладающим имманентным содержанием морского наследия.*

Геоконцепт «Поморье» равнозначен культурониму «Русский Север», но, в отличие от него, акцентирует свою направленность на раскрытие морских смыслообразов социокультурного пространства северной России. Геопространство Поморья включает акватории, прибрежные и островные территории современных Архангельской, Мурманской областей, Республики Карелия и Ненецкого автономного округа. Морское наследие Поморья является важным фактором социального и культурного развития северных и арктических территорий, способным влиять на формирование современной социокультурной среды севера России, его экономического, социального и интеллектуального развития.

¹⁸¹ Савицкий, П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с. (Новая история).

Изучение всего комплекса морского наследия Поморья является актуальным для осмысления его как важного пласта в формировании национальных и региональных аспектов культурной, социально-политической и военно-экономической сферы государства.

Мировой океан является главным географическим условием процесса глобализации. В этом контексте морская культура определяется нами как «первая страница» глобализации, если рассматривать глобализацию как исторический процесс. Человечество всегда тяготело к водным просторам, к которым относятся не только моря и океаны, но и внутренние водоемы. Многие тысячелетия судно оставалось единственным видом транспорта, которым пользовался человек при расселении по планете Земля. Т. Хейердал выдвинул предположение, что человек поднял парус раньше, чем оседлал коня¹⁸². С этим трудно не согласиться, поскольку первым транспортным средством при постепенном расселении человека и преодолении им природных препятствий было не колесо, а «судно», и человек, используя естественные водные магистрали, мог за весьма короткое время преодолевать значительные расстояния.

Сотни веков накапливался опыт взаимодействия людей с водной стихией. Так, в доиндустриальную эпоху возникали торговые поселения и города вдоль речных, водных магистралей; в индустриальную эпоху шло интенсивное развитие парового флота и строительство удобных гаваней для военно-морского флота, развитие ледокольного, военного и атомного флота. Постиндустриальный период, время кажущегося благосостояния, ставит серьезные задачи, как перед государством, так и перед обществом в понимании значимости морского наследия для России в целом.

Важным аспектом философского исследования морской проблематики является принцип глобального геополитического дуализма Суши и Моря. Этот принцип распространяется и на локальные категории. При анализе любой пространственной сентенции именно планетарная модель, по мнению

¹⁸² Хейердал, Т. Древний человек и океан : [пер. с англ.]. М. : Мысль, 1982. С.7.

А.Г. Дугина, остается главной и основополагающей¹⁸³. Те соотношения, которые характерны для общей геополитической картины, повторяются и на частном уровне. Чаще всего мы воспринимаем пространство через понимание процессов, локализующихся на земле, потому что человек живет на земле. Море, в свою очередь, представляется нам некой надстроечной категорией, ресурсной и обеспечивающей базой для созидания и обустройства геопространства и геокультуры. Между тем, человечество давно уже освоило морское пространство, используя разные конструкции: корабли, морские платформы, искусственные острова, полярные станции. В общественную, социальную практику вошли морское хозяйство, военно-морская и гражданская морская деятельность, морское право и морская политика, морское образование и морская практика.

Широко используемый профессиональный термин «*seamanship*» означает «хорошая морская практика». моряки это выражение принимают как соблюдение законов мореплавания и применение профессионального опыта в сложных условиях морской стихии, где необходимо быстро принять решение, единственное и правильное. Это понятие можно выразить в триединстве: море – человек – судно (корабль), что в совокупности и определяет сущность бытия на море, и если проецировать это выражение на «морскую деятельность», то данное триединство и выражают суть этой деятельности.

Наиболее ярко тема моря в философских воззрениях звучит у К. Шмитта, где философ дал углубленное философское толкование о противопоставлении «Суши» и «Моря»¹⁸⁴. В сравнении со статичностью и спокойствием земли, ее устоев и порядков философ определяет концепт и философский смысл моря. Он рассматривает стихию моря как среду свободы, где море становится средой деятельности человека. Море не гарантирует надежность и не ограничивает. Суть этого *неограничения* – то, что происходит с законом, свободным законом при морской деятельности: свободе торговли, свободе хозяйства, свободе деятельности на море, свободе миссионерской деятельности. Бытие на море

¹⁸³ Дугин, А.Г. Основы геополитики. Ч. 1, гл. 8 : Карл Шмитт. «Бегемот versus Левиафан». М.: Арктогея, 1997. С. 43–46.

¹⁸⁴ Шмитт, К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. Лейпциг, 1942. 27 с.

(maritime existence), по Шмитту, есть признание моря первопричиной человеческого существования. Земля – это место пребывания человека, место его социального и правового существования, но бытие на море определяет важный итог и последствия: «Все доглобальные порядки были по существу сухопутными (terran), даже если они содержали в себе господство над морем и талассократии. Сухопутный мир изменился в эпоху открытий, когда земля впервые была охвачена и измерена глобальным сознанием европейских народов. Тогда, в XVI в., именно Англия осмелилась сделать шаг от сухопутного к морскому существованию»¹⁸⁵.

Геополитические интересы стран континентального характера сегодня все больше смещаются в сторону моря. Примеры тому – развитие морских и военно-морских стратегий России, США, Китая, Индии. Это доказывает, что фундаментальный историко-философский процесс смещения от «теллуократии» (сухопутного могущества) к «талассократии» (морского могущества) обусловлен прогрессом и успехами торговли и развитием глобального рынка в экономике. Морское направление развития становится важным в геополитических стратегиях континентальных стран.

Подобный взгляд относительно дуализма Моря и Суши рассмотрен Е.А. Тюгашевым. В работе «Поморская философия и континентальный ландшафт» автор анализирует, каким образом различие таких пространств (Моря и Суши) нашло отражение в философских выводах и концептах¹⁸⁶. Важный тезис заключается, по мнению автора, в том, что поморская культура формировалась на пограничном срезе. В поморской картине мира у русских и северных норвежцев мифологема моря доминирует и является базовой¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Филиппов, А.Ф. К политико-правовой философии Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 41–52.

¹⁸⁶ Тюгашев, Е.А. Поморская философия и континентальный ландшафт. 6 марта 2012 г. : [электронный ресурс]. URL: <http://eugen-tugashev.livejournal.com/25672.html> (Дата обращения: 03.07.2017).

¹⁸⁷ Галимова, Е.Ш. Мифологема моря в художественном пространстве северорусской картины мира // Поморские чтения по семиотике культуры = Pomor readings on semiotics of culture / отв. ред. Н.М. Терехин. Архангельск: СОЛТИ, 2012. Вып. 6: Геоисторические и геоэтнокультурные образы и символы освоения арктического пространства = Geohistorical and geoethnocultural images and symbols of the arctic space domestication. С. 329–334.

Подобное же мнение Н.М. Терехина¹⁸⁸ относительно оппозиции «отдельного» и «слитного». Картины мира норвежцев и поморов можно соотнести с наблюдением английского журналиста-исследователя Д. Паксмана, который пишет: «...живущие по одну и другую сторону сухопутной границы мало отличаются по характеру»¹⁸⁹. Автор обращает внимание на феномен островной, т.е. британской морской философии, которая традиционно противопоставляет себя континентальной философии и уточняет – философии континентальной Европы. Выводы авторов показывают, что подобно взаимопритяжению культур в сегодняшнем измерении и картине мира комплекс философских представлений скорее выражает синтез и ассимиляцию на пограничье морского и континентального.

Культурная и социально-политическая доминанта морского наследия обретает особую значимость и на международной арене. Взаимопритяжение поморской и северо-норвежской культур находит свое отражение сегодня в поисках социокультурных и экономических связей в Баренцевом Евроарктическом регионе в рамках народной дипломатии. Она ассоциируется с «мягкой силой» в геополитической сфере. Народная дипломатия сыграла свою роль и нашла выражение в современной жизни Поморья: сначала в историко-культурных морских парусных переходах и экспедициях по традиционным путям поморов, теперь уже ставшими регулярными; в обмене делегациями и установлением побратимских связей с приморскими городами Скандинавии. Это стало, своего рода, преамбулой образования в 1993 г. Баренцева Евроарктического региона.

Особую остроту приобретает выявление роли и места историко-культурного, этнокультурного и природного наследия в социокультурном

¹⁸⁸ Терехин Н.М.. Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2004. 272 с.

¹⁸⁹ Паксман Д. Англия. Портрет народа. СПб., 2009. URL: http://www.magnit-tour.ru/load/anglija_portret_naroda_ch_1/gustoj_tuman_v_kanale_kontinent_otrezan_1/137-1-0-2525.

пространстве прибрежных территорий России. Это послужило темой философских исследований Е.А. Тюгашева¹⁹⁰, М.Н. Ремизовой¹⁹¹, Е.А. Манчур¹⁹².

В геополитике существует феномен «человека пространственного», т.е. предопределенного пространством, сформированным и обусловленным его специфическими качествами: рельефом, ландшафтом или, в нашем контексте, – побережьем и морем. Эта обусловленность особенно ярко проявляется в масштабных социальных проявлениях человека – в государствах, этносах, культурах, регионах.

Концепт пространства является центральной темой и предметом особого интереса у философов и, по существу, тотально «закреплен» в философской мысли многих поколений ученых и исследователей. В истории философской мысли осмысление пространства является «вечным» сюжетом различных философских направлений и школ. Г. Зиммель в «Социологии пространства» отмечал, что вся социальная реальность проистекает из качественной организации пространства¹⁹³. Похожие взгляды у П.А. Флоренского, утверждавшего, что «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства»¹⁹⁴.

Море, так же как и земля, является средой деятельности, но море принципиально противится статике, оно не имеет четко выраженных границ. Море требует от человека знаний, усилий и способности воображения, не опирающегося на созерцание. Созерцая, мы не видим границ моря и можем наблюдать только его горизонт. Однако, способность человека познавать и действовать неотделима от способности созерцать и наблюдать. Мы любимся

¹⁹⁰ Тюгашев, Е.А. Поморская философия и континентальный ландшафт. 6 марта 2012 г. : [электронный ресурс]. URL: <http://eugen-tugashev.livejournal.com/25672.html> (Дата обращения: 03.07.2017).

¹⁹¹ Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10, ч. 1. С. 158–162.

¹⁹² Манчур, Е.А. Социокультурный контекст науки. М.: ИФ РАН, 1998. 221 с.

¹⁹³ Зиммель, Г. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете. 1902–1903 // Избранное: в 2-х т. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

¹⁹⁴ Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. [Гл. XXII]. М.: Прогресс, 1993. 324 с. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (Дата обращения: 03.07.2017).

красотой моря, его стихией, его гладью, мы можем мечтать о загадочных берегах, островах, далеких странах. Деятельность и созерцание имеют основополагающее значение для человека, и в этом ключе понятие пространства сопряжено с понятием среды. Любая практика проистекает в среде, в том, среди чего пребывает индивидуум или общество. Природа среды феноменальна, это то, посредством чего формируется образ жизни, что опосредует его, а значит и обогащает, пополняет, конкретизирует, а при длительном пребывании индивидуума в ней характеризует и типизирует. Среда побуждает и предписывает определенный образ жизни.

Формирование морской культуры происходило в освоении опасной для человека природной среды – моря, где человек не может жить без опоры на собственное изобретение – будь то лодка, плот или какое-либо другое плавающее средство. Феномен среды обитания определяет, что *Морская культура – это трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, получившая своеобразную мировоззренческую окраску с системой установок, моделей поведения, стиля жизни.*

Обладая универсальностью, морская культура наиболее полно отражает взаимодействие человека и природы в трех контекстах:

- географическом – приспособление к местным природно-географическим и климатическим условиям;
- историческом – развитие флота, берегового и островного историко-культурных ландшафтов;
- культурном – проявление духовного, сакрального отношения человека к морю и ко всему, что с ним связано.

Среда и наследие – как эти понятия сочетаются в динамике освоения человеком пространства и в чем состоят механизмы передачи нематериального морского наследия?

Индивидуальные качества человека формируются в среде обитания, но и среда содержит в себе также наследственные свойства, о которых мы упоминали, говоря о совокупности социальных норм и традиций. Среда, в которой

формируется отношение к морскому наследию в обществе, образуется благодаря следующим элементам и условиям:

- носителям наследия – письменным источникам и артефактам;
- через деятельность образовательных учреждений морского направления: школы, клубы, училища;
- через активную морскую практику.

В этой среде происходит сложный процесс «перетекания» смыслов и норм повседневной деятельности человека в профессиональную морскую или приближенную к ней, обогащённую морским содержанием культуру.

Морское наследие Поморья кроме историко-культурного контекста имеет особенности психологического характера. На это указывает И.Н. Фельдт: «...целостное восприятие культурного пространства открывается в большей степени человеку творческому и скорее местному жителю, чем просто приезжому или путешественнику»¹⁹⁵, – именно местному жителю – в этом и состоит глубокое содержание психологического свойства в оценке и смысловом поле Поморья.

Промежуточное состояние «перетекания» – это естественная среда, в которой и происходит актуализация нематериального морского наследия, где обретаются социально-культурные смыслы и ценности. Наиболее ярко этот переход происходит в микролокальном пространстве парусного судна, где соблюдение традиций является жизненно важным условием бытия экипажа и судна.

Парусное судно обладает своим особенным микросоциумом, локальным культурным пространством, в тоже время судно и его экипаж являются частью огромного физического морского пространства. На море вступают в работу механизмы наполнения и накапливания в памяти особых смыслов, проявляется мемориальный характер морской культуры, исчезает связь с обычным социумом. На микролокальном пространстве, которым является судно или корабль в море, все регламентировано и освящено традициями: от места расположения приборов

¹⁹⁵ Фельдт, И.Н. Культурное пространство Русского Севера; особенности формирования : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aonb.ru/conf/2003/Feldt.pdf> (Дата обращения: 03.07.2017).

и инструментов до «своего» места за столом. Одновременно происходит осознание индивидуумом физического пространства моря. Экипаж и индивидуум должны знать, что от их слаженной работы зависит положение и безопасность судна в огромном пространстве моря.

На корабле, а на парусном особенно, морское наследие нематериального характера выступает как механизм средоточия знаний и традиций. Время и пространство (расстояние) сконцентрированы в движении и ощущаются почти физически, приобретая свойства чувственного опыта – квалиа.

Человек, участвующий в управлении судном, должен знать и запоминать, как «работают» ветер и течение, как «ведет себя» волна, как меняется погода, как по времени определить расстояние и как условия плавания влияют на время в пути. В этом случае, элементы профессиональной морской культуры (морские знания и опыт) присутствуют постоянно и требуют от индивидуума включения в данную культуру и ее традиции. Происходит концентрация внимания: одновременно надо следить за ситуацией внутри локального пространства и за ситуацией извне, на пространстве моря.

Эффект погружения индивида в морские традиции связан с их этической, эстетической и эмоциональной гранями, ощущением необычной, более привлекательной окружающей средой, или наоборот, отторжением этой среды. Привлекательность морской среде придают природные и историко-культурные смыслы и наполнения. Историческая и символическая, интеллектуальная насыщенность морской среды дает человеку возможность сопереживать увиденному, а это порождает особый строй мыслей и чувств. Морская практика рефлексруется на связях «человек – этическая и эстетическая среда – созерцание», «человек – историко-культурная среда и традиции» в непосредственном восприятии, переживании и духовном присвоении богатств морской культуры в их подлинности.

В.А. Любичанковский и А.В. Любичанковский, анализируя механизмы адаптации в системе «Природа – Общество», указывая на совершенствование культурных регуляторов, которые противостоят росту разрушительной силы

технологий, дают определение понятия «социокультурный фактор»¹⁹⁶. По их мнению, это – совокупность социальных норм, законов, обычаев и традиций, регулирующих взаимодействие человека и природы. Самыми глубинными из них являются обычаи, традиции и нормы. Авторы указывают на то, что так называемое «небалансовое мышление», согласно которому определяются только выгоды в одних сферах, например в экономике, без оценки потерь других, деструктивно влияет на состояние социокультурной среды. Другими словами, принципиально то, что формирование социокультурной среды должно соотноситься со сложнейшей диалектикой духовного и материального.

Новые тенденции развития общества отражают реальные процессы, происходящие в современной России. Эпоха технократии успешно трансформируется в эпоху глобальной виртуализации. В противоположность технократической рассудочности содержательность морского наследия как итог человеческой деятельности во многом предстает в качестве смыслового образа. Репрезентативная функция морского наследия заключается в том, что через нее актуализируются социально-политические, моральные и духовные воззрения. Смысловое поле морского наследия реализует и познавательную-образовательную функцию, поскольку является базовым механизмом рефлексии морской культуры, общества и индивида. Морские смыслообразы выражают продуктивную способность человеческого воображения и являются важнейшим инструментом познавательной деятельности человека, ибо включены в качестве важного и необходимого элемента в научный поиск и исследования.

Философ и социолог Альфред Шюц¹⁹⁷ в первой половине XX в. пытался восстановить связь абстрактных научных понятий с миром повседневного знания и деятельности. Проблема состояла в необходимости понять процесс становления объективности социальных феноменов на основе субъективного опыта индивидов. Согласованность смыслов, по А.Шюцу, возможна лишь в рамках

¹⁹⁶ Любичанковский, В.А., Любичанковский, А.В. Проблема влияния социокультурных факторов на геоэкологическое состояние природно-антропогенных ландшафтов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2006. № 7. С. 128–133.

¹⁹⁷ Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: «Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

определенной социокультурной группы, где априори присутствуют ясность, согласие и гармония, ибо их отсутствие делает невозможным существование самой группы. Именно общественный смысл в устоявшемся социокультурном пространстве Поморья представляет собой определенную схему соподчинения и соотношения ценностей, идеалов и установок. Этот феномен культурной составляющей морского наследия транслируется учителями, родителями, общественными и научными авторитетами. Здесь морское наследие играет роль формы, не только упорядочивающей сферы морской и народной, обогащенной морским содержанием культуры, но и определяющей оценку реальных и конкретных многообразных жизненных ситуаций.

Сегодня именно деструктурация объективного и субъективного смыслов является основой кризисного и дезорганизованного процесса в обществе. Мы можем видеть как информационные, и коммуникационные технологии влияют на воспитание молодежи и сознание общества. Зачастую, виртуальность (виртуальная оценка) и готовность принимать желаемое за действительное преобладают над реальным пониманием вещей. В государственный образовательный стандарт заложена методология системно-деятельного и компетентностного подхода, где, безусловно, существуют базисные нравственные начала, защищающие культуру и достоинства человека. Но формирование общества – это не только образовательный процесс, это и процесс формирования самой среды, внутри которой формируется личность и само общество. Это вопрос аксиологического характера, и требует оценки.

Определим структурно-аксиологические и семиотические признаки феномена «морское наследие» и среду его формирования.

1. Феномен морского наследия Поморья как фактор социальной реальности, является системой ценностей, получившей своеобразную мировоззренческую окраску в системе установок, моделей поведения, жизненного стиля и выступает как явление и процесс социального характера, как целостная деятельная социокультурная метасистема в социокультурном пространстве Поморья.

2. Значимость морского наследия определена функциями, а их полезность направлена не только «вовнутрь» морского наследия, но и выражает стремление социокультурной системы к самоорганизации, саморазвитию и сохранению ее ценностей. С этих позиций морское наследие как социокультурный элемент «вписывается» в понятие «социума локальной среды», рассмотренный А.А. Дрегало и В.И. Ульяновским¹⁹⁸.

3. Моральные и духовные ценности, которыми оперирует человек, очерчивают поле его деятельности, но они не диктуют, как именно нужно действовать в той или иной ситуации. Ответственный человек принимает решения самостоятельно и свободно, но делает это, опираясь на нормы, которые закреплены в его бессознательном. Норма есть итог многовекового опыта, который и составляет морское наследие. Норма может разрешать, запрещать, рекомендовать. Существуют нормы нравственные и нормы «целесообразности», подсказывающие наиболее эффективные приемы деятельности.

Теоретико-нормативные свойства социальной философии, по С. Франку, как в логике и этике, указывают нам, что нормативный смысл заключается в том, что мы исследуем не только то, что *было и есть*, но и то, что *должно быть*; именно что *есть*, и может быть понято через призму того, что *должно быть*¹⁹⁹. Вопрос соотношения теории и нормативных смыслов становится настоятельной потребностью науки, ее положений, категорий и концепций в процесс развития общества и самореализации людей. В этом контексте при функциональном описании морского наследия мы рассматриваем его нормативный смысл и значимость не как «придаток» к экономическому прогрессу, а как работающий, полный жизни организм, призванный обслуживать потребности общества и нуждающийся в постоянном уходе и регулировании. Чтобы сохранять значимое для Поморья наследие в порядке, в активном состоянии, нужно равномерно и

¹⁹⁸ Дрегало, А.А., Ульяновский, В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера : монография. Архангельск: САФУ, 2017. 251 с. : ил.

¹⁹⁹ Франк, С.Л. Духовные основы общества: [сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев]. М.: Республика, 1992. С.14.

согласованно развивать его функции, которые обладают безусловными ценностями: гносеологической, информационной, ценностно-ориентационной.

Современная техногенная эпоха характеризуется особым переживанием времени, ускоренным ритмом жизни, даже появился такой термин – «территории ускоренного развития». Как следствие, сегодня требуются новые формы организации социального пространства и среды. Задачи, которые стоят перед Россией сегодня, позволяют прогнозировать, что северная идентичность в совокупности с морским наследием и реальной возможностью интеграции административных регионов Севера в «столичные» проекты по прибрежным и арктическим территориям позволят придать новый импульс развитию и социальному благосостоянию не только региона, но и страны в целом.

Поморье, находясь на пограничье «морского», «островного» и «континентального» положения, в контексте морского наследия представляет собой структурный уровень локального социокультурного пространства – как на фоне социальной, историко-политической реальности (местное самоуправление, интеграция в национальные и глобальные системы коммуникаций), так и на уровне сознания личности.

Рассматривая морское наследие как отдельную сферу социальной действительности, анализируя его общие и глубинные признаки, мы обращаемся к социально-философскому выбору, где результаты морской деятельности государства рассматриваются не просто как процесс модернизации или экономической мобилизации, а как важная необходимость формирования в обществе сознания того, что Россия это Великая морская держава.

Выводы первой главы

Рассмотрев концептуально-методологические основы классиков *зарубежной и отечественной* социальной философии и современные подходы к исследованию социокультурного пространства и культурного наследия, мы выделяем концепцию социокультурного взаимодействия П. Сорокина, и структуру такого взаимодействия, которая включает три неотделимые друг от

друга составляющие: *личность, общество и культура*. Используемые научные теории *структурно-функционального и аксиологического подходов* Э.В. Соколова, М.С. Кагана, Б. Малиновского, а также *структурно-семиотический анализ*, изложенный в работах Ю.М. Лотмана, Н.М. Теребихина, позволили рассмотреть морское наследие как целостный феномен, имеющий системный характер, представляющий предмет исследования как единое целое в ракурсе социально-философского анализа. Мы дали определение морскому наследию и социокультурному пространству Поморья. Базируясь на указанные подходы и особенности в понимании морского наследия и социокультурного пространства Поморья, мы рассмотрели эволюцию понятий «историко-культурное наследие», «социокультурное пространство», «социальная реальность», выявив при этом геополитические и локальные компоненты в формировании сущностных понятий и определений объекта и предмета исследования. Подтверждение концепций, высказанных в теоретических исследованиях социологов и философов XIX–XX вв., мы находим в анализе смыслового содержания социокультурного пространства Поморья и морского наследия, где важной и образующей константой предмета исследования является духовная сторона. Она априори присутствует в жизни человека и находит свое воплощение в наследии, элементом которой являются традиции. Сохранение и удержание стабильности можно выделить как важнейшую функцию традиции. Она проявляется в групповом опыте путем пространственно-временной передачи стереотипов и форм человеческой деятельности, стереотипов представлений, образов и способов их символизации аккумулируется и воспроизводится.

Традиционализм как сознательная реакция в стремлении к общественной потребности в самоопределении становится не столько выражением «своего лица» традиционного общества, сколько феноменальным маркером переходного периода модернизирующегося общества, к которому в настоящее время относится общество России и Поморья, в частности.

Глава 2

Генезис морского наследия Поморья и факторы его формирования в современных условиях

Во второй главе исследованы историческая преемственность и истоки формирования морского наследия в Поморье. Анализируются современные опыт и практики нематериального морского наследия, изучаются зарубежные активы морского наследия в контексте социального развития. Как компонент морского наследия характеризуется жанр маринистики. Как инновационный ресурс социокультурного развития определяются ценностные факторы морского наследия Поморья.

2.1. Историческая преемственность и истоки формирования морского наследия Поморья

Статус морского наследия сегодня обозначен в законодательных документах развития морской деятельности России²⁰⁰, но его общественная значимость и престиж определены самой жизнью. Историческая сторона исследуемого предмета, несомненно, одна из главных. Исходя из необходимости определения новых стимулов для сохранения и развития морского наследия, имеющего как научное, так и прикладное значение, выявим истоки его формирования. Для этого выделим два уровня развития морского культурного наследия: глобальный и локальный (региональный). Это разделение имеет условное операциональное значение.

Морская культура изначально представляет собой особый механизм взаимодействия культур и народов и является интерэтническим феноменом. Составные элементы морской культуры носят вненациональный характер и не зависят от их этнического происхождения.

²⁰⁰ О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р : [электронный документ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=107955&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.8904824679854373#0>

Морская культура охватывает периоды многих эпох и основывается на «диалоге морских культур» разных народов. Мировой океан с появлением мореплавания стал географическим фактором, который уже не разделял народы, но, напротив, содействовал развитию мировой торговли на планете, создавая новые геополитические пространства. Мореплавание сделало возможным контакты народов, находившихся на огромных расстояниях друг от друга. У народов, участвующих в морской торговле, происходит усиление идентитета (самосознания) при постоянном взаимодействии с другими народами с одной стороны, и открытость, более широкий взгляд на мир – с другой.

Морская культура выступила двигателем прогресса в глобальном аспекте, не только содействуя новым формам освоения мирового пространства, но и дала толчок к развитию мировой науки и экономики. Морские плавания в эпоху Великих географических открытий способствовали перевороту в представлениях человечества о планете, переходу от представления воззрения на Землю как на плоскость к форме земного шара.

Л.И. Мечников предложил разделить историю цивилизационного развития человечества, связанную с морским и водным измерением, на периоды: речной, морской и океанский²⁰¹. В исторических исследованиях это разделение логично, но в контексте нашего исследования имеет значение синтез этих периодов, механизм их «перетекания» в процессе развития. Предложенная Мечниковым периодизация подтверждается выводами Т. Хейердала о том, что морская культура глобального уровня начала формироваться в «голландскую» эпоху мореплавания, а в Нидерланды традиции морской культуры пришли в эпоху Средневековья от басков – наследников финикийской морской цивилизации²⁰².

Финикийская цивилизация на рубеже III–II тыс. до н.э. образовала сеть небольших государств. Море в жизни финикийцев играло огромную роль. В Финикии не было значительных территорий, пригодных для земледелия, не было обширных пастбищ, зато были дубовые и кедровые леса, которые давали

²⁰¹ Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995. 461с.

²⁰² Хейердал, Т. Древний человек и океан : [пер. с англ.]. М. : Мысль, 1982. 350 с. : ил.

отличный материал для строительства кораблей, строевой лес. Финикийцы строили великолепные по масштабам древнего мира корабли, на которых бороздили воды Средиземного моря, заходили в Атлантический океан, совершали плавания вокруг Африки. В портовых городах Финикии заканчивались сухопутные торговые пути восточного Средиземноморья, а дальше, в любую точку можно было переправлять товары на кораблях. Финикийские моряки встречались на службе у египтян, вавилонян, ассирийцев, персов.

Подобно Финикии, в ранней истории Русского государства огромную роль сыграла торговая транспортная система великих рек Восточно-Европейской равнины в соединении с морской культурой Балтики. Это была похожая на «финикийскую» схема развития морской культуры, где природно-географический фактор играл важнейшую роль. Распространение морской торговли стимулировало развитие прибрежного плавания и судоходства по внутренним водным артериям²⁰³. Формировались хозяйственно-экономические устои локальных сообществ, служившие образцами для распространения их по всей территории древнего государства. В результате эта система не только определила феномен перемещения элементов морской культуры и образование ее локальных скрепов и основ развития на прибрежных и речных просторах Русского государства, но и содействовала появлению городов. Основание на севере страны Архангельска, а затем и оформление новой *морской* столицы Санкт-Петербурга, означало не только «открытие окна в Европу», но и качественное изменение, модернизацию всего хозяйственного и военно-политического обустройства России, переход от замкнутого континентального государства к морской державе, активно включившейся в мировой политический процесс.

Рассматривая локальный (региональный) уровень развития морской культуры отметим, что судостроение в Поморье возникло на основе традиций новгородского судостроения, вследствие чего носило не самостоятельный, а производный характер, связанный с заселением северных территорий

²⁰³. Булатов, В.Н. Русский Север : [в 5 кн.]. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. 350, [1] с., 1 л. портр.

новгородцами. Из-за отдаленности образовавшихся поморских поселений от центров, в ранний период, когда начала формироваться система хозяйств и морских промыслов – от Новгорода, а затем от Москвы, технический прогресс протекал медленно. В допетровский период судоходство можно рассматривать как одно из средств жизнеобеспечения людей, живущих по берегам Студеного (Белого) и Мурманского (Баренцева) морей, крупных озер и развитых речных систем. Земледельцы, выходцы из центральных районов Руси, будущие «поморцы» (поморы) вынуждены были адаптироваться к приморскому северному суровому краю, рассчитывая при этом только на собственный интеллектуальный ресурс и те технические знания, которые были постепенно заимствованы у новгородцев и «приладожской чуди»²⁰⁴ или у северных соседей-скандинавов.

Авторы монографии «История северорусского судостроения»²⁰⁵ считают, что до XV в. происходило формирование необходимых навыков полярного (авт. «морского») судовождения, включая конструирование судов, освоение акватории Белого моря и выход за его пределы, выработка основ навигации, формирование корпуса профессиональных моряков. Именно в этот период были созданы необходимые предпосылки для расцвета поморского мореплавания в последующие XVI–XVIII вв..

Здесь будет уместно, следом за М.Е. Кулешовой, употребить термин «природный каркас», в который мы вкладываем важные базовые закономерности, формирующие морскую культуру Поморья: географическое положение, разновидности берегового ландшафта, духовные потребности человека, такие как мифология, религия, традиции, обычаи и верования, продиктованные природными и климатическими условиями²⁰⁶.

В этом контексте природный и социокультурный каркас морской культуры рассматривается нами как в горизонтальном (*пространственном*), так и

²⁰⁴ Бернштам, Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С.7.

²⁰⁵ История северорусского судостроения / Г.Е. Дубровин, А.В. Огороков, В.Ф. Старков, П.Ю. Черносвитов; РАН, М-во культуры РФ, Ин-т археологии, Рос. ин-т культурологии. СПб.: Алетейя, 2001. 402, [2] с. : ил.

²⁰⁶ Кулешова М.Е. Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского науч. центра РАН. 2007. Т. 9, № 1. С.9.

вертикальном (*сакральном, религиозном и ментальном*) уровнях. В горизонтальном, пространственном значении роль историко-культурного содержания, включающего в себя факторы природно-климатических и географических условий севера, является доминирующей. Это находит отражение в транспортной связи с прибрежными, морскими, островными территориями, а также преобладающих на данной территории видах хозяйственной деятельности, например, плоские берега с пологим скатом к воде использовались для недорогого и скорого судостроения, а близость лесных угодий обеспечивала судостроителей материалом для строительства флота. На вертикальном уровне доминировали ассоциативные категории: духовные, религиозные и сакральные помыслы, а также формы передачи профессиональных знаний и опыта.

Выделим два аспекта: «северность» как базовый элемент национальной культуры по природно-географическим признакам и «православие» как базовый элемент национального, исторического и духовно-психологического самосознания.

Рассматривая историю освоения севера России, сопоставляя ее с проблемами, стоящими перед обществом сегодня, зададимся вопросом: что заставляло людей осваивать Север и оставаться там жить. По мнению П.В. Боярского, схема освоения Севера выглядела так: сначала приходили мистики и провидцы, за ними шли энтузиасты и затем профессионалы, тем самым выстраивалась культурная, смысловая и жизнестойкая социологическая цепочка²⁰⁷. Понимая провидцев как носителей идеи будущего освоения Севера, а энтузиастов как сподвижников – исполнителей этих идей, зададимся вопросом – нужны ли сегодня на Севере «провидцы» и «энтузиасты».

Вертикальный уровень, о котором мы говорим, содержит понятие веры. В Библии это понятие определено как «...обоснованное ожидание того, на что надеются, очевидное доказательство существующего, хотя и невидимого»²⁰⁸. Вопрос модернизации и развития общества как процесс созидания «невидимого»

²⁰⁷ Боярский, П.В. Выступление на Круглом столе «Арктика – Территория Открытий» / Ин-т природ. и культур. наследия. г. Москва, 2012. (архив автора)

²⁰⁸ Послание к Евреям святого апостола Павла // Библия. Глава 11:1.

будущего – это вопрос веры, и если человек верит в созидание, то он пассионарен. Вопрос в том, какими средствами будет достигнуто «невидимое» будущее, остается открытым.

Понятие «духовность» в какой-то степени принято считать по некому «мифическому содержанию» или по религиозному, православному признаку. Проанализируем сущность этого понятия.

Сегодня в научных дискурсах об идентичности общества сталкиваются две основные тенденции, характеризующие его по типу социальности: индивидуалистическое и коллективистское. Российское общество в силу исторических факторов сложилось как коллективистское и, в этом качестве, успешно самоутверждалось. На фоне многовекового самоутверждения сформировался идентитет, который позволяет выделить важные его качества: соборность и общинность. Не углубляясь в богословскую интерпретацию понятия соборности, отметим, что в религиозном значении относительно практики и жизни российского общества соборность выступает как духовное единство людей в лоне Православной Церкви и открывается как некая установка религиозного сознания людей, связующая их помыслы и устремления. Таким образом, соборность уже раскрывается как определенное совершенствование общественных отношений, и понимается нами как своеобразная их характеристика.

Социально-философское осмысление соборности в контексте как духовной, так и светской жизни российского общества, наиболее ярко выразил С.Л. Франк: «Соборность – есть «органически неразрывное единство «я» и «ты», вырастающее из первичного единства «мы»²⁰⁹.

Современные исследования В.С. Семенова также обращены к соборности как важному определению идентитета российского общества. Если идея соборности в большей степени характеризует особые духовные (православные)

²⁰⁹ Франк, С.Л. Духовные основы общества: [сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев]. М.: Республика, 1992. С. 60.

начала коллективистской социальности российского общества, то понятие «общинность» является определением специфического уклада его жизни²¹⁰.

Славянофилы усматривали в общинности важнейшее определение идентитета русского общества и одну из наиболее значимых основ поддержания его идентичности, выраженную особенностью государственного устройства России, его хозяйственного быта и характера русского народа.

Стоит отметить, что и сегодня природные и антропогенные формы сохраняют и формируют своеобразный характер среды и ментальность, присущие только северным приморским территориям и народам, их населяющим. Например, поведенческий стереотип населения севера и юга России (как и ее морского соседа – Норвегии) различен. Народ, живущий на севере, у моря, немногословен, несуетлив, обладает высокими нравственно-этическими нормами и имеет некий «внутренний стержень». Суть поведенческого стереотипа людей, живущих на севере и занимающихся морской деятельностью, убедительно выражена в поморской поговорке «Море – наше поле», в которой общинно-хозяйственное обустройство сопряжено с морской деятельностью. Духовно-психологический портрет северного человека, и помора в частности, складывался благодаря общинно-артельной деятельности. Несколько столетий артель как форма хозяйственной жизни, органического единства и согласованности оставалась основой социально-производственных отношений, в результате чего складывался характер и поведенческий стереотип поморов.

В контексте анализа понятия «духовность» отметим ее важный императив – «послушание, но не подчинение», в чем и выражается его «внутренний стержень» как особенность характера северянина. Следует отметить одну важную деталь в духовно-психологическом портрете северного человека (помора): характер промысловой поморской общины и промысловой кооперации вовсе не идентичен современному понятию «коллективное», где духовные качества индивидуума могут не учитываться или не являются главными.

²¹⁰ Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 30.

Логическая смысловая, культурная и жизнестойкая социологическая цепочка «провидцев» и «энтузиастов» в освоении Севера, подмеченные П.В. Боярским, выстраивалась благодаря духовным качествам, которыми обладали поморы, и не случайно их деяния в истории освоения Севера и Сибири по праву можно назвать государственными. Фундаментальное значение соборности, определяющее русский народ как хранителя и защитника святоотеческой традиции, проявилось в их отношении к Отечеству как жертвенному служению святой апостольской вере.

Сегодня, выстраивая смыслообразующий концепт в развитии социокультурного пространства Поморья, важно понимать, что модернизация является не единственной технологической и экономической задачей государства и общества, и может быть решена только тогда, когда в обществе появляются потребности, основанные на ментальных установках людей, вовлеченных в этот процесс. Если базовые социальные и культурные ценности и традиции не работают на цели модернизации, это чревато социокультурной стагнацией, а не развитием региона.

Общество обретает особый потенциал и мотивацию для собственного развития, сохраняя традиции морского наследия Поморья, но не как архаику стагнирующего свойства (архаизм), отрицающую развитие, а как возможность сохранить ту самую смысловую и жизнестойкую социологическую «цепочку», не теряя при этом свою идентичность. С потерей идентичности может образоваться «культурная ниша», которая будет заполнена квазикультурой, способной поменять полюса и перевернуть не только традиционные христианские ценности, выработанные веками, но и собственную историческую память на другие идеалы и ценности.

Проанализируем, как формировалась культурно-ценностная ориентация и социальная психология людей Поморья и их практическая деятельность, связанная с морским содержанием.

Используя информационно-аксиологический подход к исследованию историко-культурного наследия, сложившегося на берегах и акватории и

побережьях Белого и Баренцева морей, отметим важность влияния морской культуры на формирование социокультурного пространства Поморья на ранних этапах его развития. Проанализируем переход от локальной (региональной) морской культуры к профессиональной (глобальной), связанной с интересами государства. Наиболее ярко этот переход заметен при сравнении двух типов судов использовавшихся на Белом море – гукор и шняка. Для подобного сравнения мы выбрали эти типы судов, потому что они представляли единство и многогранность связей при переходе от традиционного судостроения на Севере к модернизированному Петром I в XVIII в..

Адаптируясь к жизни у моря, человек приспособливал окружающую природную среду под себя, создавая при этом новую среду – морскую культуру. Вызовы природы ставили перед ним задачу выживания, следовательно, возникала необходимость «в поте лица своего» добывать средства к существованию. В контексте нашей темы исследования средство – это и есть флот, который строили и с успехом использовали люди, заселившие Север. В морской культуре поморов формы хозяйствования, включая судостроение, обычаи, социальные институты различались в зависимости от того, что требовали природные условия в каждом отдельном районе или поселении.

Основой экономики на Белом море и Мурмане были морские промыслы: рыбные (семужий, тресковый, сельдяной), зверобойный (моржовый, белуший, тюлений), а на чистых реках, впадающих в море, вели добычу жемчуга. Природные условия и гидрология северных морей влияли и на судостроение. В каждой группе поселений были свои особенности в судостроительной технологии. Подобную закономерность можно проследить и у норвежцев. Знаток поморской старины Б.В. Шергин отмечал: «У Белого моря берега: Зимний, Летний, Кемский, Терский. И на каждом берегу те же суда строили своим манером. Кому это дело в примету, тот, и в морской дали шкуну усмотрев, не только какого она берега скажет, но и каким мастером сработана – назовет»²¹¹.

²¹¹ Шергин, Б.В. Поклон отцу = Et bukk for far : [рассказы] / сост., вступ. ст., пер. с рус. на норв. М. Бьеркенг ; Арханг. лит. музей. Архангельск : Правда Севера, 2002. С. 268.

Эта же закономерность встречается и в классификации традиционного судостроения у норвежцев: «Если и говорят «харстадский бот», то только чтобы показать, что он сделан в поселке Харстад – целым родом и поселением»²¹².

Мореплавание, «морехождение» было частью быта и мироощущения людей. Накопление знаний о море проходило постепенно, без какого-либо явного влияния извне, а технический прогресс, связанный с судостроением и мореплаванием проходил крайне медленно.

«У поморов первоначально не было ни карт, ни описаний. На материковых берегах и островах Беломорья, Мурмана, Сибирских морей, не было ни опознавательных знаков, ни пристанища. Помор-первооткрыватель пускался в неизвестный путь. В плаваниях он рассчитывал лишь на себя, на поддержку товарища, на советы старшего, на удачу, да далекого Николу из Мирр Ликийских – мифического покровителя моряков, рыбаков и охотников», – пишет К.П. Гемп²¹³. Нужно было обладать отвагой и умением, чтобы на открытой беспалубной лодке проходить огромные расстояния на открытых участках моря. Таким образом накапливался опыт плавания и ведения промысла в суровых условиях холодных морей и выявлялась необходимость работы сообща, всем миром – в одиночку, говорили поморы, моря не одолеешь. Поморская морская деятельность традиционно является артельной деятельностью, что характеризует особенности организации поморского социума в целом. Однако для поморов была характерна особая общинная самоорганизация, отличная от среднерусской или казачьей общин. В поморском социуме иерархия существовала только на уровне семейной общины, но на уровне местного самоуправления иерархии среди жителей практически не было. Роль общины у поморов усиливалась лишь в процессе организации и реализации какого-либо общего мероприятия (условно его можно назвать общим проектом), например, морских промыслов (рыбного, сального, солеварного), совместного строительства крупного судна, храма или

²¹² Eldjarn, G., Godal, J.B. Nordlandsbåten og Åfjordsbåten = [Папуся в Скандинавии]. Vol. 1-4. Kiellands Forlag, Lesja, 1988. (пер.Л.Левит.)

²¹³ Гемп, К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия: [книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом]. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 6.

большого дома. Во время участия людей в общем большом проекте выстраивалось единоначалие, жёсткая иерархия, при которой все участники добровольно подчинялись воле опытного руководителя – кормщика, вожа или юровщика.

Т.А. Бернштам называет такую иерархическую самоорганизацию «мужской общиной», характерной также для моряков и военных, но сразу же по окончании общинного проекта, по возвращении поморов с дальнего морского промысла на берег, после раздела добычи, иерархия исчезала и все обретали равные права²¹⁴. Отметим, что «...основным качеством, ценившимся промышленниками более всего, считалась честность: хозяин, слывший нечестным, не мог набрать артели, а рядовой промышленник не мог стать ее членом. Понятие честности являлось в данном случае следствием коллективного сознания, то есть соблюдения установленных традицией норм поведения, охватывающих многие стороны быта промышленников: нельзя было утаивать пищу, деньги, если они достались промышленнику в период промысла, обманывать ложными вестями, отлучаться, не предупредив артель, и т. п.»²¹⁵.

Сложившиеся формы социальной жизни на Севере в XVII–XIX вв. при отсутствии помещичьего крепостного права способствовали развитию предпринимательства у населения. Дух упорядочивания хозяйственного устройства, самодисциплины, по М. Веберу, «целерациональности», бережливости, богоугодности трудового призвания и деловой сметки – эти свойства характера поморов и жителей северных окраин России сохранялись и передавались из поколения в поколение на ментальном уровне. И если Северной Европе «понадобился» протестантизм, освятивший и воспевший труд, ключевым образом сыгравший на развитии европейской цивилизации, то для православных русских поселенцев не было необходимости в «регламентациях сверху». Природно-климатические условия, воля и свобода действий, в том числе, некая

²¹⁴ Бернштам, Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С. 77.

²¹⁵ Там же.

свобода в выборе старой или новой веры, оказались основными факторами в становлении характера и менталитета поморов.

В морской деятельности поморов постепенно формировалась и система навигационных доминант, которая передавалась из поколения в поколение. В качестве ориентиров или опознавательных знаков поморы использовали на береговых возвышенностях груды сложенных камней – гурии, как в Норвегии, или строго ориентированные по частям света православные кресты – такие кресты можно встретить и сейчас на берегах Белого моря. У поморов есть выражение «хождение по горушкам» – это означает, что этот путь уже был кем-то пройден и обозначен на карте и в лоции. Каждая «горушка» имела свое название на карте, т.е. эти топосы унаследованы и зафиксированы. Большинство навигационных доминант-топосов совпадает с навигационно-опасными местами: для бассейна Белого моря это – Кузова, Соловецкие острова и остров Жижгин в Онежской губе, острова Моржовец и Сосновец в Горле Белого моря, устье р. Варзуги, и устье р. Поной на Терском берегу, Зимняя Золотица и Полугоры (ныне Зимнегорский маяк), а также устье Северной Двины. Для Баренцева моря: Три острова, Семь островов, Еконские (Йокангские) острова, район полуострова Рыбачий (о. Аникиев, Цып-наволок, Вайдо-губа), острова и г. Вардё. Важной навигационной точкой был остров Кильдин, откуда начинался «ход в Колу», а также мыс Святой Нос, от которого в лоциях отсчитывалось расстояние до норвежских поселений и городов.

Топонимия Поморья является важной частью культурного наследия поморов: топонимы содержат базовую историко-культурную информацию о данной местности и сегодня имеют большое значение для сохранения и использования культурного и туристического потенциала.

Важно не только сохранять топонимы, но и грамотно интерпретировать их, с учетом легенд и примет, связанных с ними, учитывая, что они также являются культурным наследием и требуют дополнительного изучения.

Со временем накапливался коллективный опыт обеспечения безопасности мореплавания, совершенствовалось описание морских путей. Стали печататься

«Мореходные книги» или «Росписи мореходства», где были указаны расстояния, направления (курсы и пеленги) до приметных или опасных мест, выгодные курсы плавания и заходы в места укрытий, сведения о приливах и отливах.

Природные условия оказывали влияние на типы судов, их конструкцию, на способы организации морских промыслов наиболее удачных, а потому преобладающих в данной местности. Например, сохранившаяся до наших дней форма штевня карельской шняки выглядит не только как архаичный элемент использования природного материала (кокоры), но и как элемент судостроительной традиции на карельских лодках-шняках сегодня. Примечательно, что тип «шнека» (впоследствии «шняка» беломорская, карельская) исчез как промысловое прибрежное судно в начале XX в., просуществовав свыше 800 лет, но в модифицированном виде существует и по сей день в Карелии по берегам Онежского озера. Рассмотрим, почему именно этот тип поморского судна оказался «долгожителем».

Первое упоминание о шняке мы встречаем в Новгородской летописи 1142 г. в связи с приходом из-за моря князя «свейского» «в 60 шнек на гость»²¹⁶. В Новгородской летописи XII–XV вв. шняка (шнека) упоминается при описании вторжений «немцев» на территорию новгородских земель. В Лаврентьевской и Псковской летописях XV в. шнека называется *снекой*. Позднее шняка упоминается в Двинской летописи при нападении в 1419 г. мурманов на шняках на двинян (жителей Заволочья): «Пришедше мурманы войною 500 человек с моря в бусах и в *шняках*, и повоеваша в Варгузе погост Корельский, и в земли Заволоческой погост в Неноксе, и Корельский монастырь святого Николы (...) три церкви сожгли, а христиан и чернцев всех посекли. И заволочане две *шняка* мурман отбиша, а иные убогоша на море»²¹⁷.

Название «шняка» новгородцы относили к обозначению понятия иноземного морского судна вообще. В Морском словаре дано следующее определение: «шняка (шнека) 1. торговые суда, плавающие между Северным и

²¹⁶ Кузнецов, В.П. Речные деревянные суда. Л.: Речной транспорт. Ленингр. отд-ние, 1956. С.17.

²¹⁷ Летопись Двинская / сост. А.А. Титов. М., 1889. С.7.

Средиземным морями в эпоху феодализма; 2. одно- и двухмачтовые парусные рыболовецкие суда, встречающиеся в Белом море и у Мурманского побережья»²¹⁸. Следовательно, можно предположить, что термин «шняка» имел собирательное значение, подобно тому, как название «лодка» и сегодня жители Поморья и яхтсмены применяют ко всем типам малых судов и парусных яхт.

Шняка оказалась универсальным типом судна, в равной мере полезной как для морского прибрежного плавания, так и для внутреннего – по рекам и озерам. Типы судов прибрежного плавания – шняка и карбас – не изменялись столетиями. Простота парусного вооружения, очень схожего с парусным вооружением норвежского нурландбота, указывает на архаичность и возможную связь его с судами времен викингов. С другой стороны, надежность и простота в обращении обеспечили этому виду парусной оснастке жизнеспособность на долгие годы.

Столь долгое существование традиционных судов на Севере объясняется тем, что они были недороги и неприхотливы в эксплуатации. Применялись шняки в основном на прибрежных рыбных промыслах. «Ловили, как и сейчас, селедку, семгу, сига. На веслах ходили. Не по одной тоне имели. Дед мой, Евгений, с 1901 года рождения, имел шнеку. Это большая лодка. Возили в Архангельск рыбу»²¹⁹. Однако промыслы на шняках на Мурмане были крайне опасны. Нередко во время штормовой погоды нагруженную рыбой шняку заливало водой, опрокидывало под парусами, а в темную, «свежую» погоду, когда берега не видно, эти небольшие суда попадали в буруны и разбивались о прибрежные камни.

Экзистенциальное отношение поморов к морской деятельности объясняет в целом их «спокойное» отношение к риску и постоянной близости смерти. Нередко поморы занимались промыслом на судах, которые не имели шансов на спасение в случае сильного шторма, но необходимость участия в промысле часто была выше рисков, а близость смерти воспринималась как неизбежность. «В море горе, а без моря вдвое» – гласит поморская пословица. Во время штормов чаще

²¹⁸ Морской словарь: [в 2-х т.]. Т. 2 : О–Я / сост.: И.А. Анашкин, П.Д. Бараболя, А.С. Волков. М.: Воениздат, 1959. С.396.

²¹⁹ Ляпаева, О., Зайцева, И. Калинина, Л. Терские поморы = Tersky pomors / [англ. пер. Н. Ивановой, М. Смолиной. СПб.; Апатиты : Кол. центр охраны дикой природы, 2007. С.22.

всего погибали именно шняки – открытые парусно-весельные лодки, но в случае необходимости поморы пускались в плавание и на более утлых судах. Например, в деревне Койда Мезенского района Архангельской области долгое время хранилась лодка, сшитая в XIX в. помором Артемием Малыгиным. Оказавшись на необитаемом острове, он смастерил кожаную лодку, наподобие байдары эскимосов, и благополучно дошел по открытой воде от острова Моржовец в свою родную деревню²²⁰.

Все заливы Белого моря различны по своей гидрологии, и поморы знали и учитывали их особенности. Традиционные суда были приспособлены для хозяйственной деятельности локальных поселений на Белом море, Мурмане и Карелии. Различия объясняли «специализацию» не только по конструктивным особенностям судов, но и по характеру промысла. Например, в Горле Белого моря ходили на «торос» – так называли охоту на тюленей. Этот промысел играл важную роль в Чаваньге, Чапومه, Пялице и соседних селениях. В Варзуге ловили семгу и добывали жемчуг, на Кашкаранцах – сельдь. На долгие годы поморы закрепились практически по всему побережью Белого моря, соорудили постоянные и сезонные станы и тони на берегах Баренцева моря, на Шпицбергене и Новой Земле. По воспоминаниям жителей прибрежных деревень, «на тоню ходили всей семьей, со скотиной, и там жили до декабря. На тоню заходили только с молитвой. У каждой тони крест стоял, на добычу»²²¹. Поморы возвращались с промысла лишь поздней осенью по родным деревням, расположенным по берегам Белого моря. Таким образом, здесь мы видим совокупность нескольких функций морской культуры, а именно адаптационной, коммуникативной, интегративной и нормативной. Исполнение этих функций позволяло человеку справляться с труднейшими проблемами, возникавшими перед ним в процессе его взаимодействия с морем для удовлетворения своих жизненных потребностей, как материальных, так и духовных.

²²⁰ Рождественская, Н.И. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: сб. сказов. Архангельск, 1952. С.19.

²²¹ Ляпаева, О., Зайцева, И. Калинина, Л. Терские поморы = Tersky pomors / [англ. пер. Н. Ивановой, М. Смолиной. СПб.: Апатиты : Кол. центр охраны дикой природы, 2007. 78 с.: ил. (Серия: Традиционное экологическое знание).

Выбор места для поселений на морском побережье также был неслучаен и должен был отвечать определенным условиям. При этом учитывалось:

- наличие пресной воды в местах стоянки и промысла;
- защищенность от непогоды – удобная для стоянки бухта;
- наличие поблизости материала для постройки судов;
- близость к промысловым районам;
- расстояния до мест торговли.

Все это влияло на типы и парусное вооружение судов, и профессиональную морскую квалификацию людей.

При наличии морской культуры на локальном уровне (на севере страны) в целом Русское государство оставалось сухопутной державой вплоть до конца XVII в.. В политическом обустройстве страны определяющим фактором управления оставались главенство центра и обширность подчиненной территории – периферии. При этом проблема выхода в Мировой океан и создания регулярного флота оставалась нерешенной. К моменту прихода к власти Петра I в техническом отношении Русское государство отставало от Европы на многие годы. Этот факт имел важное значение в создании предпосылок для строительства государственного флота и превращения России в морскую державу. К этому времени в России уже существовала определенная база для развития судостроения. Здесь особую роль играл Север и, в первую очередь, крестьянские и купеческие верфи-«плотбища», на которых строились небольшие парусные и гребные суда.

Развитие внешней и внутренней торговли и укрепление военного могущества России в конце XVII в. требовали особого внимания к строительству флота со стороны государства, поэтому реформы Петра I были направлены на развитие транспорта, военного обустройства, на расширение материальных ресурсов государства. Особенно большое внимание Петр I уделял военному флоту, и его деятельное вмешательство в судостроение оказалось своевременным и результативным. При непосредственном участии государя принимались актуальные решения, касавшиеся строительства флота. Были законодательно

закреплены правила в области судостроения и судоходства, направленные на контроль и подчинение всех организационно-технических вопросов частного судостроения государственным учреждениям. В указах Петра I нашли отражение вопросы безопасности плавания: о борьбе с потопляемостью судов; о способах передвижения судов; о совершенствовании судостроения; о запрещении постройки судов старого типа; о внедрении новых судов иностранного типа; об усовершенствовании старых типов отечественных судов; об усовершенствовании конструкции судов; о борьбе со старыми конструкциями и способами крепления; о применении болтов и новых способов крепления судовых корпусов; о поощрении новаторов передовой техники; о сборе пошлин и штрафных денег с судов старого типа.

Применение судов новых конструкций внедрялось не просто и отторгалось крестьянами не только по экономическим соображениям, но и по причинам, связанными с гидрологией моря: «заморские» суда имели большую осадку, чем местные типы судов. Кроме того, поморы строили суда с учетом особенности района плаваний. Так, раньшины были специально приспособлены для ранних весенних выходов на промыслы. Кочи обладали необходимыми качествами для ледовых плаваний и были распространены по всему Беломорью и на Кольском полуострове, поскольку обводы корпуса позволяли выдерживать большое напряжения льда. Лодьи и кочи уже в XV в. вполне соответствовали конструктивным требованиям, предъявляемым к морским судам, и успешно достигали берегов Новой Земли и Шпицбергена. Парусное вооружение и его расположение у кочей и лодей имели свои особенности, позволяющие этим судам проходить на попутных курсах до 150 миль в сутки. Англичанин Стивен Барро, побывавший на Русском Севере еще в 1556 г. отмечал, что русские суда прочны и быстроходны и при попутном ветре обгоняют английские.

В XVIII в. начинается новый период в российском судостроении, и западноевропейские стандарты стали вытеснять традиционное поморское судостроение. Согласно указам Петра I поморам рекомендовалось вместо лодей

строить немецкие эверсы, однако, на Севере они не прижились, зато появился и с успехом использовался такой тип судна как «гукор».

Здесь будет уместным сравнить «новоманерные» и традиционные поморские промысловые суда, чтобы понять причины их живучести. Обратим внимание на их конструктивные особенности как результат технического совершенствования и модернизации и их применение в строительной практике поморов. Особенностью большинства поморских судов было отсутствие косых передних парусов и близкое к форштевню расположение фок-мачты с прямым парусом. Такое распределение центра парусности позволяло устойчиво держать судно на попутных курсах. На гукоре площадь передних косых парусов при отсутствии фок-мачты компенсировалась развитым набором кливеров, дающих возможность «круче» идти к ветру на острых курсах. Гукоры «несли» высокую грот-мачту и, имея развитую систему передних парусов, обладали большей энерговооруженностью, чем, например, лодьи. Стоячий такелаж из-за большего количества парусов требовал большего внимания и слаженности работы команды. Управление гукором было более сложным: требовались более глубокие знания навигации и лоции, особенно для плаваний на восточных направлениях и за его пределами, поскольку осадка у гукора была больше, чем у лодьи или коча. На промысле команды гукоров для доставки морской добычи (зверя или рыбы) на борт по-прежнему использовали карбасы.

Зажиточная часть крестьянства Беломорья с желанием откликнулась и приняла нововведения, понимая перспективу перемен. Известно, что отец М.В. Ломоносова Василий Дорофеевич владел построенным «на новый манер» гукором водоизмещением около 100 тонн. Судно использовалось как для перевозки грузов, так и для промысла морского зверя. Впрочем, использование гукоров было более широким: от торгового и промыслового до военного и учебного назначения. Строительство «новоманерных» судов позволило не только увеличить тоннаж на промыслах, но и способствовало развитию военного флота, науки и образования, расширению торговли с Европой.

Благодаря петровским реформам Север России с XVIII в. стал местом морского взаимодействия восточной и западной ветвей общеевропейской цивилизации. Этот факт отметил историк и этнограф А.Н. Давыдов: «Маргинальный характер поморской культуры содействовал активному контакту русской культуры с западно-европейской, а также стимулировал, развитие национального самосознания, используя механизмы репродуцирования и сохранения важных этнических стереотипов»²²².

В середине XIX в. флот переходит от парусов к паровым машинам, однако еще долгое время паруса служили в качестве вспомогательного движителя. Сегодня, казалось бы, парус ушел в прошлое, но до сих пор искусство «хождения под парусом» остается у моряков признаком «высшего пилотажа», поскольку управление парусным судном требует серьезных знаний в различных областях науки: математике, физике, астрономии, метеорологии, гидрологии, умения организации корабельной службы. Не случайно курсанты мореходных училищ не только в России, но и во всем мире и сейчас проходят практику на учебных парусных судах. Так воплощается образовательно-развивающая и информационно-просветительская функция морского наследия. Это свидетельствует о его значимости в современном обществе.

В классификации флота можно выделить несколько основных групп:

1. по целям использования: военные, торговые, пассажирские, спасательные, ледокольные, спортивные, учебные, суда специального назначения (плавучие маяки, лоцманские катера и лодки);
2. по типам движителей и двигателей (парусные, паровые, дизельные, атомные);
3. по роду и условиям плавания: океанские, морские, прибрежного (каботажного) плавания, типа «река-море», озерные, речные;
4. по виду использования материалов для строительства: деревянные, металлические, пластиковые, углепластиковые, композитные.

²²² Давыдов, А.Н. «Старая Соломбала»: семантика урбоскансена морской культуры в структуре портового города // Семиотика культуры : тез. докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры, 18–28 сентября 1989 г. Архангельск : ПГУ, 1989. С.88.

Каждая группа в классификации имеет свои подгруппы. Исходя из данной классификации, можно утверждать, что судно изменяет свою форму и функцию в соответствии с потребностями государства и общества.

Как мы видим, вопрос модернизации является ключевым в истории развития флота, но, говоря о морской культуре, мы не должны забывать наказ Петра I «...Надлежит Вам беречь останки кораблей, яхт и галер, а буде упустите – то взыскано будет на вас и на потомков ваших»²²³. В этих словах заложен глубокий философский смысл сохранения морского наследия. Казалось бы, архаика была чужда великому реформатору, но, миссия морского наследия в том и состоит, что архаика понимается не как форма регресса, а как традиция и культурный скреп, служащий опорой для развития и модернизации.

Задача сохранения морского наследия обществом остается актуальной со времен создания профессиональной морской культуры. Говоря о модернизации надо понимать, что это не только элемент технического развития, но и элемент культурно-образовательного значения для общества, что и было достойно принято в Поморье.

Модернизация флота в Поморье, начало которой положил Петр I, оказала влияние на всю дальнейшую историю его развития. Ценность морского наследия проявляется в том, что при всех периодах технического переоснащения флота (переход от парусов к паровым машинам и последующей технической модернизации до строительства атомоходов), флотские традиции остаются необходимым условием, своеобразным постулатом, керигмой для дальнейшей общественно-коллективной и социальной резидентности.

Эти ценности проявляются в духовно-нравственной, ментальной специфике северян, способностью сохранять родовые начала и принимать новшество, если оно согласуется с их внутренним духовным содержанием.

Морская культура поморов пережила сложные процессы, связанные с проникновением других культур и традиций, экологической адаптации к

²²³ Указ Петра I «Воеводам переславским» [об охране остатков «потешной флотилии»] от 7 февраля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 6. С. 510. № 3903.

условиям Севера и наиболее полно отражает взаимодействие человека и природы в трех контекстах:

- географическом (приспособление к местным природно-географическим, климатическим и экологическим условиям);
- историческом (развитие флота, береговой и островной инфраструктуры);
- культурном (проявление духовного, сакрального отношения человека к морю и ко всему, что с ним связано в обществе).

Наш операционально-сравнительный анализ локальной (региональной) и профессиональной морской культуры XVIII в. показывает, что географические, исторические и культурные компоненты отражены в социальной жизни людей, поскольку среда формировала их образ жизни. Именно среда объединяет и социально типизирует общество. Важным свойством морской культуры в системе историко-культурного наследия явилось ее целостность, единство и гармоничность всех ее составляющих; материальных объектов, ментальных свойств и традиций «морепользования».

Опираясь на теоритические положения П. Сорокина и П. Бурдьё, мы рассматриваем Поморье и как социальное и как физическое пространство. Поморье в развернутом взаимосопряженном отношении социального и физического пространства, представляется нами как социальный универсум. Двойственность социального пространства по П. Бурдьё заключается в содержании материальных ресурсов, средств присвоения социальных благ и ценностей, таких как благосостояние, свобода, карьера, престиж, а также в содержании представлений о своем положении индивида, его мысленных схем и поведении. В результате чего проявляется деятельность индивидов в организации и преобразования этого пространства через деятельность целевых социальных групп (организаций). Эволюционный процесс сохранения и обновления морского наследия проявляется сегодня в общественных инициативах, связанных с сохранением традиционной поморской культуры. В Поморье наиболее активно это проявляется и развивается в таких организациях как Северный морской музей в Архангельске, Детский парусный центр «Норд», Архангельский речной яхт-

клуб, Товарищество северного мореходства на Соловках, Северодвинский яхт-клуб «Север», клуб «Полярный Одиссей» в Петрозаводске, Чупинский морской яхт-клуб в Карелии, детские парусные секции в поселке Нюхча и в Каргополье Архангельской области, Мурманский яхт-клуб на р. Тулома, яхт-клуб «Романтик» в Нарьян-Маре.

Жизненная устойчивость ареала морской культуры и ее наследия основана на ее замкнутом характере и удерживается системой норм, которые воспроизводятся в уяснении ее смысла для бытия современного человека. Нормы, которыми обладает морское наследие, направлены не только на удержание традиционных ценностей, заложенных в основе общественной группы (например, в клубном сообществе), но и на креативные и творческие потребности человека.

Креативный аспект морского наследия переносится также на выработку социальных форм, который при наличии собственной идентичности и самобытности способен вести диалог с другими социокультурными формами. Например, обоснование необходимости развития и освоения новых систем, методов и технологий социальных субъектов. Примером могут служить новые для Поморья формы развития инфраструктуры водного туризма, где наряду с сохранением и развитием учебно-воспитательного процесса в клубных учреждениях и парусных центрах, создаваться материальная база и условия для организации социально-экономической инфраструктуры водно-моторного и яхтенного туризма.

2.2. Маринистика как компонент морского наследия

Важной частью исследования морского наследия служит раскрытие его образа через художественно-творческую форму маринистики. Сам жанр маринистики рассматривается нами как неотъемлемый компонент морского наследия, который дополняет видение предмета «морское наследие» через структурно-семиотическое поле исследования. Образ в маринистике представлен как результат реконструкции объекта морского наследия в сознании человека, как

неотъемлемый элемент философского, психологического и эстетического воззрения²²⁴.

Истоки маринистики уходят в глубокую древность, ибо стихия моря на протяжении многих веков привлекала человека. Как жанр художественного изображения она несет в себе особый способ познания мира, ибо творчество есть один из способов эвристического познания.

Если рассматривать морскую деятельность не только с точки зрения развития экономики и развития мореплавания, но и с позиции философской рефлексии на освоение морского пространства, то на первый план выходит экзистенциальное отношение человека к морю как к безграничному простору. Этот простор связывал конечную жизнь человека с бесконечным и вечным миром. Море воспринималось как одна из координат мировой космической бездны. Человек не способен представить себе бесконечность, и ни один художник не может изобразить бесконечность, не прибегая к условной символике. Но человек способен осознать факт её существования. В русской поэзии и философии такое образно-художественное понимание личности человека перед вечностью было отражено в знаменитом «Вечернем размышлении о Божием величестве...» великого русского ученого М.В. Ломоносова²²⁵.

Художественно-философский образ моря, несомненно, был основан на личных экзистенциальных переживаниях Ломоносова, который с юных лет ходил со своим отцом под парусами по студеным волнам Ледовитого океана. Описание морской стихии Ломоносовым является отображением мира морской Арктики и служит ярким примером выражения ее «образа». И сегодня этот образ влечет в Арктику тысячи людей, представляя ее не только как мировое хранилище природных ресурсов, но и как высший духовный призыв к постижению и описанию ее величественных просторов.

²²⁴ Васнецов, В.А. Под звездным флагом «Персея»: воспоминания / [под ред. В. И. Черныша]. Л. : Гидрометеиздат, 1974. 280 с. : ил., карты.

²²⁵ Ломоносов, М.В. Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 205–206.

Образ объективен по своему источнику – отражаемому объекту – в той мере, в какой он верно отражает объект. Однажды возникнув, образ приобретает относительную самостоятельность, характер, и играет действенную роль в поведении человека. Возникает мысль о том, что художественное изображение соответствует нашим наглядным образам, но, при этом, не самому их бытию, а тому, что оно является состоянием протекающих процессов. Все эти характеристики отражены в маринистике. Х.-О. Пайтген и П. Х. Рихтер, убедительно объясняют внутренние взаимосвязи в искусстве, которые интуитивно воспринимаются как осмысленные. Описание увиденного и известного посредством опытно-практического языка логики является прерогативой науки. Описание же, выраженное в формах, внутренние взаимосвязи которых обусловлены подсознанием, интуитивным восприятием и узнаванием в данном проявлении истины, является функциональным выражением искусства²²⁶.

Художники-маринисты стали первыми после портретистов, кто выделился в отдельную группу по тематике произведений. В западной живописи маринисты оказались в одном ряду с пейзажистами. Логика этой живописи подчеркивала не только логику европейского национального возрождения и романтизма XVI в., но и логику деятельности человека на море. Это и определило отношение данного жанра к морской культуре.

Образ в маринистике представлен имманентно посредством философского, психологического и эстетического воззрения художника-творца. В результате этого происходит новое видение объекта или субъекта, преобразованного морской фабулой. Здесь мы находим актуальным замечание М.М. Бахтина о том, что «всякое творчество определяется своим предметом и структурой и поэтому не допускает и, в сущности, ничего не выдумывает, а лишь раскрывает то, что дано в самом предмете»²²⁷. Однажды возникнув, образ приобретает относительную

²²⁶ Пайтген, Х.-О., Рихтер, П.Х. Красота фракталов: образы комплексных динамических систем / пер. с англ. П.В. Малышева и А.Г. Сивака; под ред. А.Н. Шарковского. М. : Мир, 1993. 176 с., [20] л. цв. ил.

²²⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / [примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. М. : Искусство, 1979. 423 с., 1 л.

самостоятельность, характер и играет активно действенную роль в поведении человека. Возникает мысль о том, что художественное изображение соответствует нашим наглядным образам, но не самому их бытию, а тому, что оно является состоянием протекающих процессов. Такое выражение образа ярко отражено в маринистике, ее конструкте, отображающим морское наследие в целом.

Выполненная художником марина как «самоочевидность» в изображении выявляет и социальную соучастность художника с миром, со средой, где он работает. Социальный компонент в живописи, в этом случае, сводится к тому, чтобы осуществить посыл к общественным смыслам, в связи с чем происходит своеобразное «отзеркаливание», отражение в произведении и личностном контексте художника его национальной самоидентичности. В отношении своего народа, своего макросоциального окружения художник выступает посредником, который выражает суть ценностно-смысловых ориентиров, делает их более доступными для осознания глубины проникновения в основу морских смыслообразов и передает последующим поколениям. Социум сам не может творить, а потому только благодаря посредничеству модератора-посредника, признанного остальными, может осуществлять свое социальное самовыражение.

Будучи концентрированным выражением ценностного отношения к реальности художественная культура в большинстве случаев связана с утонченностью и изяществом. Маринистика как особый жанр в литературе и живописи имеет свою специфику, а значит и свой предмет познания, и свой предмет изображения. Благодаря этой специфике мы видим изящество формы корабля, изящество его «архитектуры» и его возможности противостоять стихии. Этот аспект находит свое отражение в искусстве кораблестроения не меньше, чем в искусстве архитектуры.

Обращаясь вновь к нашей гипотезе и рассматривая морское наследие в контексте развития флота можно заметить, как в маринистике находит выражение синтез таких, казалось бы, противопоставлений, как следование традиционализму и модернизации. Определить это можно по следующим признакам:

– изображению на полотнах маринистов технического развития и модернизации флота (от парусных, паровых и дизельных до современных атомоходов, от рыбацкой лодки, до современного военного фрегата);

– изображению архаики флота и его истории (от изображения древних галер до изображения современных учебных парусных судов).

Но документальность в маринистике – это не только изображение конкретного события или факта, но и отражение среды, с которой или в которой работал художник. Вот что пишет о своем интересе к Северу один из современных художников В. Коренков: «Что же я ищу на этом мрачном, холодном, полном водной пыли Севере? Я просто хочу понять вечность. Север, край земли, для меня и есть воплощение внутренней красоты и вечности. Мне как христианину важно показать эту мою любовь ко всему миру, это непостижимое восхищение творением и Творцом»²²⁸.

Если художник обращается к теме Арктики, то очевидно, что эта тема неразрывно связана с темой моря. В чем это выражается особенно? Обращаясь к философскому образу Севера, Н.М. Терехин пишет: «...Север – это метафизическое явление, существующее в “ином” плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения через себя, достигаемом в мистическом озарении»²²⁹.

Такой прорыв наблюдается, когда художник берется за описание моря как бездны. Это ощущение жизни на пределе так ярко выразили весьма непохожие Иван Айвазовский и Александр Борисов: один, написавший «Девятый вал», другой – «Страну смерти» и вечные льды Арктики, выражавшие «дух и тайну» северных морей.

«Любитель может описать море и корабль, но он не в состоянии представить сознание моряка, его видение мира и, стало быть, бессилён показать

²²⁸ Рошня, Д. Музыка Севера в живописи Вячеслава Коренкова: очерк творчества и подборка репродукций // Фома. 2008. №12(68). С. 100–105. («Галерея»). URL: <http://foma.ru/bibliografiya-foma-12-68-dekabr-2008.html> (Дата обращения: 20.7.2017).

²²⁹ Терехин, Н.М. Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2004. 272 с.

то, что именуется «морской жизнью». Только профессионалу под силу определить «взаимоотношения» моряка и корабля, ибо здесь тоже требуется взгляд изнутри», – утверждает исследователь Ю.В. Ковалев²³⁰.

Отдельного культур философского исследования заслуживают морские карты, которые не только указывают путь, отмечая глубины, проливы, опасные рифы и отмели, но и отображают географические символы. На ранних европейских морских картах можно встретить изображения морских животных и мифических чудовищ, диковинных рыб, людей в необычных одеждах, волн, береговых ландшафтов. Древние морские карты раскрывают и образные представления людей того времени о мореплавании, «морехождении», когда человек пытался это созерцание приблизить к реальности и практике.

Правдивость художественного стиля, такого как маринистика, кроется не в зародыше оригинального авторского вдохновения, она определяется в диалектике намерения художника-мариниста объективировать нечто уже объективированного морской практикой. Стил маринистики формируется через столкновение вопросов, существующих только для ума, уже вооруженного определенным типом мысленных схем, и решений, связанных с морским опытом и морским наследием.

2.3. Опыт сохранения морского наследия в контексте новой социальной реальности

Проблемы новых перемен, перестроечных прорывов на этапах социально-экономического развития государства и общества часто состоят в стремление выдавать желаемое за действительность. Иллюзия «нового» возникает в результате отсутствия логики поэтапного выстраивания инновационных идей и практик. Прорывные результаты могут быть достигнуты за счет увеличения необходимого ресурса и средоточия его в «руках и умах» профессионалов, понимающих всю логическую схему не только в естественно-научной,

²³⁰Ковалев, Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 90.

математической, но и гуманитарной парадигмах. В чем суть гуманитарной сферы относительно практики и результата социокультурного развития.

Т. Карлейль в своих философских размышлениях исходит из того, что вовсе не знание, а нравственное начало, ощущение долга, вера лежат в фундаменте всей человеческой цивилизации и ее развития. Истинным реформатором, полагал Т. Карлейль, бывает тот, кто взывает к незримой справедливости небес против видимого насилия земли²³¹. Его тезис имеет глубокий философский контекст, указывающий на первопричины возникновения иллюзий в корреляции логических схем развития социально-экономической сферы, и в этой взаимосвязи гипотеза нашего исследования актуализирует и включает рассмотрение двух важных аспектов морской деятельности, связанной с социальным контекстом исследования: модернизацию и традиционализм.

Перспективы социального развития и прогресса во многом определяются подходами к решению обозначенных проблем. Сущность социокультурного пространства Поморья не сводится к его административно-территориальным границам и территории. Социально-философская топика Поморья определяется широтой распространения и глубиной понимания системы культурных смыслов и значений, в пределах которой выстраиваются коммуникации между людьми и реализуются соответствующие акты и свершения материального и нематериального характера. Степень духовной вовлеченности и заинтересованности общества в жизни региона, общие доминирующие ценности, мотивы, устремления, которые разделяет большинство, составляют сущностное содержание социокультурного пространства Поморья. Общность значений формируется, в том числе, и под влиянием чувственных впечатлений от облика и образа морского характера края.

Полагая, что модернизация представляет собой процесс развития, который состоит в том, что создаваемое на благо общества и государства «новое» должно

²³¹ Карлейль, Т. Этика жизни. Трудиться и не унывать! / пер. Е. Синерукой. СПб., 1906. URL: http://ww.marsexx.ru/lit/karlel-etika_zhizni.htmlhttp://ww.marsexx.ru/lit/karlel-etika_zhizni.html (Дата обращения 16.05.2017)

закрепиться практикой. Опыт в данном контексте можно назвать памятью и ресурсом для данной практики. В тоже время, если рассматривать архаику как процесс сохранения чего-либо ушедшего, отжившего, то память может выступать как опыт, накопленный предыдущими поколениями.

Обращаясь к теме нематериального наследия, мы с неизбежностью приходим к понятию социальной памяти. Отсутствие памяти, потеря памяти, а в народе еще говорят «беспамятство» – есть результат отсутствия трансформации знаний от поколения к поколению. Это влечет за собой и отсутствие «перспективного» мышления, т.е. отсутствие какой-либо цели.

Человек, утратив память, теряет возможность ориентироваться в пространстве и не знает, что делать дальше, это же может произойти с обществом, если мы забудем прошлое. Революции, резкие политические изменения в обществе дезориентируют социум – в эти моменты и происходит потеря исторической памяти, и таких примеров достаточно в истории России. Важное ценностное свойство морского наследия заключается в становлении социокультурной идентичности, где память о прошлом играет решающую роль и понимается, как способность человека ощущать принадлежность к своим корням, к своему Отечеству.

Коллективная и общественная память передается от поколения к поколению через разнообразные коммуникативные каналы (семейное воспитание, образование, устные рассказы, литературу, творчество, памятные ритуалы и т.д.) и оказывает влияние на культурную идентификацию и систему смысловых ценностей, способствует возможности инвестировать эту память экономически, политически и социально.

М. Хальбвакс отмечал, насколько сильно социальные процессы влияют не только на индивидуальную память человека, но и на общественную память о прошлом²³². Коллективная память является важным фактором для идентификации общества, получает свою убедительную силу для социального прогресса не

²³² Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин]. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.

только благодаря логической связности и доказуемости, но и благодаря опоре на традиции, духовность и чувственность.

Иллюзия простоты реализации коренных общественных перемен и их воздействия на экономику неоднократно возникала в недавней истории России. Пропагандистский лозунг 1950–1960 гг. «Догоним и перегоним Америку», в 1970-х – «Экономика должна быть экономной», в 1980-х – «Перестройка, гласность, ускорение», и позднее, в 1990-е, трансформация общества представлялась как бы результатом естественных перемен, эволюционных изменений. Но обнаруживалось, что все гораздо сложнее – и естественной цепочки в построении цивилизованного рынка, в экономике и формировании эффективного предпринимательства не получилось. Недостаточная готовность населения к радикальным переменам оказалась одной из причин этих неудач.

Отсутствие смысловых ценностей – основная проблема сегодняшнего общества. Существует и такой постулат: как только мы обращаемся к прошлому, мы тут же ощущаем актуальность его сегодня.

Наиболее важным в использовании морского наследия для современного развития общества является сохранение и использования его нематериальных объектов, их свойств и содержания. Проводимые в 60-е годы XX столетия реформы «сверху» по укрупнению приморских хозяйств на Севере противоречили ценностям привычного уклада жизни, когда отношения людей были основаны на личных связях, на отношениях внутри микросоциума, на традициях и устоях самого социума. До этого времени у населения прибрежных территорий культурные ценности, не поврежденные гибридизацией идеологического развития, сохранялись и оставались целеполаганием существования социума. Утратив внутреннюю опору, основанную на знакомом и деятельном укладе жизни, люди оказались «потерянными», не приняв модернизацию как условие для их существования. Это произошло потому, что модернизация проводилась без учета условий и традиций местного населения. Результат этой и последующих «модернизаций» мы можем наблюдать сегодня: пустующие деревни, опустевшие реки, брошенные приморские хозяйства, людей,

покинувших места, где были их родовые корни. В сущности, это была модернизация «сверху», агрессивно-технократическим способом превратившая Поморье в некий государственный анклав. Реформы 1960-х проводились в спешке, а «двигателем» преобразований была партийная бюрократия, которая работала ради отчетов. В результате этого внеэкономическое принуждение, мобилизация ресурсов и сверхцентрализация управления, без учета местных особенностей региона, его внутреннего человеческого потенциала, оказались неплодотворными.

В XXI в. реформы в России во многом обретают признаки западно-европейского характера, без видимой возможности применения собственного ресурса. Возникают острые социально-философские вопросы, связанные с трансформированием понимания действительности, аксиологических ориентировок, истинности, усиливающиеся с помощью информационных манипуляций социокультурными процессами которые подрывают гуманистические тенденции развития общества.

Мы отметили, что морское наследие находится на стыке двух тенденций, которые определяют его суть и смысловое содержание: стремление к модернизации и сознательное стремление к традиционализму. Индивидуальная потребность в самоопределении служит объяснением того, что морское наследие является фундаментально-сущностной категорией способствующей развитию морской деятельности и социальному прогрессу в Поморье. Идентичность в данном случае понимается в качестве способности человека ощущать свою принадлежность к той или иной устойчивой группе людей.

Кастовый (корпоративный) характер таких общественных институтов как клубы и морские историко-культурные центры, федерации, союзы, ассоциации, в которых, например, «парус» и морские традиции выступают как традиционные ценности, говорит не только о том, что в них формируется склонность к традиционализму, но и неизбежная готовность к модернизации с уверенной опорой на морскую культуру и ее наследие. Эти общественные институты требуют от индивида знаний, серьезного отношения и преданности делу, где

качество как один из элементов модернизации, выступает на первый план в их деятельности. В каждом таком сообществе коллективная и общественная память передается от поколения к поколению через разнообразные коммуникативные каналы, оказывая влияние на их культурную идентификацию и систему ценностей, а также их желание инвестировать эту память социально. Невольно с темой общественно-корпоративных морских клубов или союзов «высвечивается» упомянутая поморская «мужская община», о которой пишет Т.А. Бернштам. Внутренний смысл народной культуры характеризуют, прежде всего, традиции, рассмотренные через соотношение пространства и времени.

Действующий механизм социальной памяти, по Бахтину, представляет собой некую «машину времени», с помощью которой человечество не только удерживает в настоящем, но и использует накопленный в продуктах культуры опыт и передает его другим поколениям. Мы используем понятие «хронотоп» в теме парусных традиций на Севере и обозначим одно важное обстоятельство: в социокультурном пространстве морских городов на европейском севере, таких как Архангельск, Санкт-Петербург, Северодвинск, Петрозаводск, Мурманск, где водные магистрали имеют большое значение отношение социума к парусу как «культурному символу» – своеобразному «хронотопу» выразилось образованием сообществ, культивирующих яхтинг и общественное парусное движение. Морское наследие этих городов выступает своего рода основой общественных и муниципальных учреждений профорientации: яхт-клубов, парусных центров и морских школ, содержащие в себе многие как северорусские, так и европейские морские традиции.

Обращаясь к истории «морского» общественного движения, отметим, что такое сообщество как яхт-клуб (как общественный институт) не был изобретением моряков. Впервые использование паруса в некоммерческих целях было зафиксировано 19 апреля 1601 г.: голландский хирург Генри де Вогт получил в этот день письменное разрешение на рейс как любительское плавание

от Флиссингена до Лондона²³³. В начале XVII в. в Европе начали формироваться взгляды на некоммерческое использование небольших парусных судов, что послужило рождению яхтинга как плавания под парусом ради удовольствия и активного отдыха. Позднее, в XVIII в. появились первые яхтенные клубы. В ходе зарождения клубной организации яхтсменов образовались весьма устойчивые признаки, характерные также для настоящего времени:

- ничего в этом движении не было навязано сверху;
- ничего не решалось, исходя из теоретических предпосылок и надуманных идей, все вытекало из очевидных нужд и характеров людей;
- традиции влюбленности в свою яхту и ее экипаж;
- традиции сознательной дисциплины и преданности парусу;
- традиции взаимоуважения и чести.

Перечисленные признаки в полной мере характеризуют социальность и разумность свойств клубного сообщества способствующих его жизнедеятельности. Эти же традиции стали стимулом взаимного соперничества между клубами и, естественным образом, способствовали развитию путешествий, туризма, парусных регат и техническому совершенствованию «малого» судостроения.

На ранней ступени развития таких сообществ роль традиции была особенно значима, и сегодня она выступает одним из самых важных приоритетов такого сообщества, которое стремится к сохранению своего единства, упорядоченности и стабильности. Свидетельство этому мы находим в основных документах яхт-клубов: уставы, в которых прописаны нормы поведения, отчеты за прошедшие навигации с результатами деятельности, программы и календари мероприятий. Такое сообщество характеризуется приверженностью традициям, это общество коллективных решений и коллективной ответственности. Оно избавляет индивида от выбора, позволяет ему естественно включиться в социальную группу, дает ощущение свободы от необходимости самому определять цели и средства

²³³ Гловацкий, В. Увлекательный мир парусов: очерки по истории парусного спорта : Пер. с пол / [предисл. В. Войтова]. М. : Прогресс, 1979. С.22.

деятельности. В городах России, где яхт-клубы существуют более ста лет – Санкт-Петербург, Москва, Архангельск, Самара, Саратов, Таганрог, Севастополь, – эти традиции не прерывались.

Традиция формирует связь между членами сообщества и между поколениями. Следование освященному временем ритуалу, этикету, церемониалу делает жизнь члена этого сообщества больше, чем жизнь отдельной личности. Ценность клубного сообщества становится основанием и для его личной значимости, даже если его роль в клубном сообществе незначительна.

Можно заключить, что клубная традиция это, *во-первых*, ставший общим достоянием в данном сообществе стандарт, *во-вторых*, это способ поиска смысла жизни и обретение творческих начал, свойственных человеку, *в-третьих*, это способ взаимодействия индивидуумов в сообществе, позволяющий осознать ценность каждого.

Значение традиции в современном обществе по-прежнему велико: она выступает в качестве средства, служащего основанием для движения к «новому». Таким образом, можно заключить, что традиция как унаследованная информация о прошлом, выступает важнейшим ценностным основанием бытия (как личного, так и общественного-коллективного), реализует связь времен. Однако, как и само бытие, традиция может быть утрачена, потеряна, забыта. Следовательно, сохранение традиций в морском наследии играет важнейшую смысловую, духовную и социальную роль.

В любой стране флот имеет собственную «иерархию» по видам деятельности и эксплуатации. На вершине этой условной пирамиды стоит военно-морской флот, а внизу ее основания многочисленная «народная флотилия» маломерных судов. Чем прочнее это основание, тем основательнее происходит развитие морской деятельности страны²³⁴. Проанализируем, что представляет собой эта «флотилия» в европейских странах, каковы условия ее существования и развития.

²³⁴ Дмитриев, В.Л. Нужен ли России яхтинг – народный флот? // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.). Калининград: Терра Балтика. 2010. С. 240–244.

Начиная с XIX в. интерес к маломерному флоту, включая рыболовный, парусно-моторный, яхтенный, гребной (спортивный), учебный охватил практически всю Европу и Америку. Увлечение маломерным флотом стало для тысяч людей образом жизни. Многие вполне обеспеченные люди и сегодня живут на «воде» в своих комфортабельных домах или на судах (яхтах, «клиперах», «чаликах», мотосэйлерах и т. д.). Конечно, этому способствует умеренный европейский климат и возможность беспрепятственного передвижения по внешним и внутренним водным путям: каналам и рекам. Но главная причина популярности и распространения такого образа жизни – законодательные и правовые нормы, позволяющие людям активно участвовать, развивать и сохранять морскую специфику, которая включает традиции малого судостроения, традиции морских и речных клубных сообществ, традиции воспитания высокой морской культурной практики. Развитая сеть марин позволяет людям не только путешествовать, но и заниматься малым бизнесом, ориентированным на сервисное обслуживание марин, их строительство и организацию яхтенного, водного туризма, дайвинга, частных морских музеев, малого судостроения. Все это в совокупности составляет развитую инфраструктуру, способную влиять не только на развитие туризма, но и на воспитание морского сознания нации, не привлекая для этого финансовый ресурс государства.

Социальные структуры морского наследия - это социальные группы, совокупность людей, которые взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей. В этом качестве мы рассматриваем, например, марину не только как объект материального пространственно-средового решения (например, архитектурно-планировочного для стоянки маломерных судов), а как необходимое условие материального характера, в котором возрастают социальные отношения. Это, с нашей точки зрения и составляет ценность социокультурного характера таких объектов как марины, морские и речные муниципальные и общественные учреждения для современного развития Поморья.

Понимание практики таких учреждений не сводится только к сфере обучения или сфере педагогической деятельности. Практика в контексте морского наследия – это практика в ходе, которой морское наследие, используя общественные организации и учреждения, формирует общественные отношения, изменяет общество и развивается. Осмысление морского наследия, в том числе, как совокупность сохраненных традиций, отобранных временем, определяют традиционность Поморья как неотъемлемую часть его сущности. Отобранные временем традиции в морском наследии эксплицируют их современную черту – жизнеспособность сохранять инициативу «снизу».

Наблюдения, проведенные автором во время его участия в экспедициях, позволяют заключить, что позитивно-созидательное отношение к развитию морской яхтенной инфраструктуры со стороны общественных, муниципальных и государственных органов власти является главным условием для ее существования. Приведем несколько примеров такого отношения:

– Кемь (Финляндия) – небольшой город. Яхтенный клуб, где на первом этаже здания размещен хозяйственно-бытовой комплекс клуба, на втором ресторан. Часть доходов от работы ресторана, согласно местному законодательству, идет непосредственно в клубный бюджет. Членский взнос в клубе составляет всего несколько евро, что позволяет его членам расходовать собственные средства на содержание флота и его эксплуатацию.

– Роттердам (Голландия). В центре города находятся слипы для подъема исторических, традиционных малых судов, судов-реплик, для проведения ремонтных и профилактических работ с корпусами и оснасткой. Туристы наблюдают этот процесс воочию. За экологией и чистотой слипов следят хозяин слипов и судовладельцы совместно с муниципальными органами контроля, лояльно и с пониманием, относящимися к традициям.

– Тромсё (Норвегия). Центральная площадь города «выходит» к марине, которая содержится за счет муниципального бюджета. Марина (гавань) оборудована всем необходимым для удобной стоянки частных маломерных судов,

яхт, чартерного малого флота. Рядом с мариной – Полярный морской музей, стоянка для портового, спасательного и вспомогательного флота.

– Челлефиорд (Норвегия). При поддержке муниципальных органов и грантов на развитие культуры энтузиастами отреставрировано здание старой рыбной фактории, где разместился музей Фолдал, экспонаты которого, собранные жителями, рассказывают об истории рыболовства, китобойного промысла, о малом судостроении. Пассажиры и туристы круизных судов ежедневно посещают музей, пополняя тем самым бюджет музея и города.

– Нью-Олесунд и Логгйир (Шпицберген). Несмотря на то, что эти поселения находятся в высоких широтах, за 78-м градусом северной широты, инфраструктура марин полностью соответствует требованиям сервисного обслуживания маломерного флота: есть электроэнергия, пресная вода, топливо, хозяйственно-бытовой блок. Множество маломерных катеров ежедневно перевозят туристов с круизных судов на берег. Ежедневно, в период свободной ото льда навигации, это поселение при научно-исследовательском центре посещают яхты, небольшие научно-исследовательские и экспедиционные суда из разных стран мира.

Практически все приморские города Голландии, Германии, Франции, Италии, Польши, Испании, Норвегии и других европейских государств, имеющих выход к морю, обладают развитой сетью марин различного хозяйственного подчинения. Их объединяет стремление к развитию и сохранению морской культуры как неотъемлемой части жизни людей, желание беречь и сохранять морское наследие. Подобное отношение может возникнуть только благодаря воспитанию в традициях морского сообщества и созданию условий для такого рода деятельности. Например, в западноевропейских правовых нормах не существует жестких ограничений на право управления маломерным судном, построенным собственными руками, если судно не занимается коммерческой или туристической деятельностью. Всю ответственность за судно и людей на его борту несет судовладелец. Никто не спрашивал у Тура Хейердала документы на право управления бревенчатым плотом «Кон-Тики» или папирусным судном

«Ра». Приходится констатировать, что в России «рудименты» запретительной системы советских времен «не пускать и запрещать» прочно закрепились в деятельности чиновников. Эта же система «содержит» и чиновников ГИМСа (Государственная инспекция маломерных судов).

В Поморье до «перестроечных» времен были тысячи владельцев самодельных катеров и лодок. В пригородах Архангельска, например, в Соломбале, опыт малого судостроения передавался от отца к сыну, существовала конкуренция – чей катер или лодка лучше, а на весь регион было несколько инспекторов, выдававших удостоверения на право управления и техническую готовность судна.

В 2017 году для ГИМСа МЧС России по Архангельской области, например, установлена штатная численность 98 человек, из них госинспекторов – 67 человек, количество же маломерных судов в силу экономических перемен в обществе уменьшилось в несколько раз²³⁵. Схема регистрации, учета и квалификационного требования к управлению судном была трансформирована. Роль надзора за эксплуатацией и обучением управлению маломерным судном и поведению людей на воде перешла от общественных клубов к государственному управлению. Если раньше общества и клубы профессионально (по стадиям обучения) контролировали подготовку яхтенных рулевых и капитанов, парусных и парусно-моторных судов, то в настоящее время чиновники ГИМСа имеют весьма смутное представление вообще о яхтенном и парусном деле. Воспитательно-образовательные функции и поэтапное обучение не входят в содержание работы ГИМСа. В этом заключается принципиальный разрыв и несоответствие между государственными органами надзора и общественностью, которая стремится к сохранению морского наследия в стране. Наличие Школы морской и речной культуры – одно из базовых условий для формирования морского сознания в обществе и развития морской деятельности государства.

²³⁵ ГИМС МЧС России по Архангельской области. [www/http:29.mchs.gov.ru>document/1324035](http://www.mchs.gov.ru/document/1324035). Дата обращения 21.12.2017. Более современных сведений установить нет возможности.

Обращаясь к политике европейских стран по отношению к морскому наследию, отметим, что вся законодательная база по сохранению и эксплуатации традиционных и исторических судов прописана четкими и внятыми критериями, а частный флот не нуждается в жесткой государственной опеке.

Малое судостроение в России – государственное и частное строительство традиционных катеров, яхт и лодок – в связи с переменами в экономике страны и несовершенством законов, практически исчезло. Это сказалось на утрате интереса у широкого круга людей к морской, речной и водной практике. Тем не менее, открывающиеся возможности, прописанные в Морской доктрине²³⁶, дают основания рассчитывать на совершенство законодательства в сферах эксплуатации маломерного, традиционного и исторического флота как формы дополнительного образования для молодежи.

В качестве примера поддержания морских традиций и сохранения морского наследия приведем некоторые политические инициативы европейских стран по содействию в сохранении и эксплуатации традиционных и исторических судов. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в 2000 г. обратилась к правительствам европейских государств с рекомендациями:

- поддержать и поощрять частные и общественные организации, занимающиеся сохранением исторических судов.
- поощрять демонстрацию этих судов для широкой общественности.
- развивать взаимоприемлемость национальных морских стандартов безопасной эксплуатации традиционных судов странами ЕС.

В том же году Великобритания, Дания, Германия, Испания, Нидерланды, Финляндия, Норвегия подписали Меморандум о взаимопонимании, цель которого стимулировать правительства и морские власти дальнейшему содействию в развитии системы взаимоприемственности стандартов безопасной эксплуатации традиционных судов. В 2010 г. на конгрессе в Португалии были приняты Сейксальские рекомендации в сфере молодежной политики и ее связи с морским

²³⁶ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: www.scrf.gov.ru/documents/34.html. (Дата обращения: 20.7.2017).

наследием. Понятная и прозрачная схема по сохранению и развитию морского наследия выглядит следующим образом: низовые организации – общественные клубы, создают объединения, которые осуществляют диалог с государством и формируют консультативный орган, затем создается полномочный орган²³⁷. По такой же схеме построена работа «Ассоциации морского наследия России: исследуем и сохраним», которая активно взаимодействует с Межведомственной комиссией по морскому наследию и Морской коллегией при правительстве РФ. Однако в России проблема заключается в отсутствии благоприятной среды на региональных уровнях и отсутствием финансовых условий для развития общественных и муниципальных морских организаций и клубов.

Европейский опыт, который хорошо знаком многим яхтсменам России, морским путешественникам и туристам, указывает на необходимость систематизации работы по развитию национального яхтинга (морского дела) на законодательном уровне. Стратегическая цель заключается в создании *национальной школы* морской культуры, без которой не может быть сформировано общественное морское сознание нации, а значит, не могут быть в полной мере решены проблемы развития морской деятельности, способствующей позитивным изменениям социально-экономической ситуации в стране.

Морская культура интегральна по своей природе. Сопряженность и взаимопроникновение морских культур является своеобразным условием развития морской культуры нации. Примером такого взаимопритяжения служит сама история морской культуры России, и Поморья в частности. Поэтому, учитывая сопряженность ценностных качеств морского наследия и социальности, мы модифицируем этот аспект в социокультурную модель как набор целевых ценностных ориентаций в рамках региональной социокультурной политики Поморья.

²³⁷ Толмачев, А.К. Исторические суда – памятники национального культурного наследия // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.). Калининград: Терра Балтика. 2010. С. 315.

2.4 Морское наследие, как инновационный ресурс развития социокультурного пространства Поморья

Рассматривая отношение к морскому наследию в контексте перехода от «охранительной» концепции к концепции «социокультурного развития», мы рассматриваем его как ключ к образованию новой парадигмы – интеграции морского культурного наследия в современный социальный контекст.

Оригинальность и своеобразие российского морского наследия выражается как в материальной сфере, например в судостроении, так и в духовной (язык, фольклор, предания, традиции, литература, изобразительное искусство). Традиции морских профессиональных сообществ обладают особой семиотикой, представляя собой сложные знаковые системы, которые предполагают знания предмета и владение им. Вместе с тем, внутри каждого из этих сообществ, таких как моряки торгового и рыбопромыслового, военного, научно-исследовательского флотов, а также полярников, моряков-подводников, яхтсменов, существуют свои узкопрофессиональные отличия. О значении флота, его просветительской, научной и образовательной деятельности красноречиво высказался академик Д.С. Лихачев: «Полагаю, что русский флот – это не только военная организация, военная сила. Это – научная сила, культурная и гуманитарная организация»²³⁸. Миссия флота на Севере благодаря традициям и преемственности поколений, развитию науки и образования, выглядит ярко и составляет огромный пласт в истории морской культуры России.

В формировании социокультурного пространства Поморья базовое значение имеет «северный элемент». Это же значение «северности» ярко выражено и у близких соседей – норвежцев. «Норвегия» в переводе означает «дорога на север», и в этом заложен ее главный философский и социальный смысл устремления ее интересов, развития и управления. В отличие от Норвегии, в России всегда остается главенство центра и его влияние на обширную подчиненную территорию. Моноцентризм России сформировался не из способов

²³⁸ Лихачев, Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С.656.

заселения огромной территории, по сравнению с Норвегией, а из способов и методов управления и контроля. В основе своей люди, проживающие на Европейском Севере России и в Сибири, освоенной, в том числе, русскими поморами, на ментальном уровне остаются «упрямыми» приверженцами своих родных северных мест. Этот факт не является элементом или свойством этноса. Наша точка зрения в данном контексте совпадает с мнением большинства исследователей, утверждающих, что поморы – это общность, идентифицирующая себя как самостоятельная, исконно русская, православная (ортодоксальная) группа, ориентированная на традиционный тип хозяйствования на море: рыбный, зверобойный промыслы и связанную с ними хозяйственную деятельность. Прилагательное «упрямые» в применении к поморам означает, что в основе их характера и образа жизни лежит общинно-артельная деятельность, воспитывающая из поколения в поколение те ментально-психологические установки, которые присущи людям, живущим у моря, в суровых северных природно-климатических условиях. Есть важное обстоятельство, о котором иногда забывают исследователи поморской темы: русские поморы и жители Сибири были, в большинстве случаев, «государственниками», а центральная власть, в свою очередь, относилась к Поморью как к надежному оплоту, отстаивающему свои рубежи и Отечество.

Вся история Поморья связана с морем. Мы говорим «по-моры, По-морье, Бело-морье» – в этих словах корень «море». «Хождение по морю» испокон веков было связано с парусами: паруса играли огромную роль не только как движитель в доиндустриальную эпоху, но и как фактор, своеобразный механизм в становлении духовно-нравственных и волевых начал в психологии многих поколений поморов. Не стоит доказывать, что парус в Поморье был востребован жизнью, знания о нем и навыки работы с ним передавались из поколения в поколения, поэтому мы рассматриваем «парус» как синтетический образ, содержащий в себе различные компоненты морской практики, включая духовно-нравственные начала их трансляции и воспитания.

Воспитание в некотором роде аналогично *целесолаганию*: молодого помора – «зуйка» нужно было не только научить конкретным умениям, но и заложить у него отношенческие навыки – как следует относиться не только к отцу (отечеству), к поморской общине, но и к той или иной жизненной ситуации. Как следует себя вести, если в «багаже знаний» не оказалось нужного навыка для решения возникающей проблемы: плыть «не куда ветер подует», а как парус поставлен. Сплетение смелости и уверенности в себе помогало поморам бесстрашно идти под парусом среди арктических льдов навстречу трудностям. Невозможно было прийти к желанной цели на море без преодоления себя, а умение кормщика измерялись не только тем, каков был улов или добыча, но и теми препятствиями, которые он смог преодолеть. С некоторой долей условности можно сказать, что парус как образ, как механизм, как посредник в общении людей между собой в различных сферах морской практики и поморской культуры, выстраивал и определял картину мира поморов.

Проецируя этот условный механизм целостных и систематизированных представлений и знаний поморов на современное отношение к морской проблематике в Поморье отметим, что сегодня тенденции экономического развития и формирования среды самовыражения, самоутверждения, самопознания нуждаются в особом, нетривиальном подходе, в основе которого лежит морская культура.

Эти проблемы стали темой для научных дискуссий в авторитетных изданиях и исследованиях по социально-экономическому развитию приморских регионов, в которых морская деятельность оказывает доминирующее влияние на решение социально-экономических проблем, формирует характер занятости населения, уровень его жизни и, таким образом, во многом определяет возможности и перспективы собственного развития. Для большинства приморских регионов морская деятельность имеет определяющее социально-экономическое значение, а для Севера – решающее. Значение ее для социальной стабильности и экономического прогресса Поморья, где морская деятельность

исторически занимает важное место, оказывается существенно выше, нежели для России в целом²³⁹.

А.А. Дрегало и В.И. Ульяновский справедливо отмечают, что социальное пространство северного региона страны представляет собой средоточие множества проблем, порожденных, прежде всего, недоступностью различных групп населения к капиталу разного рода: материальному, финансовому, образовательному, социальному, политическому, культурному²⁴⁰.

Главная угроза национальным интересам России в Арктическом регионе, куда относится и Поморье, исходит от отсутствия чётко сформулированных, оформленных политически и обоснованных законодательно интересов и позиций по отношению к региону, в результате чего содержание внутренней региональной политики открыто манипулированию со стороны различных корпоративных связей, и реализация даже принятых решений не гарантирована.

Одним из универсальных вариантов решения проблем, связанных с морской деятельностью и социальным развитием Поморья, может быть продвижение водного туризма как экономического фактора, способного приносить финансовую прибыль и создавать рабочие места.

Широко известны примеры использования рекреационных ресурсов приморских районов, тем более что существуют страны и регионы, экономика которых базируется на морском туризме. Сюда могут быть отнесены, помимо традиционного круизного судоходства, яхтенно-катерного туризма и морских или речных паромных сообщений, научно-познавательный, историко-культурный, экспедиционный и экстремальный туризм, дайвинг, а также морские экскурсии. Морские компоненты присутствуют в экологическом, спортивном, приключенческом, поисковом, деловом, лечебном (талассотерапия) и конгресс-туризме (на круизных судах). Объектами туристского интереса служат также морская хозяйственная деятельность и морская история.

²³⁹ Войтоловский, Г.К. Теория и практика морской деятельности. М.: СОПС, 2005. Вып. 5. С.126.

²⁴⁰ Дрегало, А.А., Ульяновский, В.И. «Nordman»: пролегомены к социально-культурной типологии северного человека // Арктика и Север: электрон. науч. журнал. 2011. № 1. С.15. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php (Дата обращения: 20.7.2017).

Обозначим два фактора, включающие научно-технический и экономический блок, которые способствуют развитию водного туризма. *Фактор уникальности* включает в себя природное наследие и объекты антропогенного характера, например, природные и искусственные водные магистрали на территории северо-запада России, куда входит система рек и озер, Беломорско-Балтийский канал, развивающаяся сеть марин и причалов в Балтийском регионе: в Санкт-Петербурге, на Ладоге, Онежском озере. Сюда же можно отнести водные магистрали, связывающие регион с центральной частью России, речные порты на Волге и в Московской области. Возрастающий интерес к северу России со стороны яхтенных сообществ России и туристов, морских путешественников из-за рубежа дает основания рассчитывать на реальные перспективы развития круизного, яхтенного, экспедиционного туризма на Севере. Петрозаводск, Кижы, магистраль Беломорско-Балтийского канала, соединенная с юго-западными направлениями, Соловки, острова Белого моря и старинные поморские поселения, уникальные петроглифы, лабиринты на берегах Белого и Баренцева морей и островах, выход за Полярный круг и в Арктику способствуют другому важному фактору – *фактору интеграции*. Он заключается в объединении соседних регионов Севера: Карелии, Мурманской, Архангельской областей, Ненецкого автономного округа и Северной Норвегии (Финнмарк, Тромс) в развитии водных и морских коммуникаций, в сферах развития науки и образования социально-экономического и гуманитарного характера.

За счёт развития транспортной инфраструктуры увеличиваются возможности стратегического партнерства в регионе, усиливается социальная культурная и экономическая интеграция. Морское наследие выступает мощным катализатором становления в регионе инновационной экономики. Этот подход обосновывает использование историко-культурных и географических возможностей морского наследия для перспективы достойного и удобного проживания человека на Севере. В связи с этим, встают вопросы сохранения и развития сообществ и организаций, как общественных, так и муниципальных, профессионально ориентированных на сохранение морского наследия края. К

таким сообществам, помимо профессиональных морских учебных заведений, относятся морские и яхтенные клубы, школы, морской кадетский корпус, образовательные учреждения профориентации для молодежи.

Однако при анализе современного состояния комплексных стратегий и программ развития приморских территорий и прибрежных акваторий России выясняется, что сегодняшние проблемы во многом кроются в отсутствии открытого и понятного обществу подхода к их развитию. «При общем анализе состояния морской деятельности отсутствует эффективная пропаганда национальной морской политики, а в обществе – благоприятный когнитивно-идеологический фон в восприятии отечественного мореведения и морепользования. Для большинства населения морская деятельность в лучшем случае выглядит не более чем романтическая экзотика, а в худшем понимается как чересчур обременительная ноша для экономики»²⁴¹.

Иллюстрацией поверхностного понимания темы, «псевдоморфозой», стала разработка туристского бренда Архангельской области с символикой, в которой суть Поморья не отражена. С нашей точки зрения, подобные попытки «переформатировать», отразить суть Поморского края в квазикультурной «сиюминутной» символике наносят вред и дискредитируют историю и славное морское наследие Поморья. Создается «перевернутая», искаженная информация, которая оказывает негативное влияние на имидж Поморья, особенно у молодежи. Если и рассматривать символ как выражение ресурса для оптимизации туризма в Поморье или подготовки кадров для работы в Арктике, то данный символ должен читаться просто, выражая суть поморского наследия. Разработка бренда Поморья, его символа, есть задача серьезная, требующая знания региона, который олицетворяет этот символ. С брендом связывается ориентация человека на определенное поведение, он транслирует в окружающую социальную среду ценности и жизненные устремления, релевантные для региона.

²⁴¹ Войтоловский, Г.К. От оптимизации – к стратегии // Теория и практика морской деятельности. Вып. 8 : Факторы развития: внутренние и внешние. Реализация системного подхода. М.: СОПС, 2005.

Бренд – это многогранное и абстрактное понятие. Он ориентирует общество на бессознательном уровне на определенные стереотипы и устремления. Феномен бренда в том, что он раскрывает объективную и наблюдаемую сторону явления. Философское осмысление природы семиотического – основное начало для раскрытия феномена бренда. Соответствующим брендом Поморья, например, служит имя М.В.Ломоносова. Слово «*Поморье*» само по себе выступает брендом. Главное в том, что бренд как конструкт, как символ соотносит в себе содержание социокультурного пространства. Формирование целостного образа бренда актуализируется посредством ощущений, которые выстраивают его психофизический портрет. Субъективный смысл, индивидуальные ощущения формируют образ и представление. Чем больше человек наделяет бренд собственным значением и смыслом, тем более активными будут его дальнейшие действия в отношении него.

Люди используют маркеры для отождествления или дифференциации себя и других, что можно определить как элемент социально-культурного характера. В этой связи в современном обществе процесс брендинга обретает особое значение. Отрываясь от потребительского маркера, бренд становится отдельным объектом социального значения как для человека в роли потребителя, так и для социологии в целом. Таким образом, в области социальной значимости бренда можно формировать видение того, что предлагается и как оно функционирует, насколько глубоко объект предложения или изучения вписывается в рамки общественных процессов и как актуализируется данное направление²⁴².

Невозможно отделить технологии от социально-политических систем, но и нельзя добиться модернизации и получения новых технологий, не стимулируя принципы гражданского общества. Если рассматривать морское наследие как фактор формирования процесса по развитию морской деятельности, то следует отметить, что непростая ситуация складывается с учебными программами, в которых не учитывается *целеполагание*. Общественно-гуманитарное и

²⁴² Грушев, И.В., Краснослободцев, А.А. Аналитика современных дефиниций и подходов к пониманию сущности бренда // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2013. № 4. С. 94–104.

патриотическое воспитание должно помогать детям с раннего возраста, и особенно студентам, понимать смысл жизни, будущего, цели и задачи своего родного края и страны. Насколько это значимо для воспитания молодежи выразил академик Е.П. Велихов: «В самом образовании главная цель - захватить внимание молодого человека, дать ему нечто, что будет ярче телевизора и интереснее компьютерных игр²⁴³.

В связи с этим возникает вопрос: может ли модернизация, навязанная «сверху», решить проблемы социально-экономического развития региона. Опасен тот факт, что привлечение молодежи к решению социально-экономических задач идет не саморазвивающимися предпосылками ее участия, а зачастую через создание разного рода «инкубаторов» и «корпораций развития», умножая тем самым бюрократические схемы для продвижения той или иной идеи или проекта, устраивая иллюзию модернизации. Отсутствие управленческого механизма и логики понимания стратегии развития, четко сформулированной программы, ведет к созданию всякого рода схем и организаций, которые ничего, по сути, не создают.

Патриотическое воспитание также не может быть навязано посредством каких-либо указов или решений, это скорее вопрос формирования среды, в которой могут быть созданы условия, где патриотизм как нравственный принцип возрастает постепенно. Создание соответствующей среды есть важная социальная, гражданская и государственная задача. Одним из таких механизмов, которые способствуют созданию условий для соответствующей среды, является морское наследие. Благодаря деятельности морских профессиональных образовательных учреждений, учреждений профориентации, (морские клубы, детские водно-технические станции, морские историко-культурные центры, парусные, гребные спортивные школы) формируется у молодежи особое эмоциональное

²⁴³ Велихов, Е.П. Доклад о состоянии науки в Российской Федерации / Ассоциация содействия науке – РАСН. 27-12-2012: [электронный документ]. URL: <http://maxpark.com/community/603/content/1725334> (Дата обращения: 20.7.2017).

переживание принадлежности к своему коллективу, родному краю, стране, к традициям морской культуры.

Для Поморья проблема сохранения и развития культурной самобытности и идентичности, трансляция гуманистических традиций через использование соответствующих функций и механизмов морского наследия является важной составляющей в социальной и общественно-гражданской деятельности региона. Морское наследие как культурный регулятор способствует формированию социокультурной среды и может соотноситься со сложнейшей диалектикой духовного и материального. В морской традиции доминирует глубокий социальный и философский актив «защищенности». Он же раскрывает, в свою очередь, категорию «надежности» в различных аспектах: от надежности конструкции судна (материальное) до надежности экипажа (духовное).

Формирование морского сознания нации возможно лишь при систематизированном государственном подходе к развитию *Школы* морской культуры. В СССР был популярен лозунг «От модели – к планеру, от планера – к самолету». Этот лозунг во многом определил дальнейшее развитие авиации в стране. Подобная схема подготовки была и у моряков: повсеместно работали судомодельные кружки, клубы ДОСААФ, морские и яхтенные клубы, культивировались водные виды спорта – от гребли на ялах до парусного и водномоторного спорта. Такие клубы дали гражданскому и военному флоту тысячи профессионалов. Существовали ступени обучения, преемственность поколений, престиж и гордость за профессиональную принадлежность к флоту²⁴⁴.

В любом виде морской деятельности применяются достижения наук, результаты многих исследований, которые базируются на использовании знаний, внедряемых в практику изучения, освоения и использования природных ресурсов и пространств Мирового океана. Обеспечение эффективности этих инновационных процессов происходит за счет проведения комплекса

²⁴⁴. Дмитриев, В.Л. Нужен ли России яхтинг – народный флот? // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.). Калининград: Терра Балтика. 2010. С.241.

мероприятий, направленных на распространение и применение научных теорий в практике морепользования. В комплекс мероприятий по внедрению знаний и изучению мореведения должны быть включены базовые практики, знания и умения, которые получает будущий специалист. Это важно, потому что человек осваивает морскую практику параллельно с базовыми математическими, естествознаниями и гуманитарными знаниями. Такую практику подготовки к морским профессиональным знаниям молодое поколение может получить только в морских, парусных, судомодельных и других ориентированных на морскую культуру учебных, общественных и муниципальных учреждениях.

Ресурс, которым обладают профессионально ориентированные общества и союзы, велик. Их развитие – это не только сохранение традиций, но и инвестиции в будущее развитие морской деятельности региона и страны в целом.

Социальная значимость в исследовании и сохранении морского наследия Поморья рассматривается нами в контексте социальной политики как своеобразная программа по формированию направления в развитии общественной и государственной инициативы, актуальной для общества как незыблемый приоритет внутренней социально-экономической и культурной политики прибрежных территорий России.

В то же время, формирование так называемой «индустрии наследия» приводит к развитию сугубо инструменталистского понимания наследия, сведение его до уровня рыночного потребления социально-культурных продуктов. Этот факт подводит к необходимости рассмотрения проблем, связанных с сущностным и функциональным определением морского наследия, моделей его восприятия и исследования специфики включения морского культурного наследия в современное социокультурное пространство Поморья.

Вышедшие из практического употребления материальные объекты морской культуры сохраняются в виде памятников или музейных экспонатов. Искусственная «реактуализация» устаревших культурных форм и сохранения их, по меньшей мере, в качестве памятников – это также одно из важных свойств

морской культуры²⁴⁵. Бережное отношение к прошлому формирует особый феномен, который морское наследие может транслировать как форму закрепления и передачи совокупного духовного и деятельного опыта или как «совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох»²⁴⁶. Морская практика, особенно под парусами, это доказывает в морально-этических и духовных концептах.

В исследованиях представителей диалогической философии и семиотической школы актуализируется функция культурного наследия как важнейшего ресурса творчества культуры. Связь между отношением памяти и культуры сформулирована в трудах Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и Н.М. Терехина²⁴⁷. По их мнению, культура может рассматриваться как совокупность «текстов». В зависимости от типа сохраненной информации тексты подразделяются на две категории: *первая*, по Лотману, представлена текстами «информативной памяти», которые сохраняют фактическую, научную и технологическую информацию; *вторая* включает тексты «креативной (творческо-деятельной) памяти», которую Ю.М.Лотман называет «памятью искусства». Для творческой памяти «вся толща текстов» оказывается «*потенциально активной*»²⁴⁸. Анализ морского наследия в этом ракурсе дает общее онтологическое видение объекта, которое работает на уровне оценки социума как системы.

Ю.М. Лотман подчеркивает: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру

²⁴⁵ Флиер, А.Я. Антропология культуры: учеб. программа для студентов по специальности «культурология». М.: Высш. школа культурологии, 2003.

²⁴⁶ Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1969. С. 52.

²⁴⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 284. С. 146–166; Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202; Терехин Н.М. Лукоморский миф и Бьярмейская сага // Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 123–144.

²⁴⁸ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202; Баллер Э.А. Указ. соч. С. 52.

человечества»²⁴⁹. Похожее утверждение находим у М.С. Кагана, который отмечает, что культурное наследие – это важнейший отличительный признак культурного пространства от бытия природы, поскольку через него реализуется такая фундаментальная черта культуры как ее способность быть «внегенетическим способом хранения и передачи вырабатываемой человечеством информации», быть «ненаследственной памятью человечества»²⁵⁰.

Рассматривая конкретные социально-культурные группы профессиональных коллективов, например, клубы, союзы, морские школы, а также отдельных индивидов, можно выделить социально-созидательные функции и говорить о развитии человека, его культурно-стилевой самоидентификации, его творчестве, о его экзистенциальной функции. Наличие отношений индивида к морскому наследию дает возможность личностного саморазвития. Такую связь Ж. Томпсон называет самоукрепляющей, поскольку «она обеспечивает контекст наших жизней, придает значение нашим деяниям и судьбе. Она задает смысл нашим отношениям, идеалам и устремлениям в структуре, которая выходит за пределы наших собственных жизней»²⁵¹. Позитивный характер этой функции состоит в том, что морское наследие в силу его «жизненной силы» позволяет успешно преодолевать разнообразные жизненные кризисы человека. Таким образом, *морское наследие оказывается культурным и социальным скрепом существования и развития общества и отдельной человеческой личности, что актуализирует его значимость.*

Понимание того, что морское наследие содержит как культурные, так и социальные компоненты, позволяет перейти от проблематики наследия как памяти к проблематике интерпретации и диалога. Смысл диалога, определим его как социокультурный, имеет особое значение в эпоху глобализации и

²⁴⁹ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство - СПб., 1994. 398, [1] с., [40] л. ил.

²⁵⁰ Каган М.С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. статей. СПб: Петрополис, 2001. Вып. I / под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. С.67.

²⁵¹ Томпсон, Ж. Окружающая среда как культурное наследие / сокр. пер. А. Елагина // Экология и устойчивое развитие. 2003. № 8. С. 26–32; [электронный ресурс] // Гуманитарный экол. журнал (Киев). 2002. Т. 4. Спецвып. С. 108–118. Оpubл.: Environmental ethics. 2000. Vol. 22. P. 245–258. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/m08/> (Дата обращения: 20.7.2017).

формирования информационного общества. Для понимания его сущности обратимся к философским идеям М.С. Кагана. Он отмечает, что человечество вступило в фазу перехода от одного типа культуры к другому, и глобальная важность этого перехода «состоит в диалогическом контакте прошлого и будущего» и провозглашает, что человечество сегодня «приговорено к диалогу»²⁵².

В основе такого диалога лежит следующее:

- признание того, что культурное наследие существует и развивается в многообразии его интерпретаций;
- акцент на осмысление наследия находится в социально-культурных проблемах современности;
- ценностно-смысловое освоение культурного наследия.

Важно, что сегодня интерпретация используется как осознанный механизм актуализации культурного наследия в современной социально-культурной среде.

Например, на сегодняшнем этапе развития туристической индустрии при формировании таких дисциплин как менеджмент и маркетинг происходит переосмысление объектов морского наследия в современных терминах для социально-культурного развития и сферы бизнеса. Зачастую для привлечения внимания молодежных социальных групп пытаются «осовременить» памятник, придумывая новые легенды «на потребу дня», игнорируя и подменяя подлинную историю забавными «байками». С этой точки зрения, памятников, не имеющих ценности в глазах современника, не существует, а существуют лишь неэффективные приемы их интерпретации и презентации.

Использование подобных приемов можно также наблюдать в применении развлекательных технологий, абстракций, перформанса и виртуальных схем, не имеющих отношения к историческому наследию. Но, используя подобные приемы, очень важно за современной яркой «упаковкой» не утратить сущность и сакральность памятника, традиции, предания.

²⁵² Каган М.С. Философия культуры / Акад. гуманитар. наук и др. СПб. : Петрополис, 1996. С. 402.

Сегодня в индустрии культурно-познавательного туризма этот интерпретационный диалог применяется как способ привлечения в культуру внебюджетного финансирования. В то же время существует противостояние между подходами к сохранению объектов наследия и его актуализации в социальной среде, выражающееся в отношении к ним представителей власти, науки и общества, в объемах финансирования проектов. По нашему мнению, это опасная тенденция в вопросе сохранения морского наследия для социального и патриотического воспитания молодежи. Включение в современное социокультурное поле Поморья морского наследия пока остается недостаточно разработанным для его анализа и применения.

Обращение к историческим корням, обычаям и традициям продиктовано требованиями времени, которое под влиянием глобальных трансформаций диктует выработку *новых*, но *опасных* парадигм социального характера. Особенностью культуры Поморья является ее внутреннее единство и целостность: она сочетает в себе как специфически самобытные черты, так и интегративные элементы, которые либо успешно адаптировались в культурной среде Поморья, либо маргинализировались ею. Процесс адаптации инноваций к особенностям Поморья без должного понимания его социокультурного характера может привести к полному забвению факта его пассионарного происхождения.

Выводы второй главы

Рассмотренные в этой главе истоки формирования и историческая преемственность морского наследия Поморья доказывают, что его социальный статус формировался благодаря специфическому укладу жизни поморов, их морской деятельности, что, в свою очередь, определяло и формы сохранения морского наследия.

Раскрытые духовные, творческо-креативные качества, сакральные мореведческие ценности морского наследия являются его внутренним социально

ориентированным потенциалом в развитии социокультурного пространства Поморья.

Анализ нематериального морского наследия выявил характер культурных смыслов и значений, в пределах которых выстраивались коммуникации между людьми. Духовная вовлеченность общества в социокультурное пространство Поморья согласуется с темой нематериального морского наследия и актуализируется с понятием социальной памяти. Отсюда сделан вывод, что морское наследие как унаследованная информация о прошлом, выступает важным ценностным основанием бытия, как личного, так и коллективного, и реализует связь времен.

Выявленные механизмы и формы морского наследия нематериального характера, такие как морские клубные традиции, маринистика, роль экологокультурного воспитания, брендинга как социального маркера определяют синтез и комплексность предмета исследования. Они содержат дополнительные ресурсы развития социальной, научно-образовательной и патриотической сфер Поморья.

Рассмотренные зарубежные и отечественные практики использования морского наследия подтверждают представленную гипотезу, что существующие тенденции: стремления к модернизации и сознательное стремление к традиционализму образуют смысловую конструкцию – идею категориального уровня содержательно-ценностного значения. В первую очередь на прибрежных и островных территориях морское наследие имеет авторитет и конструирует социальную реальность вокруг себя, формирует социальные институты, основные черты которых составляют: историчность, устойчивость, функциональность и материальные средства.

Мы определили, что накопленный исторический и современный опыт морского наследия позволяет нам глубже осмыслить процесс его актуализации в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи в контексте новой социальной реальности. Этот опыт позволяет также использовать морское наследие Поморья в развитии туристско-рекреационной деятельности.

Заключение

В результате исследования, обращенного к проблемам морского наследия Поморья, форм и механизмов его актуализации и воплощения в современном социокультурном пространстве мы пришли к выводу, что процессы и динамика морского наследия и социальности взаимосвязаны и сопряжены. И хотя по содержанию и целям они отличаются, морское наследие наполняет и оптимизирует социальность своим ценностным содержанием, а значит, может определить вектор развития социального пространства.

В нашей работе мы использовали принципы диалектико-материалистического подхода к анализу феномена морского наследия Поморья, применили научные теории структурно-функционального и аксиологического подходов и структурно-семиотический анализ. Концепция социокультурного взаимодействия включает три неотделимые друг от друга составляющие: личность, общество и культура. Это позволило определить морское наследие как феномен, представляющий предмет исследования как единое целое в ракурсе социально-философского анализа.

Исходя из поставленной цели в диссертации, мы решили выполнение следующих задач исследования:

- выявили концептуально-методологические основы в исследовании морского наследия Поморья, определили его смысловое поле, сущность и функции;
- определили подходы к исследованию социокультурного пространства Поморья и интерпретировали понятие «социокультурное пространство, дали определение термину «Поморье»;
- провели комплексное описание исторической преемственности и истоков формирования морского наследия в Поморье, выявили его геополитические детерминанты, характер среды и традиций в смысловом содержании морского наследия;

- выявлена характеристика маринистики как компонента морского наследия;

- выявлен статус морского наследия как инновационного ценностного ресурса развития социокультурного пространства Поморья, раскрыт бренд «Поморье» в сфере туристско-рекреационных активов региона.

В результате мы доказали, что морское наследие помогает выстроить социокультурные связи, сформировать среду, способную укрепить природу социальности: справедливость, коллективизм, взаимопомощь. Оно постулирует ценности, в основе которых созидательно-творческий потенциал человека.

Изучение феномена морского наследия и его актуализации в социокультурном пространстве Поморья показало возможности для формирования идеологемы как смысла и идеи развития прибрежных территорий России. Рефлексии морского наследия на социальную действительность, сложившуюся в результате социально-экономических трансформаций, определяют его как важный источник социального развития. Этот вывод отвечает поставленным в диссертационном исследовании целям в определении его как ценностного фактора развития социокультурного пространства Поморья.

Это не означает, что философское представление о значении морского наследия в Поморье является своеобразным продуктом для создания некоего закона. Философская рефлексия направлена на осмысление внутреннего содержания морского наследия, которое с нашей точки зрения может конкретизировать и направить процесс развития социокультурного пространства Поморья в русло его глубокого гуманистического и исторического понимания ценностей, которыми оно обладает.

Научная новизна проведенного исследования заключается в изучении пространственно-средового актива морского наследия в контексте развития социокультурного пространства Поморья, где впервые морское наследие рассматривается как предмет социально-философского анализа.

Доказана неотъемлемая (имманентная) связь модернизации и традиционализма морского наследия, рефлексии которого на социокультурную

действительность определяют и выражают его как важный инновационный ресурс социального развития.

Доказано, что морское наследие Поморья, как феномен исторического и социального характера, являясь источником и механизмом социокультурного изменения, проявляет значимость и конструирует социальную реальность вокруг себя, превращаясь в социальный конструкт, содержащий креативный смысл и инновационный внутренний ресурс.

Раскрыто понятие «традиция» в мореведческой интерпретации. В данном аспекте она обретает философское понятие и освобождается от всяких хронологических ограничений; из средства и функции традиция превращается в сущность социокультурного характера.

Выявлен феномен туристско-рекреационных возможностей морского наследия как инноваций, включающих научно-технический и экономический блок, которые дают основания рассчитывать на перспективы развития круизного, морского, речного, яхтенного и экспедиционного туризма на севере России.

Мы выявили геополитические и локальные компоненты в формировании сущностных понятий и определений объекта и предмета исследования. Концепт пространства Поморья в контексте морского наследия означает, что данная тема касается, прежде всего, региональной политики государства, где морское наследие выявляет преобладающие жизненные ценности, духовно-нравственные установки, традиции. Они в определенной степени влияют на результат деятельности человека и общества.

Проведенный анализ феномена морского наследия позволил сделать вывод, что оно представляет собой многофункциональную систему, которая отражает неразрывную связь времен и поколений. В современном динамично развивающемся российском обществе все традиционные явления и архетипы морской культуры продолжают существовать в латентном виде, перетекая из прошлого в настоящее. Содержание морского наследия Поморья представляет собой не застывшие, исторически неизменные формы, несущие на себе печать

глубокой архаики, а устойчивые перспективы развития, в рамках которых делают свой выбор очередные поколения.

Результаты диссертационного исследования с точки зрения теоритической и практической значимости позволяют:

- разработать социокультурную модель освоения и использования морского наследия, представленную как набор целевых ценностных программ в рамках региональной социокультурной политики;

- быть научно-обоснованным предложением к разработкам основ по проектированию сети морских историко-культурных центров с целью профессиональной ориентации молодежи, для образовательных и методических рекомендаций в преподавании морских дисциплин в школах и ВУЗах.

- разработать механизмы развития внутреннего туризма как социально-экономической формы сохранения и использования морского наследия в современных условиях.

Таким образом, осознание необходимости пересмотра отношения к морскому наследию, переход от «охранительной» концепции к концепции устойчивого социально-экономического развития, в рамках которой морское наследие рассматривается как ценностный фактор, является важным шагом на пути становления новой парадигмы - интеграции морского наследия в современный социальный контекст развития Поморья.

Сущность морского культурного наследия составляют интеллектуально-духовные и материальные ценности, созданные предыдущими поколениями, представляющие значение для сохранения социокультурного генофонда Поморья.

При анализе характеристик морского наследия мы определили его значимость не как «культурный придаток» к социально-экономическому развитию региона, а как работающий организм, призванный обслуживать потребности общества и нуждающийся в постоянном уходе и регулировании. Значимость морского наследия определена функциями, а их целесообразность направлена на стремление социокультурной среды к самоорганизации, саморазвитию и сохранению ее ценностей.

Мы доказали, что условиями функционирования и трансляции морского наследия в современном обществе является традиция как саморазвивающийся механизм передачи социокультурного опыта. При этом «традиция» в морском наследии – не только механизм передачи какого-либо опыта и не антитеза инновации – она выступает в качестве средства, служащего основанием для движения к «новому». Из средства и функции традиция превращается в сущность социокультурного характера.

В контексте нашего исследования традиция символизирует социальную близость, идентичность морских сообществ, легитимирует их статус, социализирует ценности, нормы, заложенные в конструкте морской культуры и ее наследии. В широком понимании традиция весьма пластична и имеет свои механизмы восприятия инноваций, адаптации к внешним переменам, но социальные группы, общественно-традиционные сообщества, союзы принимают изменения только в той мере, которая оставляет неприкосновенными традиционные устои и основы их существования.

Выдвинутая нами гипотеза в результате проведенного исследования полностью подтвердилась. Между модернизацией как новацией и традицией не существует непреодолимой грани, потому что традиция может рассматриваться как механизм воспроизводства и возобновления морского наследия как системы, и воспринимается как форма социально-исторического, культурного опыта Поморья. Поэтому отмеченное в нашей гипотезе стремление к традиционализму надо воспринимать не как рефлексии на объект поклонения – морскую культуру, а как сознательную реакцию на изменения, происходящие в социально-экономической и социокультурной сферах, как потребности россиян в национальном самоутверждении. Традиционализм в этом случае рассматривается нами не как противопоставление новому, а как возможность сохранения инициативы морского наследия в стремлении к своему развитию и развитию общества.

В диссертации рассмотрена и проанализирована важнейшая функция морского наследия – его социальная адаптация и интеграция. Эта функция

отвечает за формирование у молодежи мировоззренческой установки на конструктивное сотрудничество с носителями различных мореведческих ценностей. Все это предполагает овладение базовыми знаниями о морской культуре, которые заключается не в том, чтобы получить ограниченную профессиональными навыками личность, а в воспитании высокодуховной толерантной личности, обладающей многосторонними знаниями, широким набором профессиональных и жизненных компетенций. В этом состоит залог успешного развития современного российского общества, который и подтверждает положение, что вместе с техногенной модернизацией социокультурного пространства традиции остаются необходимым условием для дальнейшей общественно-коллективной и социальной резидентности.

Анализ смыслового содержания социокультурного пространства Поморья показал, что важной образующей константой является духовная сторона жизни человека, которая находит свое воплощение в морском наследии.

Компонентом морского наследия является также маринистика. Художественное выражение морской темы можно назвать концентрированным отражением реальности. Социум сам не может творить, а потому только благодаря посредничеству своеобразного «модератора-проводника», признанного остальными, может осуществлять свое социальное самовыражение. Художник-маринист и выступает таким посредником, который выражает суть ценностно-смысловых ориентиров, делает их более доступными для осознания и передает последующим поколениям.

Духовная вовлеченность согласуется с темой нематериального морского наследия и актуализируется с понятием социальной памяти. Анализ нематериального морского наследия выявил характер культурных смыслов. Формы морского наследия нематериального характера, такие как морские клубные традиции, маринистика, роль экологокультурного воспитания, брендинга как социального маркера определяют синтез и комплексность предмета исследования. На этом фоне обозначены скрытые ресурсы развития социальной, патриотической и научно-образовательной сфер Поморья.

Патриотическое воспитание в современной России приобретает государственно-идеологический статус. Сегодня это вопрос формирования среды, в которой должны быть созданы условия, где патриотизм как нравственный принцип возрастает постепенно. Одним из компонентов, который способствует созданию условий для соответствующей среды, является морское наследие. В основе этого направления лежит изучение учащимися, курсантами, кадетами основ морской культуры Поморья, истории российского флота и формирование чувства гордости за сопричастность к жизни и деяниям своих предков и современников, а также формирование ответственности за происходящее в обществе.

В нашем исследовании мы выявили рекреационные возможности морского наследия как инновации, включающие научно-технический и экономический блок, которые дают основания рассчитывать на перспективы развития круизного, морского, речного, яхтенного и экспедиционного туризма на Севере России.

Рассмотренные зарубежные практики использования морского наследия дают основания рассчитывать на развитие туристической сферы деятельности с развитием сети марин. Этот раздел исследования доказывает исключительную роль морского наследия в инфраструктурном и социокультурном обустройстве рекреационных зон прибрежных территорий России, и Поморья в частности.

Изучение проблем морского наследия, форм и механизмов его актуализации и воплощения в современном социокультурном пространстве Поморья, несомненно, требует дальнейшего социально-философского осмысления в силу многоаспектности и многогранности предмета исследования. В связи с новыми арктическими инициативами России становится актуальной проблема, в решении которой необходимо учитывать не только природные и политические, но и социокультурные реалии ближайшего к Арктике региона Поморья.

Особым направлением социально-философских исследований в области морского наследия должны стать социальная история и традиции отечественного военно-морского флота.

Список литературы

1. Артемьева, Т.В., Бажанов, В.А., Микешин, М.И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. = The reception of the british social and philosophical thought in Russia in 18–19 centuries : учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей высшей школы / РГПУ им. А.И. Герцена, Ин-т междунар. связей, С.-Петербург. центр истории идей.— СПб. : С.-Петербург. центр истории идей, 2006.— 138 с.
2. Баева, Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество.— 2012.— Вып. №1(65).— С. 109–118.
3. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры.— М.: Наука, 1969.— 294 с.
4. Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие.— М.: Наука, 1969.— 270 с.
5. Барбашев, Н.И. К истории мореходного образования в России.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 216 с.
6. Бауман, З. Индивидуализированное общество.— М.: Логос, 2002.— 390 с.
7. Бахтин, М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / сост. Г.Г. Бочаров.— М.: Искусство, 1979.— С. 328–334.
8. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / [примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова].— Москва : Искусство, 1979.— 423 с., 1 л. с.
9. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования.— М.: Academia, 2004.— 788 с.
10. Белов, М.И. По следам полярных экспедиций.— Л.: Гидрометеиздат, 1997.— 144 с.
11. Белов, М.И., Пинхенсон, Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т.— М.: Морской транспорт, 1956–1962 гг.— Т. 1.— 592 с.; Т. 2.— 767 с.; Т. 3.— 511 с.; Т. 4.— 616 с.
12. Бердяев, Н. Размышления о русской революции // Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы.— М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991— 84 с.

13. Бернштам, Т.А. Народная культура Поморья.— М.: ОГИ, 2009.— 432 с.
14. Бернштам, Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.— 233 с.
15. Боголюбов, Н.П. Общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен // История корабля: в 2 т.— М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1879.— Т. 1.— 354 с.
16. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 1: Роль среды / пер. с фр. М.А. Юсима.— М.: Языки славянской культуры, 2002.— 496 с.
17. Бродель, Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история / пер. с фр. В. Мильчиной, С. Зенкина.— М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.— 406 с., [8] л. ил.
18. Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность.— М.: Наука, 1987.— 334 с.
19. Брызгалов В.В, Таптыгин М.Ю. Морфологические процессы и историческая география дельты реки Северной Двины // Поморье в Баренц-Регионе: экология, экономика, социальные проблемы, культура: тез. III Междунар. конф.— Архангельск, 1997.— С. 215.
20. Булатов, В.Н. Русский Север : [в 5 кн.]. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.).— Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997.— 350, [1] с., 1 л. портр.
21. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства: в 2 т. Т. 1.— М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009.— 464 с.
22. Бурдьё, П. Практический смысл / пер. с фр., отв. ред., послесл. Н.А. Шматко.— М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001.— 562 с.
23. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр., сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко.— М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005.— 576 с.
24. Бурдьё, П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко.— М. : Socio-Logos, 1993.— 333, [2] с. : ил.
25. Бурдьё, П. Социология социального пространства.— М. : Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007.— 288 с.

- 26.Бурнашев, К.Э. Хронотоп – ключ к познанию социального пространства // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.— 2007.—№ 2(7).— С. 15–19.
- 27.Васнецов, В.А. Под звездным флагом «Персея».— Л.: Гидрометеиздат, 1974.— 280 с.
- 28.Вебер, М. У берегов Атлантического океана : (Фр. побережье).— Харьков : тип. М.Х. Сергеева, 1914.— 23 с.
- 29.Вебер, М. Избранное. Образ общества : [Пер. с нем.].— М. : Юрист, 1994.— 702 с.
- 30.Веденин, Ю.А., Кулешова, М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая.— 2001.— № 1.— С. 7–14.
- 31.Веденин, Ю.А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике: тез. докл. респ. науч.-практ. конф.— Ставрополь, 1997.— С. 4–9.
- 32.Вейр, Х. де. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. / пер. со староголл. проф. И.М. Михайловой; под общ. ред. проф. П.В. Боярского.— М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2011.— 279 с.
- 33.Велихов, Е.П. Доклад о состоянии науки в Российской Федерации / Ассоциация содействия науке – РАСН. 27-12-2012: [электронный документ]. URL: <http://maxpark.com/community/603/content/1725334> (Дата обращения: 20.7.2017).
- 34.Венкова, А.В. Культура модернизма и постмодернизма: читатель и зритель в авторской картине мира [Электронный ресурс] : автореф. дис.... канд. культурологии : 24.00.01.— СПб., 2001.— URL: <http://www.dissercat.com/>.
- 35.Веретенников, Н.Я. Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика.— 2012.— Вып. 3.— С. 6–10.
- 36.Веселаго, Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1.— СПб.: Тип. Демакова, 1875.— 701 с.
- 37.Визе, В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII–XIX вв. : биограф. словарь.— М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.— 72 с.

38. Визе, В.Ю. Моря Советской Арктики: очерки по истории исследования.— Л.: Главсевморпуть, 1948.— 296 с.
39. Войтоловский, Г.К. От оптимизации – к стратегии // Теория и практика морской деятельности. Вып. 4: Реализация системного подхода.— М.: СОПС, 2005.— 256 с.
40. Галимова, Е.Ш. Мифологема моря в художественном пространстве северорусской картины мира // Поморские чтения по семиотике культуры = Pomor readings on semiotics of culture / отв. ред. Н.М. Теребихин.— Архангельск: СОЛТИ, 2012.— Вып. 6: Геоисторические и геоэтнокультурные образы и символы освоения арктического пространства = Geohistorical and geoethnocultural images and symbols of the arctic space domestication.— С. 329–334.
41. Гемп, К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия: [книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищем].— Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.— 78, [2] с.
42. Гемп, К.П. Сказ о Беломорье; Словарь поморских речений / [науч. ред. В.Н. Булатов ; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.— 2-е изд., доп.].— М.: Наука ; Архангельск : Поморский ун-т, 2004.— 637 с., [13] л. ил.
43. Гловацкий, В. Увлекательный мир парусов: очерки по истории парус. спорта : Пер. с пол / [предисл. В. Войтова].— М. : Прогресс, 1979.— 312 с. : ил., карт.
44. Гофман, А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник – 2010 / ИНИОН РАН; Каф. общей социологии ГУ Высшей школы экономики.— М., 2010.— С. 128–136.
45. Громько, Ю.В. Деятельностный подход: новые линии исследований // Вопросы философии.— М., 2001.— № 2.— С. 116–151.
46. Грошев, И.В., Краснослободцев, А.А. Аналитика современных дефиниций и подходов к пониманию сущности бренда // Вестник РУДН. Серия: Экономика.— 2013.— № 4.— С. 94–104.
47. Гумилёв, Л.Н. От Руси к России.— М. : АСТ, 2002.— 397 с. : ил.

48. Гумилёв, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы.— М.: АСТ, 2008.— 575 с.
49. Гурина, Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология.— 1948.— № 10.— С. 125–142.
50. Гуткина, И.М. К вариативности связи понятий «пространство» и «культура» // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI в.— Саратов, 1999.— С. 64–66.
51. Давыдов, А.Н., Терехин Н.М. Порт и корабль: семантика северорусской морской культуры // Механизмы культуры : сб. науч. трудов / под ред. Б.А.Успенского.— М.: Наука, 1990.— 268 с.
52. Давыдов, А.Н. «Старая Соломбала»: семантика урбоскансена морской культуры в структуре портового города // Семиотика культуры : тез. докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры, 18–28 сентября 1989 г.— Архангельск : ПГУ, 1989.— С. 87–90.
53. Давыдов, Р.А. Н.Я. Данилевский и его деятельность по изучению, стимулированию российских морских и зверобойных промыслов в евроарктическом регионе в конце 1850-х – 1860-х гг. // Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова: материалы междунар. конф., 6–7 июня 2011 г.— Архангельск: Арханг. науч. центр, 2011.— С. 74–79.
54. Данилевский, Н.Я. Исследование о состоянии рыболовства в России.— СПб., 1862.— Т. VI.— 247 с.; Т. VII.— 108 с.
55. Данилевский Н.Я. Россия и Европа.— М. : Древнее и современное, 2002.— 548 с. : ил.
56. Дмитриев, В.Л. Нужен ли России яхтинг – народный флот? // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.).— Калининград: Терра Балтика. 2010.— С. 240–244.
57. Дрегало, А.А., Ульяновский, В.И. «Nordman»: пролегомены к социально-культурной типологии северного человека // Арктика и Север: электрон. науч. журнал.— 2011.— № 1.— С. 14–35. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php (Дата обращения: 20.7.2017).
58. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера : монография.— Архангельск: САФУ, 2017.— 251 с. : ил.

59. Дрегалю, А.А., Ульяновский, В.И. Стратегии кадрового менеджмента: оптимизация выбора // Вестник Северного (Арктического) университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.— 2015.— № 3.— С. 41–46.
60. Дугин, А.Г. Археомодерн: в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы : [электронный ресурс]. URL: <http://www.arcto.ru/article/1472>; <http://www.arcto.ru/article/1473>; <http://www.arcto.ru/article/1474>
61. Дугин, А.Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России.— М.: Арктогея, 1997.— 599, [1] с. : ил.
62. Дугин, А.Г. Основы геополитики. Ч. 1, гл. 8 : Карл Шмитт. «Бегемот versus Левиафан».— М.: Арктогея, 1997.— С. 43–46.
63. Дугин, А.Г. Социум как пространственное явление // Структурная социология: курс лекций [Электронный ресурс]. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/190309071522.xhtml> (Дата обращения: 20.07.2017).
64. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана.— М.: Канон, 1995.— 352 с.— (История социологии в памятниках).
65. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука.— М.: Канон +, 1998.— 432 с.— (Классики мирового религиоведения. Антология).
66. Ерофеева, Н.Н. Ладья // Мифы народов мира: энциклопедия.— М., 1997.— Т. 2.— С. 33–34.
67. Жарникова, С.В. Древние тайны русского Севера // Древность: Арьи. Славяне.— М.: Витязь, 1996.— С. 59–73.
68. Загоскин, Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси.— Казань: Лито-тип. И.Н. Харитонова, 1910.— 505 с.
69. Замятин, Д.Н. Культура и пространство : моделирование географических образов / Рос. НИИ культ. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, Рос. гос. гуманит. ун-т.— М.: Знак, 2006.— 485 с.: ил.
70. Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства.— М.: Аграф, 2004.— 506, [1] с.;

71. Замятина, Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования.— 2011.— № 2(32).— С. 24–35.
72. Замятина, Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность.— 2012.— № 5.— С. 151–163.
73. Зборовский, Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия.— Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974.— 221 с.
74. Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. Т. 1: Философия культуры.— М.: Юрист, 1996.— 671 с.
75. Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. Т. 2: Созерцание жизни.— Москва: Юрист, 1996.— 607 с.
76. Зиммель, Г. Как возможно общество? // Социологический журнал.— 1994.— № 2.— С. 102–114.
77. Иванов, Д.В. Виртуализация общества.— СПб.: Петерб. Востоковедение, 2000.— 96 с.
78. Иванов, Д.В. Теоретические модели глобализации // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения.— 2007.— Вып. 4.— С. 52–59.
79. Иванов, Б.В. Бренд Мурманска [Электронный ресурс] // Все о рекламе, маркетинге и PR. URL: <http://www.advertology.ru/article121295.html>
80. Иванов, В.Н., Патрушев, В.И. Социальные технологии : курс лекций / Моск. гос. соц. ун-т, Ин-т социологии, Каф. соц. инженерии.— М. : Союз, 1999.— 431 с.
81. Иванова, Н.А. Социальные практики: условие возможности, сущность и многообразие форм // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: «Философия. Социология. Культурология. Вып. 33».— 2014.— № 17(346).— С. 76–82.
82. Ильин И.А. Путь к очевидности.— М. : ЭКСМО-пресс, 1998.— 909, [2] с.
83. История северорусского судостроения / Г.Е. Дубровин, А.В. Огороков, В.Ф. Старков, П.Ю. Черносвитов; РАН, М-во культуры РФ, Ин-т археологии, Рос. ин-т культурологии.— СПб.: Алетейя, 2001.— 402, [2] с. : ил.
84. История флота государства Российского: в 2 т. Т. 1: 1696–1941 гг. / под ред. В.А. Золотарева.— М.: Terra, 1996.— 525 с.

85. Каган, М.С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. статей.— СПб: Петрополис, 2001.— Вып. I / под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В.— С. 48–67.
86. Каган, М.С. Эстетика как философская наука.— СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.— 544 с.
87. Каган, М.С. Системный подход и гуманитарное знание: избр. статьи.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.— 384 с.
88. Каган, М.С. Философия культуры / Акад. гуманитар. наук и др.— СПб. : Петрополис, 1996.— 415 с. : схем.
89. Каган, М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа).— М.: Политиздат, 1974.— 328 с.
90. Каганский, В.П. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Ст. 1: Евразийство как позиция // Общественные науки и современность.— 2003.— № 4.— С. 63–80.
91. Каганский, В.П. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Ст. 2: Правда евразийства? // Общественные науки и современность.— 2003.— № 5.— С. 70–83.
92. Калмыкова, И. Корабельная миниатюра: русский стиль [Электронный ресурс]. URL: <http://sailers.at.tut.by/thems3.html>.
93. Калущков, В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география.— 2012.— Т.1, № 1.— С. 27–36.
94. Калущков, В.Н. Ландшафт в культурной географии.— М.: Новый хронограф, 2008.— 320 с.
95. Камахина, А.М. Музеефикация наследия морской культуры на примере атомного ледокола «Ленин» // Культурные индустрии Кольского Севера: социолого-культурологическое исследование.— СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.— С. 169–181.
96. Карлейль, Т. Этика жизни. Трудиться и не унывать! / пер. Е. Синерукой. СПб., 1906. URL: http://ww.marsexx.ru/lit/karlel-etika_zhizni.html
97. Карлсон, Ю.В. Структуры повседневности: социально-философский анализ: [монография].— Пятигорск: ПГЛУ, 2011.— 110 с.

98. Кассирер, Э. Философия символических форм // Культурология. XX век: антология.— М.: Юрист, 1995.— 751 с.
99. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.— М.: ГУ ВШЭ, 2000.— 608 с.
100. Кастельс, М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева.— М.: Академия, 1999.— С. 296–308.
101. Ковалев, Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм.— Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1972.— 280 с., 1 л. портр.
102. Кондаков, И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // Общественные науки и современность.— 1995.— № 4.— С. 138–148.
103. Константинов, С. Морской Совет [Электронный ресурс] // Информационное агентство b-port.— 17.05.2005.— URL: <http://www.b-port.com/smi/4/349/5964.html>)
104. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. от 17 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>.
105. Коньшев, В.Н., Сергунен А.А. Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник междунар. организаций: образование, наука, новая экономика.— 2011.— № 3(34).— С. 27–36.
106. Коротаев, В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии.— Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998.— 189 с.
107. Котылев, А.Ю. Региональные особенности «глобализации» культуры и её новые формы // Поликультурное пространство. Российской Федерации. Кн. V: Культура Северо-Запада России.— СПб.: Петрополис, 2013.— С. 238–251.
108. Крившенко, С. Плавать по морю необходимо: русские мореплаватели в жизни и литературе: докум.-ист. очерки.— Владивосток: Дюма, 2001.— 246 с.
109. Кройтор, С.Н. Культурная память как механизм воспроизводства социальных практик // Фундаментальные проблемы культурологии: Т. IV: Культурное наследие: от прошлого – к будущему / отв. ред. Д.Л. Спивак.— М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009.— С. 69–78.

110. Круглова, Л.К. Человек – природа – общество – культура: социокультурная антропоэкология.— СПб.: ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова, 2013.— 118 с.
111. Кузнецов, В.П. Речные деревянные суда.— Л. : Речной транспорт. Ленингр. отд-ние, 1956.— 232 с. : ил.
112. Кузнецов, Ю.И. Эрмитаж. Голландская живопись XVII–XVIII веков в Эрмитаже : очерк-путеводитель.— Л. : Аврора, 1979.— 134, [5] с. : ил.
113. Кулешова, М.Е. Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского научного центра РАН.— 2007.— Т. 9, № 1.— С. 7–14.
114. Культура русских поморов: историко-культурологический анализ / В.В. Ануфриев, Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе, Н.Н. Гончаров, Е.Н. Селезнёв, П.Ю. Черносвитов.— М.: Форум, Неолит, 2013.— 320 с.
115. Культура русских поморов: опыт системного исследования / Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе, А.В. Огороков, Е.Н. Селезнева, П.Ю. Черносвитов.— М.: Научный мир, 2005.— 400 с.
116. Культурное наследие как основа национальной идентичности: Первые Панаринские чтения, 27 мая 2004 г., Гос. ист. музей, Москва / [редкол.: Громов М.Н., Зарубина Н.Н., Кучмаева И.К.].— М. : ГАСК, 2005.— 141 с., [3] л. ил.
117. Культурный ландшафт приморских регионов: Европейский Север России : сб. ст. / отв. ред. Е.Ю. Терещенко.— Мурманск: МГГУ, 2012.— 293 с.
118. Куратов, А.А. История и историки Архангельского Севера : Вопр. источниковедения и историографии.— Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999.— 271 с.
119. Куроедов, В.И. Проблемы формирования и реализации морской политики России [Электронный ресурс] // Право и безопасность.— 2002— № 4(5).— URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_4_3.htm.
120. Кучинская, Т.Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение».— 2010.— № 1(4).— С. 24–33.
121. Кучмаева, И.К. Культурное наследие: современные проблемы.— М.: Наука; 1987.— 173,[1] с.

122. Лазарев, В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии.— 2001.— № 3.— С. 33–47.
123. Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология.— 2000.— № 3.— С. 3–47.
124. Лихачев, Д.С. Раздумья о России.— СПб.: Logos, 1999.— 667с.
125. Ломоносов, М.В. Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // Избранные произведения.— Л.: Сов. писатель, 1986.— С. 205–206.
126. Ломоносов, М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.— Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг.— С. 417—498.
127. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века).— СПб.: Искусство - СПб., 1994.— 398, [1] с., [40] л. ил.
128. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : Человек – текст – семиосфера – история / Тартус. ун-т.— М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996.— XIV, 447 с.— (Язык. Семиотика. Культура).
129. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам: учен. зап. Тарт. ун-та.— Тарту, 1971.— Вып. 284.— С. 146–166.
130. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю.М. Избранные статьи.— Таллинн, 1992.— Т. 1.— С. 200–202.
131. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: : [сб.].— М.: Гнозис, 1994.— 547 с. : портр.— (Язык. Семиотика. Культура).
132. Лукин, Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики : монография.— Архангельск ; Лондон : Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ, 2017.— 249 с. : ил.
133. Любичанковский, В.А., Любичанковский, А.В. Проблема влияния социокультурных факторов на геоэкологическое состояние природно-

- антропогенных ландшафтов // Вестник Оренбургского гос. ун-та.— 2006.— № 7.— С. 128–133.
134. Ляпаева, О., Зайцева, И. Калинина, Л. Терские поморы = Tersky pomors / [англ. пер. Н. Ивановой, М. Смолиной.— СПб.; Апатиты : Кол. центр охраны дикой природы, 2007.— 78 с.: ил.— (Серия: Традиционное экологическое знание).
135. Мавродин, В.В. Начало мореходства на Руси.— Л.: ЛГУ, 1949.— 148 с.
136. Максимов, С.В. Год на Севере.— СПб.: Тип. А.Траншеля, 1871.— 690 с.
137. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед., Центр типологии и семиотики фольклора.— М.: О.Г.И., 2005.— 183 с.— (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).
138. Манчур, Е.А. Социокультурный контекст науки.— М.: ИФ РАН, 1998.— 221 с.
139. Маркарян, Э.С. Культура как способ социальной самоорганизации. Научная культура и проблема её обоснования // Мир культуры и культурология: альманах Науч.-образоват. культуролог. о-ва.— СПб.: РХГА, 2011.— Вып. I.— С. 79–90.
140. Матвеева, Т.М. Убранство русских кораблей.— Л.: Судостроение, 1979.— 230 с.
141. Матонин, В.Н. Механизмы конструирования социокультурного пространства Помезенья // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки.— 2013.— № 3.— С. 120–123.
142. Матецкая, М.В. Основные направления влияния культурного капитала на экономический рост // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / НИУ «ВШЭ»; отв. ред. Е.Г. Ясин.— М., 2010.— Т. 3.— С. 137–144.
143. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс].— Париж, 2003. URL: http://www.minervaplus.ru/docums/Konventsiya_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_naslediya.pdf.
144. Межуев, В.М. Вестник Российского гуманитарного научного фонда.— 1996.— №1.

145. Межуев, В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры.— М.: Прогресс-Традиция : Университ. книга, 2012.— 403, [2] с.
146. Межуев, В.М. История. Цивилизация. Культура: опыт философского истолкования.— СПб.: СПбГУП, 2011.— 440 с.
147. Межуев, В.М. Культура и история: проблемы культуры в филос.-ист. теории марксизма.— М.: Политиздат, 1977.— 199 с.— (Актуальные проблемы исторического материализма).
148. Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия / ред.-сост. Ю.Л. Мазуров; М-во культуры РФ, Рос. акад. наук, НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.— М., 2001.— 222, [1] с. : ил.
149. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки.— М.: Пангея, 1995.— 461 с.
150. Мозговой, С.А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник.— 2013.— №9.— С. 31–41. URL: <http://blackseafleet-21.com/newsid/9755> (Дата обращения: 20.7.2017).
151. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: www.scrf.gov.ru/documents/34.html.
152. Мосолова, Л.М., Вагинова Л.С. История культуры Кольского Заполярья : курс лекций.— СПб.: Астерион, 2006.— 150 с.
153. Морской словарь: [в 2-х т.]. Т. 2 : О–Я / сост.: И.А. Анашкин, П.Д. Бараболя, А.С. Волков.— М.: Воениздат, 1959.— 440 с.
154. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А.Б. Гофмана.— М.: Книж. дом – Университет (КДУ), 2011.— 413, [2] с. : ил.
155. Мэхэн, А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783.— М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.— 634 с.
156. Новейший философский словарь / сост. и ред. А.А. Грицанов.— Минск: Книж. Дом, 2003.— 1280 с.
157. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12112602/4/>.

158. О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р : [электронный документ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=107955&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.8904824679854373#0>
159. Овчинников О.В., Попаренко Я.В., Сметанин А.В. Северо-Западный федеральный округ : рождение макрорегиона : [учеб. пособие].— Архангельск, 2005.— 309 с., [4] л. цв. ил.
160. Огороков, А.В. Древнейшие средства передвижения по воде.— М.: Рос. ин-т культурологии, 1994.— 217 с.
161. Окунев, Ю.П. Динамика культуры Русского Севера в условиях современных социальных трансформаций : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01.— М., 2007.— 55 с.
162. Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
163. Павлюченко, Ю.Н. Развитие архитектуры судов : автореф. дис. ... д-ра технич. наук : 07.00.10.— Владивосток, 2002.— 59 с.
164. Павлюченко, Ю.Н. Основы художественного проектирования судов.— Л.: Судостроение, 1985.— 264 с.
165. Пайтген, Х.-О., Рихтер, П.Х. Красота фракталов: образы комплексных динамических систем / пер. с англ. П.В. Малышева и А.Г. Сивака; под ред. А.Н. Шарковского.— М. : Мир, 1993.— 176 с., [20] л. цв. ил.
166. Паксман, Д. Англия: портрет народа / [пер. с англ.: И.А. Егоров].— СПб. : Амфора, 2009.— 378, [2] с.
167. Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота.— Архангельск : Поморский университет, 2008.— 188, [1] с.
168. Панфилов, А.Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий. (Ч.1) // Право и политика.— 2011.— № 2.— С. 293–305.
169. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская

- социологическая мысль.— М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996.— С. 462–525.
170. Пасецкий, В.М. Арктические путешествия россиян.— М.: Мысль, 1974.— 230 с.
171. Пасецкий, В.М. Первооткрыватели Новой Земли.— М.: Наука, 1980.— 195 с.
172. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. URL: [www//http: mod/resource/view.php](http://www/mod/resource/view.php)
173. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия.— Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010.— 552 с.
174. Пинегин, Н.В. Ледяных просторах: экспедиция Г.Я. Седова к Северному полюсу.— Л., 1933.— 306 с.
175. Под флагом России: история зарождения и развития морского торгового флота / Е.П. Пузырев, В.Д. Скугарев, А.В. Басов, Н.Ю. Березовский, В.Г. Реданский.— М.: Согласие, 1995.— 568 с.
176. Полярный архив. Т. 1: Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / под общ. ред. П.В. Боярского.— М.: Рос. НИИ культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, 2003.— 499 с.
177. Поморские чтения по семиотике культуры: [сб. ст.]. Вып. 1–4 / [отв. ред. Н.М. Терехин].— Архангельск: Изд-во Помор. ун-та.— 2006; 2008; 2009.
178. Поморские чтения по семиотике культуры: [сб. ст.]. Вып. 5–6 / [отв. ред. Н.М. Терехин].— Архангельск: Изд-во САФУ.— 2011; 2012.
179. Попков Ю.В. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ / Ю.В. Попков; отв. ред. В.И. Бойко; [АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии].— Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990.— 200,[1] с.
180. Попов, Г.П., Давыдов, Р.А. Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в.— Екатеринбург; Архангельск: ИЭПС УрО РАН, 2002.— 241 с.
181. Попов, Г.П., Давыдов, Р.А. Мурман: очерки истории края XIX – начала XX в.— Екатеринбург: УрО РАН, 1999.— 221 с.
182. Послание к Евреям святого апостола Павла // Библия. Глава 11:1.

183. Потемкин, В.К., Михайлов С.Г. Управление персоналом: социокультурные трансформации, социальный мониторинг.— СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2015—426 с. : ил.
184. Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: материалы Первой международной научно-практической конференции. [Текст] / Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010. – Калининград: Терра Балтика, 2010.— 464 с.
185. Программа курса для специальности «культурология».— СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2000.
186. Пространство и время социальных изменений: курс лекций в цикле социологических дисциплин для студентов, магистров, аспирантов и преподавателей / авт.: В.Н. Ярская [и др.].— М.; Саратов, 2004.— 280 с.
187. Ратцель, Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев.— СПб.: Питер, 2007.— С. 15–36.
188. Рождественская, Н.И. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: морских зверобоях и охотниках: народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы : сборник.— Архангельск : Архангельское обл. книж. изд-во, 1952.— 188 с.
189. Рэдклифф-Браун, А.Р. О социальной структуре / пер. с исход. журн. варианта: В.Г. Николаев // Вопросы социальной теории.— 2008.— Т. II, вып. 1(2).— С. 21–37
190. Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; с предисл. Э.Э. Жванс-Причарда и Фрэда Эггана; пер. с англ., коммент. и указ. О.Ю. Артемовой при участии Ю.А. Артёмовой, А.Г. Артёмова; отв. ред. В.А. Попов.— М.:Издат. фирма «Восточная лит.» РАН, 2001.— 304 с.
191. Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.— Тамбов: Грамота, 2012.— № 10, ч. 1.— С. 158–162.
192. Романова, А.П., Топчиев, М.С. Культурная память и культурное наследие: понятийный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура.—

- 2012.— № 4.— С. 226–233. URL: <http://kaspy.asu.edu.ru/files/4%2833%29/226-233.pdf> (Дата обращения: 2.06.2017).
193. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?85> (Дата обращения: 12.05.2011).
194. Рощеня, Д. Музыка Севера в живописи Вячеслава Коренкова: очерк творчества и подборка репродукций // Фома.— 2008.— №12(68).— С. 100–105.— («Галерея»). URL: <http://foma.ru/bibliografiya-foma-12-68-dekabr-2008.html> (Дата обращения: 20.7.2017).
195. Рубцов, А. Парусники : [электронный ресурс]. URL: [www. hppt // liveinternet.ru/users/5347628/post324673791](http://www.hppt.liveinternet.ru/users/5347628/post324673791) (Дата обращения: 20.7.2017).
196. Савельева, С.Б., Савельев, А.Н., Козинский, И.В. Особенности и типология видов морской хозяйственной деятельности // Вестник МГТУ.— 2006.— Т. 9, № 4.— С. 665–668.
197. Савицкий, П.Н. Географический обзор России – Евразии // Россия: особый географический мир.— Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927.— 68 с.
198. Савицкий, П.Н. Континент Евразия.— М.: Аграф, 1997.— 461 с.— (Новая история).
199. Семашко, Л.М. Тетрасоциология: ответы на вызовы : переход плюрализма от теории к технологии, от расизма к сопротивлению, от постмодернизма к постплюрализму.— СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2002.— 207 с. : ил., табл. URL: <http://av.disus.ru/programma/1838708-1-lmsemashko-tetrasociologiya-otveti-vizovi-perehod-plyuralizma-teorii-tehnologii-rasizma-soprotivleniyu-postmodernizma-postplyuralizmu-eta.php/> (Дата обращения: 1.06.2017).
200. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии.— 2005.— № 9.— С. 26–37.
201. Семиотика единства и этнокультурного многообразия исторического пространства Русского Севера : сб. науч. статей : материалы X Поморских чтений по семиотике культуры, 19–22 июля 2014 г. / отв. ред. проф. Н.М. Терехихин.— Архангельск: СОЛТИ, 2014.— 342 с.
202. Соколов, Э.В. Введение в психоанализ. Социокультурный аспект.— СПб : Лань, 1999.— 320 с.— (Мир культуры, истории и философии).
203. Соловецкое море : ист.-лит. альманах / гл. ред. В.Н. Матонин.— Архангельск; М.: Т-во северного мореходства, 2014.— 243 с.

204. Соловецкий Морской музей. Идея и концепция [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.solovki.info>.
205. Сорокин, П.А. Система социологии: в 2 т. Т. 2.— М.: Наука, 1993.— 688 с.
206. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ.— М.: Политиздат, 1992.— 543 с.
207. Сохранение морского наследия в музеях России : материалы VI междунар. науч.-практ. конф.— Калининград: Терра Балтика, 2012.— 250 с.
208. Социокультурный контекст науки : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. д.филос.н. Е.А. Мамчур].— М. : ИФРАН, 1998.— 221 с.
209. Спенсер, Г. Основания социологии : пер. с англ.— Изд. 3-е.— М. : Книж. дом «Либроком», 2013.— 432 с.
210. Спенсер, Г. Социология как предмет изучения = The study of sociology : Пер. с англ. изд.— СПб.: тип. А. Якобсона насл., 1896.— XII, 405 с.
211. Старков, В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2: Россия и Северовосточный проход.— М.: Научный мир, 2001.— 116 с.
212. Степун, Ф.А. Бывшее и несбывшееся.— 2-е изд., доп.— СПб. : Алетейя, 2000.— 644, [2] с.
213. Стефанов, Н. Общественные науки и социальная технология : Пер. с болг. / предисл. и общ. ред. В.Г. Шорина.— М.: Прогресс, 1976.— 251 с.— (Общественные науки за рубежом. Философия и социология).
214. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [http://government.ru/news/432/Правительство России](http://government.ru/news/432/Правительство_России).
215. Тарасова, В.М. Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики: константы национального характера : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.01.— Краснодар, 2011.— 25 с.
216. Теория и практика морской деятельности. Вып. 5: Войтоловский Г.К. Динамика развития.— М.: СОПС, 2005.— 157 с.— (Серия научных публикаций / под ред. проф. Войтоловского Г.К.).
217. Теория и практика морской деятельности. Вып. 8: Факторы развития: внутренние и внешние / сост.: Батунова Г.В. [и др.].— М.: СОПС, 2006.— 224 с.— (Серия научных публикаций / под ред. проф. Войтоловского Г.К.).

218. Терехихин, Н.М. Лукоморский миф и Бьярмийская сага // Терехихин Н.М. Метафизика Севера.— Архангельск, 2004.— С. 123–144.
219. Терехихин, Н.М. Лукоморье: очерки религиозной теософии и маринистики Северной России.— Архангельск: ПГУ, 1999.— 205 с.
220. Терехихин, Н.М. Метафизика Севера: монография.— Архангельск, 2004.— 272 с.
221. Терещенко, Е.Ю. Морфология современной морской культуры Кольского Севера // Культура и цивилизация.— 2016.— № 1.— С. 208–219.
222. Тишков, В.А. Кризис понимания России: [электронный ресурс] // Этнографическое обозрение Online.— 2005.— Март. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2005/ЕОО2005_2b.pdf (Дата обращения: 20.7.2017)
223. Тойнби, А.Дж. Постижение истории: сб. / пер. с англ. Е.Д. Жаркова.— М.: Рольф, 2001.— 640 с.
224. Топоров, В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф, ритуал, символ, образ.— М.: Прогресс, Культура, 1995.— 624 с.
225. Труды Северной комиссии. 1897–1898 гг. [Электронный ресурс] // Комитет для помощи поморам рус. Севера.— СПб., 1898.— 332 с.— URL: <http://kolanord.ru/index.php/russkij-sever/343-trudy-severnojkomissii-1897-1898-gg>.
226. Толмачев, А.К. Исторические суда – памятники национального культурного наследия // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.).— Калининград: Терра Балтика. 2010.— С. 315
227. Томпсон, Ж. Окружающая среда как культурное наследие / сокр. пер. А. Елагина // Экология и устойчивое развитие.— 2003.— № 8.— С. 26–32; [электронный ресурс] // Гуманитарный экол. журнал (Киев).— 2002.— Т. 4. Спецвып.— С. 108–118.— Опубл.: Environmental ethics.— 2000.— Vol. 22.— P. 245–258. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/m08/> (Дата обращения: 20.7.2017).
228. Тюгашев, Е.А. Поморская философия и континентальный ландшафт. 6 марта 2012 г.: [электронный ресурс]. URL: <http://eugen-tugashev.livejournal.com/25672.html> (Дата обращения: 03.07.2017)

229. Ульяновский, . В.И. Социальное пространство региона Европейского Севера .Социологический анализ, диагностика, гуманизация : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-prostranstvo-regiona-evropeiskogo-severa-sotsiologicheskii-analiz-diagnostika-gum#ixzz5dT94NT4e>
Дата обращения 12.07.2017.
230. Федоров, П.В. Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.: монография.— Мурманск: МГПУ, 2009.— 388 с.
231. Фельдт, И.Н. Культурное пространство Русского Севера; особенности формирования: [Электронный ресурс]. URL: [.http//www.aonb.ru/conf/2003/Feldt.pdf](http://www.aonb.ru/conf/2003/Feldt.pdf) (Дата обращения: 03.07.2017)
232. Филин, П.А. Морское наследие как важнейший фактор развития морской деятельности России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России: материалы Первой науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г.— Калининград, 2010.— С.107–117.
233. Филин, П.А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07.— М., 2002.— 303 с.
234. Филиппов, А.Ф. К политико-правовой философии Карла Шмитта // Социологическое обозрение.— 2009.— Т. 8, № 2.— С. 41–52.
235. Филиппов, А.Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение.— 2009.— Т. 8, № 3.— С. 103–115.
236. Филиппов А.Ф. Социология пространства.— СПб.: Владимир Даль, 2008.— 285 с.
237. Флиер, А.Я. Антропология культуры: учеб. программа для студентов по специальности «культурология».— М.: Высш. школа культурологии, 2003.
238. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. [Гл. XXII].— М.: Прогресс, 1993.— 324 с.
URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (Дата обращения: 03.07.2017).
239. Флоренский, П.А. Иконостас; Имена.— М.: АСТ Москва, 2009.— 319 с.
240. Франк, С.Л. Духовные основы общества: [сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев].— М.: Республика, 1992.— 510,[1] с. : ил.— (Мыслители XX века).

241. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин].— М. : Новое изд-во, 2007.— 346 с.
242. Хейердал, Т. Древний человек и океан : [пер. с англ.].— М. : Мысль, 1982.— 350 с. : ил.
243. Чавес, М.С., Куллель, Х.В. Социальная наука и социальная технология // Общественные науки и современность.— 1992.— № 6.— С. 101–113. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/348/174/1217/11-Migel_SOBRAO_ChAVES.pdf (Дата обращения: 20.7.2017)
244. Чалая, И.П., Шульгин, П.М. Историко-культурные и природные территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа.— М. : Институт Наследия, 2003.— 117 с. : ил., карты.
245. Чернявская, О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского.— 2008.— № 5.— С. 329–335.
246. Шабает, Ю.П. Культурное пространство «Русского Севера»: [электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/kuleturnoe-prostranstvo-russkogo-severa> (Дата обращения: 20.7.2017)
247. Шергин, Б.В. Поклон отцу = Et bukk for far : [рассказы] / сост., вступ. ст., пер. с рус. на норв. М. Бьеркенг ; Арханг. лит. музей.— Архангельск : Правда Севера, 2002.— 355, [2] с. : ил.
248. Шершов, А. Корабельная архитектура [Электронный ресурс] // Курс для младшего специального Морского кадетского корпуса.— СПб., 1905. URL: <http://bookre.org/reader?file=1238695>.
249. Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии.— 1998.— Т. 1, № 2.— С. 60–70.
250. Шмитт, К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца.— Лейпциг, 1942.— 27 с.
251. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* = *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des jus publicum europaeum* / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца; под ред. Д. Кузницына.— СПб. : Владимир Даль, 2008.— 672 с.

252. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова.— М.: Мысль, 1998.— 606, [1] с., 1 л. портр.
253. Шрадер, Т.А. Поморские лоции – источник изучения истории плавания русских в Северную Норвегию // Мавродинские чтения: сб. ст.— СПб., 2002.— С. 129–134.
254. Шульгин, П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. Социология. Этнология.— 2004.— Т. 13, № 2.— С. 115–133.
255. Шундалов, И.Ю., Савинов М.А. Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море: ист.-лит. альманах.— М.; Соловки, 2007.— № 6.— С. 31–42.
256. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.
257. Щедровицкий, Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия = Thinking understanding reflection.— М.: Наследие ММК, 2005.— 798 с. : ил., портр.
258. Щученко, В.А. Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа. СПб. – 2011. С.
259. Элиас, Н. О процессе цивилизации: социогенет. и психогенет. исслед. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Акад. исслед. культуры.— М.; СПб. : Унив. кн., 2001.— 331 с.
260. Элиас, Н. О процессе цивилизации: социогенет. и психогенет. исслед. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Акад. исслед. культуры.— М.; СПб. : Унив. кн., 2001.— 381 с.
261. Энгельгардт, А.П. Русский Север: путевые записки.— СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897.— 258 с.
262. Якуба, Е.А. Социология: учеб. пособие для студентов.— Харьков: Константа, 1996.— 176 с.
263. Barents Borders. Delimitation and internationalization // Edited by Atle Staalesen. The Norwegian Barents Secretariat.— Kirkenes, 2012.— 102 p.
264. Eldjarn, G., Godal, J.B. Nordlandsbåten og Åfjordsbåten = [Папуса в Скандинавии].— Vol. 1-4.— Kiellands Forlag, Lesja, 1988.

265. Heritage of the Russian Arctic: Research, conservation and international cooperation: proc. of the International Scientific Willem Barents Memorial Arctic Conservation Symposium, Moscow, 10–14 march 1998 / transl. by Yu.V.Morozov.— Moscow: Ecopros Publishers, 1998.— 640 p.
266. The Barents Region. Cooperation in Arctic Europe / edited by Olav Schram Stokke & Ola Tunander.— Oslo: International Peace Research Institute, 1994.— 239 p.